Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 23—24 31 ДЕКАБРЯ № 23—24

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 8
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„ПРАВДА“

Главлит № А—26493 Тираж 75.000.

Типография газеты „Правда“, Москва, Тверская, 48.

Ход хлебозаготовительной кампании.

Вопрос о хлебозаготовках является важнейшей хозяйственной проблемой Советской Страны, и его разрешение тесно связано с задачей под'ема и реконструкции сельского хозяйства на высшей технической и социальной основе. Поскольку мы делаем лишь первые шаги в разрешении этой задачи, проблема хлеба не перестает быть острейшим вопросом нашей хозяйственной политики.

В связи с прошлогодними хлебными затруднениями партия поставила хлебную проблему во всей ее полноте, выяснив как причины затруднений, так и методы их разрешения.

Июльский, а затем ноябрьский пленумы Центрального Комитета ясно указали на две группы причин, из которых первая обнимает собой причины длительного порядка, создавшие базу для хлебных затруднений, и вторая — причины временного, кон'юнктурного свойства. Последнего рода причины хлебных затруднений связаны с политикой хозяйственного руководства, с организационно-экономическими методами регулирования хлебозаготовок и текущей кон'юнктурой. К ним относятся недостатки заготовительного аппарата, срыв хлебных цен частником и кулаком при конкуренции между заготовителями, недоснабжение промтоварами деревни, несоответствие между ценами на различные сельскохозяйственные культуры, недообложение сельскохозяйственным налогом верхушечных слоев деревни, недостатки советского и партийного аппаратов в деревне в ряде мест, не сумевших оказать достаточный отпор кулаку, при росте его активности и т. д., и т. п.

Причины длительного порядка создали основу хлебозаготовительного кризиса прошлого года и определяют напряженность в области выполнения плана хлебных заготовок и организации бесперебойного снабжения населения в текущем году. Эти причины будут еще чувствоваться в течение ближайших двух - трех лет. Эти причины выражаются в чрезмерном отставании зернового хозяйства от темпа роста потребностей страны. Это отставание определяется как недовосстановленностью посевных площадей (90% довоенного), так

и низкой—буквально нищенской—урожайностью. Отставание зернового хозяйства происходит на фоне продолжающегося измельчания крестьянских хозяйств, что ведет к уменьшению товарности зерновой продукции этих хозяйств. В то же время мы не успели вместо крупных помещичьих и кулацких хозяйств построить крупные хозяйства социалистического типа—колхозы и совхозы. Эту задачу можно разрешить лишь на протяжении ближайших лет. На ряду с этим еще в малой степени использованы возможности поднятия индивидуальных крестьянских хозяйств как в смысле повышения их урожайности, так и расширения посевных площадей.

Вот почему задача поднятия производительности сельского хозяйства (путем усиления снабжения сельского хозяйства машинами, удобрениями, чистосортными семенами, очистки семян триерами, протравки семян, внедрения новой агротехники и пр.) нами выдвигается, как одна из важнейших задач нашей хозяйственной политики. Растущая индустрия нашей страны, в особенности рост производства средств производства, в первую очередь машин, с каждым годом дает в наше распоряжение все большие материальные ресурсы для разрешения этой задачи. Значение индустрии, как ведущего начала во всем народном хозяйстве, с каждым годом должно все больше и больше увеличиваться, но индустрия может расти лишь на определенной сельскохозяйственной базе, снабжающей промышленность сырьем и хлебом и открывающей для нее рынки сбыта продукции.

Вот почему, решительно борясь со всякими попытками снижения темпа индустриализации страны, надо добиваться возможного дальнейшего ускорения этого темпа, и в то же время необходимо обратить сугубое внимание на поднятие сельского хозяйства и в первую очередь его зерновой отрасли, действуя по трем руслам:

1) всемерно помогать поднятию бедняцких и середняцких индивидуальных хозяйств, систематически вовлекая их в кооперативное русло; в этом отношении громадное значение имеет практика контрактации зерновых культур, которую нужно всемерно расширять и улучшать;

2) об'единять мелкие крестьянские хозяйства в крупные коллективные об'единения, в это основное русло коренной технической реконструкции всего сельского хозяйства на социалистических началах и поднятия его производительности;

3) построить в установленные партией сроки новые крупные зерновые совхозы в расчете получить от них в конце пятилетия не менее 1,64 млн. тонн товарного хлеба; улучшать и укреплять старые совхозы, которые по размерам своих земельных фондов в состоянии повысить свою хлебную продукцию до 1,23—1,64 млн. тонн хлеба; добиться постепенного нарастания выхода товарной продукции из этих социалистических экономий и довести к концу пятилетия эту цифру до 2,9—3,3 млн. тонн.

Все эти задачи разрешимы лишь на протяжении нескольких лет при условии, что партия будет неослабно следить за решением зерновой проблемы.

Теперь же нам приходится исходить из существующей базы зернового хозяйства.

Если считать всю площадь, засеянную крестьянами осенью и весной истекшего года, то эта посевная площадь выше прошлогодней на 1,5—2 млн. гектаров. Однако, благодаря гибели озимых посевов на юге Украины и Сев. Кавказе, продуктивных посевов, т.-е. таких, которые дали урожай, оказалось на 2,5 млн. гектаров (2,6%) меньше прошлогодних.

Несмотря на это, при тех благоприятных видах на урожай, которые мы имели к 1 июля 1928 года, еще до уборки, эксперты ожидали валовой сбор в текущем хозяйственном году больший, чем в прошлом году, примерно на 8,2 млн. тонн. Однако, к весеннему стихийному бедствию (гибель озимых) в июле присоединилось другое стихийное бедствие в этих же районах—засуха, охватившая юг Украины и Сев. Кавказ за одну-две недели до уборки урожая.

Новая хлебозаготовительная кампания 1928—29 года началась в особо сложной и особо трудной обстановке. Затруднения, перешедшие от прошлого года, неизбежно наложили свой отпечаток на начало новой кампании. С другой стороны, особенности урожая, его география и покультурный состав создали новые трудности, особенно на первом этапе кампании. К этому присоединилось [illegible] запоздание вызревания хлебов на 10—15 дней против нормального и полоса усиленных дождей, прошедших к моменту уборки хлеба как на Украине, так и на Волге и на Сев. Кавказе, что также ослабило заготовки в первые месяцы кампании.

Если бы в распоряжении государства были значительные хлебные запасы, то изменение в сроках вызревания и уборки хлебов, изменение покультурного состава и географии хлебозаготовок не представляло бы ничего серьезного и не создало бы особых затруднений. Но в конкретной обстановке текущего года все эти неблагоприятные условия ухудшили положение со снабжением хлебом и затруднили выполнение плана семеноснабжения.

Благодаря хлебозаготовительным затруднениям прошлого года мы вышли навстречу новому урожаю с дезорганизованным рынком заготовок, с крайне недостаточными переходящими запасами хлеба, с расстроенным рынком снабжения. Громадный разрыв между частными и конвенционными хлебными ценами явился в первый период кампании естественным результатом этих условий. Эти трудности усугубились тем, что мы должны были в начале же кампании решить труднейшую задачу семенной помощи крестьянству юга Украины и РСФСР, пострадавшему от гибели озимых посевов.

Мы вступили в новую кампанию, имея перед собой важнейшую задачу—немедленно прекратить практику чрезвычайных мер. Но для

перехода от практики чрезвычайных мер к нормальным методам заготовок требовалось время, и на этом переходе было неизбежно падение заготовок. Это отразилось на заготовках в июле, оказавшихся самыми минимальными за последние четыре года и составлявших менее трети июльских заготовок прошлого года.

Своеобразие урожая текущего года отразилось на хлебозаготовительной кампании в полной мере. Мы уже указывали выше на неблагоприятный покультурный состав урожая. Несмотря на то, что валовой сбор зерновых хлебов, по данным ЦСУ СССР, превысил прошлогодний по крестьянским хозяйствам на 0,77 млн. тонн, основных продовольственных культур—ржи и пшеницы—оказалось на 3,48 млн. тонн меньше, чем в прошлом году. При этом рожь дала уменьшение почти на 4,7 млн. тонн, и, несмотря на повышенный, по сравнению с прошлым годом, урожай пшеницы, итоговый баланс продовольственных культур оказался напряженным.

Значительный недород ржи и общий неблагоприятный баланс продовольственных культур вызвал необходимость проведения мер максимальной экономии в расходовании зерна и хлеба. Вместо 75-процентного помола пшеницы был введен 80 и 90-процентный, т.-е. из 100 кг пшеницы мельницы вырабатывают вместо 75 кг соответственно 80 и 90 кг пшеничной муки.

Такова первая неблагоприятная особенность урожая текущего года, которая сказалась на ходе хлебозаготовительной кампании.

Но еще большие трудности представило географическое распределение урожая. Пониженный урожай в южных районах Союза (Украина, Крым и частично Сев. Кавказ) и превосходный урожай на Востоке определили резкое перемещение центра тяжести хлебозаготовительной кампании с юга на восток. Этот факт определил ряд существенных трудностей.

Хлебозаготовки на юге развертываются обычно уже в августе. Уже к концу этого месяца центральные районы Союза и рабочие центры могут рассчитывать на хлеб нового урожая. Иначе обстоит дело с отдаленными восточными районами. Более поздний сбор урожая в этих районах дает возможность, обычно, развернуть в полной мере хлебозаготовки лишь в октябре и даже в ноябре. С другой стороны, отдаленность этих районов, слабая железнодорожная сеть, трудности отгрузки и вывоза из глубинных пунктов в центральные районы, наконец, недостаточная мукомольная промышленность в этих районах,— все это определило те сверхкомплектные трудности, которые приходится преодолевать в текущем году.

Партия поставила задачу перед всем партийным, советским и заготовительным аппаратом развернуть заготовки на Востоке возможно раньше и возможно шире. Ничтожные запасы к началу хлебозаготовительного года требовали безусловного разрешения этой задачи. Невыполнение грозило большими

осложнениями и перебоями в ходе снабжения решающих рабочих центров. Итоги первой половины хлебозаготовительной кампании показывают, что задача, поставленная партией, разрешена удовлетворительно.

Первую половину новой хлебозаготовительной кампании с точки зрения динамики заготовок можно разбить на три части. Первая — начало заготовок (июль—август); вторая (сентябрь—октябрь)—развертывание заготовок до большей высоты; третья (ноябрь—декабрь)—некоторое падение заготовок и развертывание их на пониженном, по сравнению с октябрем, уровне.

До вступления в хлебозаготовительную кампанию Востока и Поволжья хлебозаготовки шли на чрезвычайно пониженном, в сравнении с прошлым годом, уровне:

Заготовлено в тыс. тонн.

	1927/28 г.	1928/29 г.	%%-ная разница заготовок.
Июль	279	90	— 67,8
Август	999	529	— 46,5
	1.268	619	

Таким образом, в течение июля и августа, т.-е. тех месяцев, когда заготовки могли развертываться исключительно на юге, мы имели, по сравнению с прошлым годом, недозаготовку в размере 649 тыс. тонн. В сентябре заготовки начали развертываться в Поволжье, и сентябрь дает уже 1,47 млн. тонн против 1,35 млн. тонн в прошлом году по всему Союзу. Итог первого квартала закончился с недозаготовкой по отношению к 1927—28 году в 20,4%. Широкое развертывание заготовок в Поволжье и на Востоке дало возможность в октябре эту недозаготовку покрыть и перекрыть.

Заготовлено в млн. тонн.

	1927/28 г.	1928/29 г.
1-й квартал (июль, август, сентябрь)	2,63	2,09
Октябрь	1,05	1,78
	3,68	3,87

В ноябре мы имеем большее, чем сезонное, снижение заготовок (распутица). Всего за истекшие 5 месяцев по Союзу заготовлено 4,86 млн. тонн зерновых хлебов. В прошлом году за это же время было заготовлено 4,36 млн. тонн. Заготовки текущей кампании превысили на 1 декабря прошлогодние заготовки на 0,5 млн. тонн. Этот удовлетворительный количественный итог существенно снижается при более детальном покультурном его рассмотрении. Неблагоприятные особенности урожая текущего года не могли не сказаться на качестве собранных хлебов. Несмотря на то, что заготовлено на 0,5 млн. тонн больше, чем в прошлом году за это же время, в массе заготовленного

хлеба ржи и пшеницы оказалось меньше, чем в прошлом году на 0,32 млн. тонн: на 1 декабря заготовлено 3,28 млн. тонн ржи и пшеницы, а в прошлом году—3,6 млн. т. Таково отражение на ходе хлебозаготовок первой особенности урожая текущего года.

Еще более существенно проанализировать итоги заготовок по отдельным районам. Перемещение центра тяжести заготовок с юга на восток, подчеркнутое нами выше, достаточно выпукло видно из следующей таблички (в %%):

Группы районов.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Южная (Украина, Сев. Кавказ и Крым) . . .	59,6	61,6	27,7
Центральная (Ср. Волга, Н. Волга и ЦЧО) .	20,7	19,2	30,3
Восточная (Сибирь, Казакстан, Урал, Татреспублика и Башреспублика)	16,2	16,6	38,8
При этом отдельно по Украине	35,3	48,0	14,9

Близкие и доступные южные районы, дававшие обычно в первый период хлебозаготовительной кампании свыше ⅔ общесоюзных заготовок, в текущем году дали только 27,7%. При этом Украина, дававшая в прошлом году свыше половины всего заготовленного на 1 декабря хлеба, теперь заготовила около 15%. С другой стороны, далекие восточные районы, игравшие в прошлом году в заготовках первой половины кампании ничтожную роль (16,6%), в текущем году выносят на себе основную тяжесть хлебозаготовительной кампании и дали до 38,8% всего заготовленного по Союзу хлеба. Украина, давшая в прошлом году на 1 декабря 2 с лишним млн. тонн зерновых хлебов, в текущем году дала только 0,72 млн. тонн, а Сибирь дала 0,79 млн. тонн против 0,29 млн. тонн в прошлом году. Общий итог хлебозаготовок за 5 месяцев показывает, что широко развернутая на Востоке заготовительная кампания дала возможность перекрыть дефицит, обусловленный пониженным урожаем в южных районах Союза. Однако, выявившиеся тенденции в заготовках за ноябрь и декабрь говорят о том, что основные трудности впереди.

Ряд экономических факторов, игравших значительную роль в первом периоде хлебозаготовок, теперь отпал. Крестьянство внесло основную массу сельскохозяйственного налога, сдана большая часть закупленного на корню и законтрактованного хлеба, наконец, беднота и отчасти середняки успели основную массу своего избыточного хлеба продать государству. Во второй период хлебозаготовительной кампании заготовки будут охватывать преимущественно середняцкие и зажиточные слои деревни. При этом денег в деревне за счет разнообразных не хлебных заготовок и не сельскохозяйственных заработков сейчас значительно больше, чем в первый период хлебозаготовок. Все эти трудности нужно видеть вполне отчетливо.

Успешный ход заготовок за предыдущие месяцы в ряде районов усыпил бдительность наших организаций, активность заготовителей и общественная поддержка оказались недостаточными. Лишь с конца ноября места взялись активнее за хлебные заготовки.

Как же развертывается динамика хлебозаготовок и какие перспективы намечаются для 2-го периода хлебозаготовительной кампании?

	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь
	в тысячах тонн				
1928/29 г.	90	529	1.470	1.781	986
1927/28 г.	279	990	1.355	1.048	679
1926/27 г.	242	771	1.435	1.600	1.610

Общая заготовка по всем зерновым хлебам протекала в сентябре и октябре на повышенном уровне как против 1927—28 года, так и против 1926—27 г.

Несмотря на снижение темпа заготовок в ноябре, месячный их итог превышает заготовки прошлого года. Но надо иметь в виду, что в прошлом году в ноябре мы уже вступили в заготовительный кризис. Именно поэтому нельзя считать ноябрьский итог заготовок удовлетворительным, и необходимо более тщательно проанализировать динамику заготовок в ноябре.

Заготовлено зерновых хлебов в тыс. тонн:

	1927/28 г.	1928/29 г.	Разница заготовок 1927/28 г. к 1928/29 г. в %%.
1-я пятидневка ноября . . .	115	213	+85
2-я „ „ . . .	97	167	+82
3-я „ „ . . .	114	180	+58
4-я „ „ . . .	114	156	+37
5-я „ „ . . .	100	124	+24
6-я „ „ . . .	121	147	+21
1-я „ декабря . . .	109	148	+36
2-я „ „ . . .	125	170	+36
3-я „ „ . . .	114	187	+64

Таким образом, наиболее низкой точкой явилась пятая пятидневка ноября. С этого времени мы отмечаем начало нового, но небольшого, под'ема. В прошлом году падение заготовок в ноябре обозначало вступление в полосу хлебозаготовительного кризиса. Изучение же характера падения в ноябре по отдельным районам в текущем году показывает определенно, что говорить о хлебозаготовительном кризисе сейчас не приходится. Однако, эта общая оценка не покрывает положения, обозначившегося во всех районах. В то время, как на Востоке ноябрьский перелом в сторону повышения уже в самое ближайшее время намечает удовлетворительный ход заготовок, в других районах, особенно на юге, дело обстоит значительно хуже. Падение заготовок здесь связано не только с резко пониженным урожаем, но и со значительным ростом роли частников и мешечников. Наличие ряда недородных районов определило усиленный внутрирайонный частный хлебооборот, весьма часто принимающий спекулятивный характер. В результате мы имеем на Украине значительный разрыв между заготовительными и базарными ценами, что представляет угрозу заготовкам. В центральных районах Союза также наметились некоторые неблагоприятные тенденции, вызванные опять-таки наличием недородных районов и повышенным спросом из потребляющей

полосы Союза. Недобор ржи, на который мы указывали выше, в значительной мере падает именно на потребляющую полосу, где валовой сбор ржи по сравнению с прошлым годом снизился почти на 1,07 млн. тонн. Давление этих районов особенно сильно ощущается в Центрально-Черноземной области и в Поволжье. Несмотря на то, что в сентябре и октябре заготовки в Поволжье развернулись вполне успешно, ноябрьское снижение обнаруживает некоторые тревожные черты. Достаточно указать, что в ноябре в Поволжье заготовлено лишь немногим больше, чем по недородной Украине (150 тыс. тонн и 126 тыс. тонн).

Одновременно с этим падением заготовок в Поволжье отмечается некоторое увеличение разрыва цен, как результат роста мешечничества и частного хлебооборота. Таковы те многообразные условия, которые сложились к началу второго периода хлебозаготовительной кампании. Благоприятнее всего складывается обстановка в восточных районах. При наличии значительных хлебных товарных ресурсов мы здесь имеем наиболее выгодную рыночную кон'юнктуру, так как разрыв цен здесь минимальный. Это обстоятельство создает об'ективные условия для удовлетворительного развертывания хлебозаготовок на Востоке.

Перспективы хлебозаготовок в Поволжье сложатся удовлетворительно, если нам удастся достаточно быстро преодолеть спекулятивную волну мешечничества и выдержать политику цен. Наконец, обстановка на юге наиболее неблагоприятная и требует ряда маневренных мероприятий для улучшения положения с хлебом.

Удовлетворительное проведение второго периода хлебозаготовительной кампании требует широчайшей раскачки всего партийного, советского и заготовительного аппарата. Если в течение первой полосы хлебозаготовок значительная часть хлеба шла *самотеком*, то сейчас необходимо в *деревне* развернуть напряженную раз'яснительную и организационную работу. Все общественные организации села должны быть вовлечены в это дело. Несомненно, что партия натолкнется на попытки сопротивления кулацких слоев деревни. Углубившаяся классовая борьба усилит стремление кулацкой верхушки деревни создать трудности хлебозаготовительной кампании.

В деревне должна быть развернута широкая кампания общественной борьбы со спекулянтами. Крестьянский актив и прежде всего беднота должны взять на себя борьбу с этим злом, срывающим наши хлебозаготовки в ряде районов.

Борьба с мешечничеством должна сопровождаться настойчивой раз'яснительной кампанией о необходимости полной сдачи законтрактованного и купленного на корню хлеба. В ряде районов, где существует резкий разрыв между конвенционными и базарными ценами, контрактационные договоры в значительной мере не выполняются не только индивидуальными крестьянскими хозяйствами, но и колхозами и даже совхозами. Это имело место, в частности, на Украине и в Крыму, куда нахлынула масса крестьян из недородных районов для закупки семенного и продовольственного зерна.

Заготовительные организации должны добиться безусловного выполнения договоров во всех тех случаях, когда крестьянское хозяйство имеет возможность сдать хлеб, но оттягивает сдачу в связи с соблазном высоких рыночных цен. В особенности необходимо укрепить хозяйственную дисциплину в системе колхозов.

Важнейшим залогом успеха кампании является закрепление нашей политики хлебных цен. Хотя в основных производящих районах этот разрыв значительно уменьшился, однако, опасность срыва нашей политики цен значительна. Вот почему сохранение достигнутого уровня цен на протяжении всей кампании и борьба со всеми попытками ее срыва являются важнейшей задачей новой кампании и важнейшим условием ее успешного окончания.

Основным рычагом в руках государства для усиления хлебозаготовок во второй период кампании являются, несомненно, промтовары. Само собой разумеется, необходимо настойчивое завершение текущих налоговых мероприятий, взыскание сельскохозяйственного налога, страховых платежей и развертывание самообложения. Но основным рычагом остается маневрирование промышленными товарами. Для основных заготовляющих районов и прежде всего для Востока необходимо обеспечить максимальное количество промышленных товаров путем соответствующего перераспределения между заготовляющими и незаготовляющими районами. При этом кооперативные организации хлебозаготовительных районов должны в полной мере усвоить, что государство идет на снижение снабжения промышленными товарами городов для лучшего обеспечения хлебозаготовительных районов, и что *это делается во имя форсирования хлебозаготовок*. Каждый сельский кооператив должен понять и раз'яснить крестьянству, что преимущественное снабжение села промышленными товарами требует соответствующего повышения хлебозаготовок. Кооперативная и советская общественность должны обеспечить продажу кооперированным крестьянством своего хлеба государству. Кооператив, который при наличии хлебных ресурсов в районе не может обеспечить поднятия хлебозаготовок, не должен рассчитывать на преимущественное получение товаров.

Таковы те мероприятия и рычаги, которые необходимо развернуть во второй половине хлебозаготовительной кампании. Необходимо взять под внимательнейшее наблюдение всей нашей печати ход и развертывание хлебозаготовок. Необходимо обеспечить немедленную ликвидацию отдельных возможных извращений работы заготовительного аппарата в самый момент их зарождения. Заготовительный план текущего года составлен в расчете на его безусловное и полное осуществление. Только при этих условиях создается основная гарантия для нормального и бесперебойного развертывания нашего социалистического строительства. Перестраивая наше сельское хозяйство на новых социальных и технических основах, мы подготовляем развернутую

широко базу для дальнейшего роста нашего строительства. Несомненно, что ближайшие год—два будут наиболее напряженным и узким участком на этом пути. Развертывание колхозного и совхозного строительства, под'ем урожайности индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств уже через пару лет обеспечат нам необходимые зерновые ресурсы для решения хлебной проблемы. До этого момента трудности неизбежны. Преодоление этих трудностей требует гибкого маневрирования, величайшей дисциплины, активности и выдержки. Партия наметила выход из переживаемых затруднений не на пути развертывания кулацкого сектора деревни, а по линии под'ема бедняцко-середняцкой массы хозяйств и их перестройки на высшей социальной и технической базе. Этот путь ликвидирует основу наших хлебозаготовительных трудностей и создаст не только широкую, но и прочную базу для нашего социалистического строительства.

Ем. Ярославский.

У последней черты.

(Антипартийные группы после XV с'езда) [1].

Год прошел со времени постановления XV с'езда партии, который признал несовместимыми с принадлежностью к партии взгляды троцкистов и сапроновцев и постановил исключить из партии сторонников троцкистской и сапроновской платформ. Если год назад были еще сомневающиеся в дальнейшей судьбе троцкистского течения, как социал-демократического, меньшевистского, то за год сами троцкисты сделали все, что они могли сделать, для того, чтобы об'яснить и доказать правильность решений XV с'езда, и прежде всего они это доказали многим своим вчерашним сторонникам.

Партийная печать, к сожалению, не уделяла в течение этого года сколько-нибудь значительного внимания антипартийным группам, сложившимся в борьбе с ВКП(б), внутри нашей партии и вне ее. Если не ошибаемся, кроме статьи в «Коммунистическом Интернационале» (№ 6—7) по поводу «двух документов», статьи в «Правде» об этом же и затем статьи в «Большевике» (№ 3—4), партийная печать ни разу сколько-нибудь серьезно не останавливалась на том, что делается в этих группах и группировках, какие процессы, изменения происходят в идеологии этих групп, не следила за тем, «куда растут» эти группы. Год подпольной работы этих групп дал, однако, богатейший материал, заслуживающий того, чтобы его осветить. Многочисленные документы вождей и «вождей», больших и малых, троцкистов, сапроновцев и мясниковцев подпольно распространялись достаточно широко по стране, и особенно в странах капиталистических, где под крылышком буржуазных правительств и буржуазных издательств, эти документы находят большой спрос и применение. Часть этих документов адресована в качестве директивных писем к сторонникам этих антипартийных групп, часть VI конгрессу Коммунистического Интернационала, часть является директивными же документами для врагов Коминтерна и ВКП(б) в «международном масштабе».

Задача настоящей и последующих статей — осветить эти материалы, показать их социально-классовое лицо и дать им надлежащую оценку с точки зрения борьбы нашей партии и Коммунистического Интернационала за социализм.

* * *

Накануне XIV с'езда троцкисты подготовлялись к выступлению на с'езде с изложением своей платформы. Должен был, судя по многочисленным документам, накопившимся за это время, выступить Троцкий, при чем его выступление должно было быть направлено особенно остро против тов. Зи-

[1]) Мы намерены дать ряд статей в «Большевике», характеризующих антипартийные группы в целях информации и ознакомления членов партии с этими группами. Настоящая статья является как бы введением. *Е. Я.*

новьева, как председателя Коминтерна, и вообще против тогдашней группировки Зиновьева и Каменева.

Однако, когда накануне XIV с'езда выяснилось, что Зиновьев и Каменев выступают против Центрального Комитета, организуют оппозицию, Троцкий не только не выступил против них, но определенно ориентировался на блок с ними. Теперь этот блок Троцкий делает попытку изобразить не как верхушечный блок, не с Зиновьевым и Каменевым, а как блок снизу, своего рода «единый фронт» против партии, против ее большинства. Еще в апреле распространялся троцкистский документ, который делал попытку это об'яснить. В этом документе мы читаем:

«Тебя, друг, интересует вопрос о том, каким это образом могли об'единиться с Зиновьевым и Каменевым те самые, кого в 1923—25 гг. больше всего травили, на кого больше всех прочих клеветали именно Зиновьев и Каменев. Твои сомнения были бы основательны, если бы речь шла о сделке политиканствующих лидеров. Но ведь блок оппозиции 1923—25 гг. представлял собою нечто совершенно отличное от закулисной комбинации вождей. Блок создался на основе общих политических взглядов, и на основе более или менее одинаковой оценки положения и ближайших задач нашей революции. Оппозиция 23 года проявила бы совершенно необ'яснимую близорукость, откажись она от совместной борьбы с лучшими ленинградскими пролетариями, именно с последними в первую очередь, а не с Каменевым и Зиновьевым. К слову сказать, огромное большинство этих рабочих за Каменевым и Зиновьевым не последовало в их капитулянтском падении».

Мы однако, знаем, что дело обстояло как раз наоборот, что блок заключался именно как беспринципная «комбинация» верхушек, так же, как складывался в свое время троцкистский августовский блок ликвидаторов и других антипартийных меньшевистских групп против большевиков. Да и расстраивался этот блок вовсе не низами, а теми же верхушечными комбинациями вождей и подвождей (правда, не без давления этих «низов»). Мы впоследствии остановимся на этом более подробно и приведем многочисленные свидетельства того, что именно так дело и обстояло.

В мае Троцкий сам писал в одном из документов (от 25 мая 1928 года) о том, как решались вопросы в этом блоке:

«7 ноября вечером, после демонстрации, мы по телефону вызвали Зиновьева в Москву, чтобы поставить вопрос о тактическом свертывании. Зиновьев ответил письмом с оказией. В приложении к письму было описание событий 7 ноября в Ленинграде, а в письме Зиновьева говорилось: «Описание фотографически точное. Все сведения говорят о том, что все это безобразие принесет нашему делу большую пользу. Беспокоимся, что было у вас. «Смычки» идут у нас очень хорошие. Перелом большой в нашу пользу. Ехать отсюда пока не собираемся...». Мы повторили требование о немедленном выезде Зиновьева в Москву. Что было по приезде, то-есть спустя 24 часа, достаточно хорошо известно».

Смешно доказывать теперь, что какое-то «общественное мнение» тех, кто принадлежал к оппозиции решало вопрос о том, какие заявления подавать. Кое-какое давление этих «низов», конечно, было, однако, верхушка, сколачивавшая блок, считалась меньше всего с этими требованиями. Ведь у главного «вождя» была тактика «дальнего прицела»,—какое дело этому дышащему аристократической самовлюбленностью человеку до того, что думают «массы», хотя бы и троцкистские!

Факт неопровержимый, что после XV с'езда огромное большинство тех, кто шел за Каменевым и Зиновьевым, так называемая «ленинградская оппозиция», последовало за ленинградской группой и вернулось в партию. Правда, были еще кое-какие колебания у так называемых «безвожденцев», которые считали, что Зиновьев и Каменев сделали ошибку, написавши свое письмо в «Правду» и снявши свои подписи с платформы «83»; но впоследствии и эти товарищи должны были убедиться, что нельзя одновременно

заявлять о своем согласии с партией и в то же время поддерживать платформу троцкистов. Одно из двух—либо вы поддерживаете платформу троцкистов, осужденную партией, ее с'ездом,—тогда вам партия не может поверить, что вы считаете правильной ее линию; либо вы признали, действительно, свою ошибку и целиком поддерживаете партию и тем самым снимаете свои подписи с троцкистских документов. Этого утешения,—что огромное большинство ленинградских рабочих, бывших в «ленинградской оппозиции», осталось троцкистами,—этого утешения троцкистам не дано. Почти все товарищи, которые в период перед XIV с'ездом и между XIV и XV с'ездами примкнули к «ленинградской оппозиции», в настоящее время вернулись в партию и отказались от поддержки троцкистов, в том числе и рабочие, и даже прежде всего рабочие. И вообще, пора все-таки признать, что далеко не худшая часть троцкистской оппозиции, в прежние годы связанная с партией, отошла от троцкистов и отходит. Напомним такие документы, как обращение Евдокимова, Зиновьева и Троцкого от 29 июня 1927 года к Центральному Комитету всероссийского союза рабочих металлистов. На VII пленуме ЦК союза металлистов была вынесена, по докладу тов. Лепсе, резолюция по текущему моменту, в которой говорилось: что «оппозиция ведет гибельную пропаганду своей пораженческой идеологии». По этому поводу вожди оппозиции писали, что эти слова могут показаться чудовищными, потому что

«на важнейших дипломатических постах, то-есть, на непосредственной охране интересов рабочего государства от капиталистических врагов стоят в настоящее время почти сплошь оппозиционеры. В Берлине тов. Крестинский, в Париже т. Раковский, Пятаков, Преображенский, Владимир Косиор (к слову сказать, ни Преображенский, ни Владимир Косиор никогда «важнейших дипломатических постов» не занимали. *Е. Я.*), в Риме Каменев, Глебов-Авилов, в Праге Антонов-Овсеенко, Канатчиков... в Мексике Коллонтай, в Аргентине Краевский и т. д. Все перечисленные товарищи принадлежат к оппозиции и большинство из них уже успело присоединиться к так называемому письму «83».

Однако, прошло несколько месяцев,—и этот аргумент утратил всякую силу. Партия исправила свою ошибку, которая заключалась в том, что на некоторые дипломатические посты действительно назначались оппозиционеры. Опыт показал, что это связано с известными опасностями, что кое-кто из этих товарищей действительно использовал свое пребывание за границей для того, чтобы организовать связи подпольных оппозиционных групп СССР с антипартийными и антикоминтерновскими элементами за границей. Но как-раз те товарищи, которые такой роли не играли или не хотели играть, порвали с оппозицией. Сколько горьких и неприличных слов наговорила после этого оппозиция о таких товарищах, как Крестинский, Пятаков, Каменев, Глебов-Авилов, Антонов-Овсеенко, Канатчиков, Коллонтай и другие, которые порвали с оппозицией, открыто заявили о своем несогласии с ней и которых она недавно еще выдвигала на первое место. Отход от оппозиции лучших элементов идет не только снизу, но и сверху. Отходят не только лучшие рабочие, какие временно примкнули к этой оппозиции, временно сбились с дороги, но отходят и те, кто выдвигался в качестве видных оппозиционеров, в качестве имен, которыми можно было аргументировать перед Западной Европой.

Но разве не приобретает оппозиция новых сторонников? Конечно, приобретает. В нашей мелкобуржуазной стране и открытые меньшевики приобретают себе каждый день новых сторонников из среды мелкой буржуазии. Вот вам исключенный из партии троцкист Евсеев, М. Ф., бывший помпрокурора города Ульяновска,—он сразу обнаруживает свое социальное лицо. Он пишет: «Живу в деревне, хозяйничаю на мельнице, отец предался артели по аренде мельницы. Мельница размалывает $3\frac{1}{2}$ тысячи в сутки... Заме-

тили ли мой от'езд из Воронежа?—спрашивает он.—Наверное только в ресторанах».

Вот другой исключенный из партии пишет о том, что он собирается уехать за границу. «Чорт с ним совсем. Раз не оценивают, раз я здесь не нужен теперь, так все равно, пустят ли там мне пулю в лоб мои заклятые враги, или здесь я после всех своих похождений буду издыхать систематически с голоду». Вот этакие упадочные, негодные люди,—разве их мало в оппозиции? Чужие люди!

Вот, например, одна из распространительниц троцкистских листовок по Москве, Булгакова, молодая поповна, которая была в 1925 году арестована ОГПУ за связь с антисоветскими группами. Она заявляет, что с 1927 г. она стала разделять взгляды оппозиции и поэтому и не вступала в ВКП(б). Конечно, большой вопрос, приняла ли бы ВКП(б) в 1927 г. эту поповну, но таких новых сторонников троцкистская оппозиция действительно приобретает каждый день. Жалкое утешение для тех, кто думает, что к ним идут пролетарские элементы! Вот эта самая Булгакова попала в 1927 г. прессовщицей на концессионную фабрику Гаммер,—такие выходцы из разоряющейся буржуазной и мелкобуржуазной среды: дети торговцев, попов, дети кулаков—и составляют основные кадры теперешней троцкистской подпольной партии, иногда в качестве «рабочих». Но ведь это те же самые кадры, из которых вербуют и меньшевики своих сторонников!

* * *

Представляет ли собой, однако, троцкистская оппозиция что-либо единое? В настоящее время, по истечении года, когда от нее отделилась ленинградская группа,—казалось бы, это отделение должно было содействовать «монолитности» троцкистской оппозиции, когда от нее отошли сапроновские элементы, с одной стороны, а с другой, группа «ленинградской оппозиции». Этого нет! Троцкистская оппозиция раздираема противоречиями. Напрасно взывает один из организаторов подпольной фракции на Северном Кавказе: «Довольно развалов. Довольно разложения. Довольно теорий, отметающихся жизнью, как ненужный хлам. Наша сила в сближении. Наша сила в сплочении. Наша сила только в крепкой организации. Наша сила только в монолитности и единстве взглядов. Наша сила только в железной дисциплине».... и т. д. и т. д.

Вся эта декламация свидетельствует о полной безнадежности попыток создать сколько-нибудь «монолитную» троцкистскую группу, ибо троцкизм есть отражение мелкой буржуазии, которая вся полна противоречий, вся полна внутренних дрожаний, качаний и колебаний. Вот почему испуганный мелкий буржуа сейчас кричит: «Долой распад». Вот почему он призывает к «единению души и тела», ибо у мелкого буржуа основой его существа является дуализм. «Наша гибель в развале, — декламирует этот организатор подпольной троцкистской фракции.—Наша гибель в расхлябанности и безделье ничанье. Наша гибель в недоверии друг к другу». («Долой распад»,—документ за подписью: Северо-кавказское краевое бюро большевиков-ленинцев-оппозиционеров»).

Перед нами настоящий «стон души» мелкого буржуа; в созданной им против ВКП(б) организации—он сам это признает—развал, разложение, теории, отметающиеся жизнью, как ненужный хлам, распад, гибель, расхлябанность, безделье ничанье, недоверие друг к другу. И этакие горе-общественные деятели желают исправить нашу партию! И этим людям должна довериться партия! Жалкая претензия!

Об этой «монолитности» сообщает один из оппозиционеров: в группе, состоящей из 11 человек, шесть течений. Не слишком ли много течений даже для такой «монолитной» группы, как группа троцкистов? Но мы можем опереться на свидетельства очень видных троцкистов о том, какой развал идейный царит в этой оппозиции. «У меня,—пишет один из вождей троцкистов,—к этим оппозиционным истерикам и истеричкам растет глубокое отвращение. Они все больше и больше ведут себя, как секта, выключенная из исторического процесса. Говорить с твердокаменно настроенными оппозиционерами для меня страшная скука и тоска... Мое расхождение с большинством (пока это с большинством оппозиции) растет с каждым днем... Радек бьет тревогу против начинающегося среди оппозиции поворота в сторону децистов. В качестве примера он ссылается на письмо Дингельштедта, Виктора Эльцина и сравнивает их с последним замечанием Владимира Михайловича (ВКП — мертвый труп и т. д.)... Радек считает, что отказ от поддержки левеющего центра (что не исключает и критики его одновременно с этим) в конечном счете приводит к проблеме новой революции. Все это правильно. Я делаю отсюда вывод, что если... оппозиция будет сидеть на теперешней межеумочной позиции, то это неизбежно кончится расколом ее на группы. 1. Одна идет к партии; 2. другая идет на позиции децистов; 3. третья группа будет влачить теперешнее межеумочное состояние».

В октябре 1928 года Смилга советует Троцкому: «Лучше всего было бы, если бы вы сами вправили мозги некоторым товарищам, например, Дингельштедту. Равным образом вам следовало бы выступить и против ультра-левой фразы в нашей среде».

Увы, совет безнадежный, повидимому, ибо оператор, который в троцкистской оппозиции занимается вправлением мозгов, основательно сам нуждается в этом.

В том же документе Смилги, распространяемом троцкистами, дается такая характеристика положения:

«На решения июльского пленума группа (децистов. *Е. Я.*) реагировала рядом документов, смысл которых сводится к тому, что ВКП— труп, что ЦК ведет определенно контрреволюционную политику. Одновременно с этим некоторые лидеры этой группы обижались на тов. Троцкого за его, якобы, «капитулянтство» и другие смертные грехи. Все это говорит о том, что группа «15» попрежнему играет с термидором, приурочивая его совершение к пленумам ЦК (в скобках добавим от себя, что этим же грехом страдают и троцкисты, по поводу каждого пленума выдумывая новые теории «сползания» и проч. *Е. Я.*). Обострение атаки децистов против нас об'ясняется отходом некоторой части децистов-рабочих к нам и «левыми» шатаниями в наших собственных рядах. После тех формулировок, которые они дают после июльского пленума, разногласия между этой группой и нами усилились. Необходима решительная борьба с децистскими настроениями в наших собственных рядах. Необходима идейная борьба за влияние на тех рабочих, которые пока идут за децистами».

Как бы чувствуя, как низко скатились эти люди, Смилга охорашивается: «Ленинская оппозиция ни в каком случае не является рупором недовольства рабочих масс вообще,—декламирует он. — Она не имеет ничего общего ни с меньшевистскими, ни с анархо-синдикалистскими взглядами и настроениями (Еще бы! *Е. Я.*). Равным образом, она не имеет ничего общего с теми настроениями, которые свойственны люмпенпролетариату и не прошедшим школы классовой дисциплины выходцам из деревни. Малейшая уступка этим отсталым и враждебным советской власти элементам в рабочем

классе была бы величайшим преступлением против всего славного в большевистской партии,—партии пролетарского авангарда и против всего прошлого оппозиции».

Однако, эти декламации никого уже не могут разуверить в том, что именно рупором этих слоев в значительной степени является оппозиция Зато эти декламации свидетельствуют о довольно глубоком распаде, о довольно глубоких идейных шатаниях внутри оппозиции. И если Е. Преображенский считает, что «генеральная линия оппозиции (если не возобладает решительно и некон'юнктурно правый курс) должна итти на сближение с партией (я против фракционной работы, если фракция защищает неверную политическую линию)»,—то до некоторой степени его антиподы из склоняющихся к децистам (Виктор Эльцин, Нечаев и другие) заявляют, что с советским правительством «у нас не остается ничего общего».

Об этом же развале, свидетельствующем о сближении троцкистов с сапроновцами и другими антипартийными группами, бьет тревогу Радек в распространяемом широко письме: «Бабка за дедку, дедка за репку». («Ответ тт. Эльцину, Нечаеву и Белобородову» от 15 октября 1928 г.).

«Я обратил внимание,—пишет Карл Радек,—нескольких товарищей на письмо В. Эльцина от 19 мая, в котором он заявляет: «*Что касается термидора, то я считаю, что он совершился*». Я указал на это письмо, как на симптом *сползания* некоторых наших молодых товарищей с позиции нашей платформы *на платформу* «15». Но Эльцин не один. Ему вторит Нечаев, заявляя в письме от 8 августа, что «с таким правительством у нас не остается ничего общего и с ним у нас только борьба»... Но эти два письма не исчерпывают *множащегося количества беспокоящих симптомов*. Достаточно указать на письмо Белбея, который сообщает следующее: «Имею ряд писем..., требующих блока с Д. Ц., так как *никакой разницы эти товарищи не видят между нашим течением и децистами*...». «Я получил письмо от тов. Белобородова,—пишет Радек,—от 9 сентября, который, имея в руках письмо Нечаева с вышецитированным заявлением, совершенно «не замечает» этого заявления и берет под защиту наших внутренних децистов»... (К. Радек. «Дедка за бабку, бабка за репку»).

Мы в другом месте коснемся той оценки сапроновских взглядов, какие мы находим в цитированном письме и в других документах троцкистов более подробно [1]). Но мы не можем не привести здесь совершенно определенных указаний Радека своим единомышленникам на проявляемое ими *двурушничество* [2]), которое, впрочем, мы обнаруживаем уже *не в первый раз* у этих людей.

«Вы, любезнейшие друзья,—пишет Радек,—подписали заявление конгрессу, платформу и все остальные документы, в которых вы обещали поддержать советское правительство, правительство нашего класса, и даже

[1]) По поводу ученых рассуждений о Великой французской революции и о термидоре бывшего красного профессора В. Эльцина Радек пишет: «После того, как тов. Эльцин показал миру раны на своей груди, заработанные в борьбе с термидором, он показывает потрясенному человечеству мозоли, которые себе насидел при штудировании французской революции».

[2]) Впрочем, мы не особенно придираемся к словам, так как из об'яснений самого Троцкого знаем теперь цену тем документам, которые он подписывает перед лицом партии. В письме к Урбансу (март 1928 г.) по поводу тезисов последнего для Ленинбунда Троцкий об'ясняет цену этих заявлений: «Что касается ваших многочисленных и резких критических замечаний о наших «заявлениях» (16 октября 1926 г., 8 августа 1927 г.) и на XV с'езде, то вы обнаруживаете непонимание одной простой вещи, что *все эти заявления* не были нашими пропагандистскими документами, а *были публично отданными приказами о временном отступлении*». Так и будем знать на будущее. Но тон-то какой приказный у этого «демократа»—прямо полководец—да и только!

готовы защищать это правительство с оружием в руках. Что же эти заявления остаются в силе? Если да, то уберите заявление тов. Нечаева, что с этим правительством возможна только борьба и проч. Ибо тогда это утверждение есть *безмозглая фраза*, которая может только сбивать с пути рабочих... Что же это такое? Если тов. Нечаев остается при своем мнении, что у нас с советским правительством может быть только борьба, то надо ему сказать: тогда кончите, пожалуйста, с недопустимым положением, при котором одной рукой вы подписываете заявления о поддержке совправительства, а другой, что «с ним у нас ничего общего нет». Иначе получается *политическое лицемерие*, недопустимое в наших рядах».

Радек вспоминает при этом слова Ленина: «По отношению к идейно-политическим направлениям надо сказать, что лицемерие есть то прикрытие, за которое хватаются группы, внутренно неоднородные, составленные из разношерстных, случайно сошедшихся элементов, чувствующих себя слабыми для открытого прямого наступления». (Ленин. Собр. соч., т. XI, ч. 1, стр. 320).

Если люди, подобные Радеку, сегодня приходят к выводам, что их друзья двурушничают, лицемерят и что это «лицемерие есть то прикрытие, за которое хватаются группы, внутренно неоднородные, составленные из разношерстных, случайно сошедшихся элементов, чувствующих себя слабыми для открытого прямого наступления»; если и другие видные троцкисты начинают сознавать, что троцкизм не может удержаться даже на той позиции, на какой он стоял вслед за XV с'ездом, что он неизбежно должен сползать дальше по социал-демократическому уклону, на который он встал,—то, может быть, у этой *последней черты*, у грани, когда одни открыто переходят к борьбе с советским правительством и с компартией, а другие их сторонники уже *перешагнули* эту черту, они найдут мужество сделать надлежащие выводы. Мы не сомневаемся в том, что среди тех товарищей, которые годами были связаны с партией и которые до сих пор,—в силу ли личных привязанностей и в силу личных связей с вождями оппозиции, в силу ли озлобления или других каких причин, не сумели отделаться от сотрудничества с такого рода людьми,—что эти люди найдут путь к партии в момент еще большего обострения их сторонников с партией.

* * *

В настоящее время мы подробно не останавливаемся на характеристике того хаоса мнений, который существует и у сапроновцев. Этот хаос мнений ничуть не меньше, чем у троцкистов, хотя политическое значение сапроновцев, конечно, неизмеримо начтожнее, несмотря на все желание сапроновцев казаться страшно революционными. Мы, пожалуй, даже присоединились бы к оценке этой группы, сделанной Смилгой, который пишет по адресу сапроновцев 16/X: «*визжат*». Вот именно *визжат*. Но мы должны справедливости ради все же сделать замечание, что этого «визга» не мало и в произведениях самого почтенного автора этого определения,—у Смилги.

Среди части троцкистов, несмотря на разногласия с этой группой, совершенно определенно намечается сближение, которое тревожит, как мы видели, часть самих троцкистов. Троцкий уверен, что ему удастся победить сапроновцев. Он возмущается, что теоретики децизма совершенно не понимают связи нашей внутренней борьбы с международной, что они «не имеют никакой линии в международных вопросах и идут на случайные, чисто авантюристские блоки с людьми, полностью порвавшими с марксизмом, как Корш и К°» (документ от 21 октября 1928 г., распространяемый троцкистами перед ноябрьским пленумом).

Не нам опровергать это мнение Троцкого по адресу децистов, что сапроновцы вступают в авантюристские блоки с людьми, полностью порвав-

щими с марксизмом. Только зачем Троцкому и другим кивать на Корша? Чем кумушек, Коршев, считать трудиться, не лучше ль на себя и на Истмэна оборотиться? Макс Истмэн, о котором в свое время Троцкий, когда был в партии, вынужден был очень нелестно отозваться на страницах «Большевика», в настоящее время выступает как представитель Троцкого в Америке, и под его руководством буржуазное издательство Harcourt, Brace and Co издает клеветнические произведения Троцкого, направленные против ВКП(б) и Коминтерна, и книга Троцкого красуется среди таких книг издательства, как биография королевы Виктории, жизнеописание Иисуса Христа и жизнеописания квакеров [1]). А единомышленники Троцкого сотрудничают в Америке с господином Лорэ, которого сами же троцкисты характеризуют, как человека, совершенно чуждого марксизму, и который вчера еще, вместе с несколькими хозяевами булочных и колбасных предприятий, издавал орган, в котором на ряду с социал-демократическими и ультра-коршистскими статьями помещались статьи некоего бывшего красного профессора, красы и гордости пропагандистского актива троцкистов.

Беспринципность была отличительной чертой и осталась отличительной чертой людей, посредством разных «комбинаций» сколачивающих хотя бы и кратковременные блоки со всеми, кто борется против нашей большевистской партии. Конечно, мы боролись и будем бороться против децистов так же, как боролись раньше, и если троцкисты сейчас вынуждены бороться с шатаниями «налево» в их собственной среде,—в сторону децистов, то нас меньше всего тревожит это сползание троцкистов к сапроновцам. Это—неизбежное сползание точно так же, как неизбежно дальнейшее сползание самих сапроновцев в лагерь открытых классовых врагов пролетариата, хотя бы и под вывеской самой архилевой, архипролетарской. Во всяком случае, мы не подходим с такой точки зрения к децистам, как подходят их вчерашние и завтрашние друзья по антисоветскому подполью. Так, в произведениях Троцкого мы читаем такого рода характеристику сапроновцев: «Как ни досадно тратить время на второстепенные вопросы, тем не менее надо децистами заняться в смысле раз'яснения кружкового паразитического характера их политики и заложенного в ней авантюризма. Так как «вожди» ДЦ, которых мы до поры до времени предоставляли самим себе (и правильно делали), доболтались до чертиков, то они дали нам в руки серьезное оружие против них. Лучшие элементы мы у них отвоюем при помощи их же собственных документов, особенно писем В. Смирнова... Рабочих мы у них отобьем смелой и решительной политикой в основных вопросах, с одной стороны, раз'яснительной кампанией, с другой». (21 октября 1928 г. цитированный выше документ).

Но когда мы присмотримся к тому, какими путями троцкисты пытаются отбить «смелой и решительной политикой в основных вопросах» у децистов сторонников, то мы должны сказать, что троцкисты сами целиком сползают на платформу «15» и мясниковцев, что по ряду вопросов тактики они уже сближаются с открытыми классовыми врагами. В особенности мы обращаем внимание на выдвинутые в последних документах троцкистских вождей тактические лозунги: 1. Тайное голосование. 2. Организация стачек. 3. Подготовка своих кадров к возможности новой гражданской войны. Это надо видеть совершенно отчетливо, потому что это даже не последняя черта, а переход за эту последнюю черту. Тайное голосование выдвинуто, конечно, не троцкистами, оно было выдвинуто еще в период Кронштадта белогвардейцами, эсэрами и меньшевиками. На протяжении нескольких лет ведется атака на партию, на профсоюзы, на советы, именно по этому вопросу. В 1928 году

[1]) The Real Situation in Russia by Leon Trotsky. Translated by Max Eastman Harcourt, Brace and Company. Книга эта издана буржуазными издательствами и в Германии и во Франции.

к лозунгу белогвардейцев, меньшевиков и эсэров присоединился Троцкий. Чья это победа? Пусть троцкисты приписывают ее себе; но всем ясно, что троцкисты присоединились по этому вопросу к белогвардейцам, меньшевикам и эсэрам, и присоединились они отчасти потому, что этого требует их более «левое» крыло, примыкающее к сапроновцам. Они сделали уступку той группе, которая наиболее приблизилась к последней черте, которая эту черту переходит.

Тайного голосования требует и мясниковская группа. Аргументы у всех у них, начиная от белогвардейцев и кончая троцкистами, очень близко совпадают. Правда, у Троцкого и у белогвардейцев есть и различие. Троцкий готов потребовать в Западной Европе, в капиталистических странах отмены тайного голосования и мотивирует это довольно «оригинально». Это-де для того, чтобы воспитать там у рабочих мужество отстаивать перед лицом классового врага свои взгляды; ну, а в советском государстве, конечно, нужно наоборот. Для людей, которые считают, что у нас уже совершился термидор, или, что у нас «керенщина наизнанку», ничего другого не остается, как перекинуться за последнюю черту. Удивительно ли при этом, что троцкисты, имеющие такую многообразную гамму оттенков, приобретают симпатии не только редакции «Социалистического Вестника», не только среди американской буржуазии, не только среди социал-демократов, использующих всякие подпольные листовки троцкистов, но и среди мелкобуржуазных элементов в нашей стране?!

Советская страна с огромными трудностями выходит на широкую дорогу социалистического строительства, перестройки и переделки всей нашей промышленности и сельского хозяйства на рельсах социализма. Троцкисты ничего лучшего не находят в этот момент, как выступить с агитацией за стачки, и при этом еще делают лицемерный вид, что они, видите ли, испытывают все средства как - нибудь решить вопрос без гражданской войны, делают вид, что они хотят «испробовать до конца путь реформ», что они действуют на основании решений ВКП(б).

А если не путь реформ, то что же тогда? Так могут говорить только люди, которые подготовляют свои «кадры» к гражданской войне. Только слепой этого не видит. А с такими людьми мы разговариваем, как с контрреволюционерами, и не можем иначе разговаривать, ибо тот, кто готовит в стране советов гражданскую войну против советского правительства, является ничем не прикрытым контрреволюционером.

Запутавшись сами в непримиримых противоречиях своей антипартийной и антисоветской политики, эти люди кивают на децистов, на сапроновцев: дескать, они, децисты, пасуют перед стихийностью, а мы, троцкисты, нет. «Но итти навстречу массе не значит пасовать перед стихийностью, куда тянут децисты, которые либо свернут себе шею на политике авантюризма, что с полбеды, либо помогут невзначай и врагам свернуть шею революции, что много хуже». (Троцкий, документ от 21 октября 1928 г.).

А мы видим, что и троцкисты, и сапроновцы, и мясниковцы идут теперь по одной дороге, что вся их политика есть политика авантюризма, на которой они «свернут себе шею».

* * *

С особенной ненавистью к партии оппозиция пытается использовать язвы и болячки нашей советской общественности, которые мы сами беспощадно и безбоязненно вскрывали. Такие люди, как Сосновский, особенно злорадно смакуют на манер заграничных белогвардейских газет всякое сообщение о каком-нибудь новом факте в роде «смоленщины». Составляется даже новая теория, являющаяся перепевом анархистских теорий о вреде власти,

которую защищает такой «теоретик», как Раковский,—о неизбежности развращения части рабочего класса в период пролетарской диктатуры. Раковский думает, что даже, если бы у нас не было других классов, кроме пролетариата, а кругом СССР были бы социалистические государства, то и тогда был бы «профессиональный риск власти». При этом бывшие «сановники», недавно еще пользовавшиеся решительно всем, чем они могли пользоваться, занимая руководящие посты, скатываются до самой неприличной демагогии по поводу привилегий, которыми-де пользуются ответственные работники. И это пишут Сосновские, которые, когда они были допущены на время к власти, использовали свою власть самым бесчестным образом. Мы никогда не прибегали к методам личного дезавуирования деятелей оппозиции, но нельзя молчать, когда такие люди, как Сосновский, становятся учителями коммунистической этики.

Сосновского мы ценили в партии, как талантливого журналиста; перо его не раз было полезно партии. Но вместе с тем это перо не раз изменяло партии и не раз Центральная Контрольная Комиссия должна была обсуждать некоммунистические поступки Льва Сосновского. Особенно заслуживает внимания история с Лежавой - Мюратом и Резинотрестом.

Лежава-Мюрат — бывший сотрудник охранного отделения на Урале. Сосновский знал это, и, однако, он неоднократно добивался принятия его в партию. А когда этот Лежава - Мюрат, человек очень энергичный, пристроился к резиновой промышленности, Сосновский, зная о его прошлом, рекомендовал ему своего брата, Михаила Сосновского, спекулянта, в качестве «честного коммерсанта» и просил его устроить «около треста», «по торговой части», как «абсолютно надежного человека». Михаил Сосновский устроился по этой рекомендации у Лежавы - Мюрата в начале июля 1922 года, а уже 21 августа 1922 года у этого Михаила Сосновского в Резинотресте сальдо по личному счету за забранный товар составило 3 миллиона рублей, без всякого обеспечения. Через короткое время Сосновский уже входит в Западно-Сибирское товарищество к Федотову, а последнему, также не без пользования именем Льва Сосновского, устраивается кредит. Затем этот Сосновский (торговец) организует товарищество «Резина», кредит его уже достигает 7½ миллионов, в средине 1923 года до 100.000 рублей золотом, и доводит свой капитал до нескольких сот тысяч рублей золотом. Сосновскому становится уже тесно в пределах СССР, он экспортирует товар за границу и так как валюта притекала не в карман Советского государства, а в карманы Михаила Сосновского, то можете себе представить, какова была щепетильность Льва Сосновского в таких делах.

А кто такой этот Михаил Сосновский? 10 лет он был владельцем типографии и хлебным спекулянтом в Троицке, затем издавал буржуазную газету «Степь». Во время Февральской революции М. Сосновскому удалось ликвидировать в архивах жандармского полковника листы своего дела, которое могло его скомпрометировать. Ему даже удалось пролезть в партию, но потом, когда об этом узнали товарищи, знавшие его, он был исключен. Он вслед за этим перешел к народным социалистам, а при захвате Дутовскими отрядами Троицка М. Сосновский вернул себе типографию и газету. Был председателем городской управы при белых, травил в своей газете большевиков «немецкими шпионами». И вот этого-то человека Лев Сосновский, один из вождей троцкистской оппозиции, устраивает, как «честного коммерсанта» в Резинотрест, дает ему жиреть и пухнуть за счет советской казны, прокладывает ему по-братски дорогу, помогает его родственникам и проч.

Мы с омерзением говорим об этом именно потому, что Лев Сосновский пытается и до сих пор играть еще роль человека, исправляющего партию. Не такими руками исправлять коммунистическую партию Ленина. И мы не стали бы об этом факте говорить сегодня, если бы некоторые оппозиционеры-троцкисты, безусловно честные политически и лично люди, не выдвигали положения, что они могут спасти партию от смоленщины. В партии-де смоленские и сочинские дела, а вот они, оппозиционеры, состоят из отборнейших, чистейших людей. Надо раз навсегда прекратить эти разговоры.

Мы делились по политической линии; нас разделили вопросы классовой борьбы, а не этики. Мы знаем, что в среде нашей партии есть люди и чуждые по идеологии, примазавшиеся, обюрократившиеся и разложившиеся. Именно поэтому мы чистим нашу партию от таких людей. Именно потому мы так беспощадны в критике таких людей. Мы не гарантированы от того, что на протяжении нашего долгого пути, на протяжении трудных этапов нашей борьбы, не оторвутся от нас единицы.

Но мы знаем, что у людей, которые строят свою организацию в подполье, против партии, найдется не мало членов этой организации, которые не выдержали бы и десятой доли того огня самокритики, какой обрушен был на голову смоленских, сочинских и других работников. Мы ими не занимаемся потому, что они отрезанный от партии ломоть, и потому, что путь такого шельмования—не наше оружие.

* * *

Период реконструкции советского хозяйства сопровождается большими трудностями, большим финансовым, бюджетным напряжением. Целый ряд потребностей рабочего класса удовлетворяется совершенно недостаточно. Мы окружены враждебными нам капиталистическими государствами. Но единственная сила, которая противостоит капиталистическому миру, это сила организованного Комунистическим Интернационалом пролетариата вне СССР и внутри единственного в мире социалистического государства. Никакие злорадные хихиканья и никакие угрозы не помешают нам строить социализм в нашей стране под руководством этой партии.

Мы не можем пройти мимо распространяемых троцкистами, сапроновцами, мясниковцами и другими подобными же меньшевистскими и эсэровскими или анархо-синдикалистскими или белогвардейскими листовками, брошюрами слухов и слушков. Слухи и слушки являются также одним из средств борьбы в этих группах. Иногда пускается в ход самая остро отравленная, клеветническая выдумка, при чем выдумка эта идет из «достоверных источников», иногда «от собственного корреспондента», откуда - нибудь из Алма-Аты. Эти слухи и слушки распространяются не только членами подпольных групп, их родней и близкими,—вся мелкобуржуазная свора торговцев, мещан, антисоветски настроенных служащих злорадно подхватывает эти слухи и слушки и делает их орудием борьбы против партии и государства пролетарской диктатуры. Использовываются всякие трудности, какие мы переживаем. Если мы не можем сегодня поднять заработную плату так, как нам хотелось бы, то мы должны знать, что это будет использовано и троцкистами и сапроновцами, и мясниковцами так же, как меньшевиками. Этому мы должны дать самый решительный отпор. Мы должны мобилизовать общественное мнение партии и комсомола на борьбу со сторонниками этих групп, где бы они ни выступали. Мы должны активизировать наших партийцев и комсомольцев на борьбе с этими антипартийными группами и настроениями. Мы должны зорко следить за тем, чтобы наши собственные ошибки не давали почвы для выступления этих людей. Мы должны бороться решительно с правыми шатаниями в нашей партии, со всяким примиренчеством с ним, потому что эти правые шатания и примиренческое отношение к ним плодят сторонников антипартийных групп, дают им питательную почву.

Мы знаем, что кое-кто из наших противников попытается сделать веселое лицо: ага,—дескать,—раз о нас говорят, значит мы заставили о себе

говорить, значит мы имеем успех. Да, вы имеете успех,—**такой же успех, какой имеют меньшевики и эсэры.** Вы у них, у меньшевиков и эсэров, оспариваете сторонников. Вы имеете успех постольку, поскольку вы действуете их методами, поскольку вы становитесь **на почву их тактики, их программы.** Вы имеете успех, поскольку вы подрываете доверие к ВКП(б) и советской власти, поскольку вы дезорганизуете социалистическое строительство советского государства. Незавидный успех! Это успех, который будет отталкивать от оппозиции, ближе к партии лучшие элементы, которые все еще имеются в ней.

И в этом смысле можно только приветствовать четкую постановку вопросов в некоторых документах оппозиции: чем более будет она ясна, тем основательнее мы разоблачим всякую фальшь в этих документах; чем полнее мы покажем истинное лицо подпольных групп, действующих под флагом оппозиции, тем яснее станет для примыкающих к этой оппозиции, что они стоят у последней черты.

Н. Березин.

Задачи промышленности в 1928—29 г.

Основные данные контрольных цифр на 1928—29 хозяйственный год опубликованы. Они ставят перед промышленностью задачу сделать новое мощное продвижение вперед. Валовая продукция планируемой ВСНХ промышленности должна возрасти на 21% (с 10.824 миллионов руб. в 1926—27 хозяйственном году до 13.192 миллионов в ценах 1926—27 г.), при чем увеличение продукции группы А (промышленность, производящая средства производства) предположено в 24,3%, а группы Б (производство средств потребления)—18,1%. К вложению в основные фонды промышленности намечено 1.650 миллионов рублей.

Но наш план—это не только статистический учет, лишь бесстрастно фиксирующий стихийно совершающиеся в народном хозяйстве процессы, каким хотели бы его видеть противники нашей линии на индустриализацию (противники социалистического строительства, в роде проф. Кондратьева и его школы). План—это сознательное воздействие пролетарской диктатуры на экономику страны. В нем отражается наша целевая установка, и дается основная директива в области хозяйственной политики. За составлением плана должна следовать борьба за его выполнение, за осуществление в жизни плановых предположений.

Контрольные цифры текущего года имеют особое значение. Обострение хозяйственных затруднений за последнее время привело к усилению атаки со стороны представителей неокапиталистической идеологии взятого курса на индустриализацию страны. Так, напр., ближайший сподвижник проф. Кондратьева, А. Вайнштейн, писал в 11—12 номере Бюллетеня покойного кон'юнктурного Института при Наркомфине:

«Таким образом, невыполнение плана хлебозаготовок явилось в конечном счете результатом той коллизии..., т.-е. диспропорции меж желаемыми темпами накопления в обобществленном секторе и ростом благосостояния города, которые оказались при данном размере национального дохода и при слабом успехе в области рационализации несовместимыми друг с другом. Принятый темп капитального строительства оказывается при этих условиях недостаточно согласованным с другими элементами народного хозяйства, и в этом лежит основная причина наших хозяйственных затруднений». («Экон. Бюллетень Кон'юнкт. Института» № 11—12, 1927 г., стр. 14).

И отсюда вывод: «Устранение хозяйственных затруднений должно итти по пути восстановления нарушенного равновесия, т.-е. приведения капитального строительства и производства средств производства в соответствие с реальным накоплением в стране». По Вайнштейну следует, что конечная, основная причина затруднений—темп индустриализации и выхода из трудностей—пересмотр этого темпа в сторону сокращения.

Хозяйственные затруднения породили колебания относительно посильности взятого темпа индустриализации и в некоторой части нашей партии.

Контрольные цифры текущего года дают прямой ответ как нашим противникам, так и колеблющимся. Они говорят о том, что больные места нашей хозяйственной жизни мы будем лечить не свертыванием темпа индустриализации, что неизбежно потребовало бы расширения ввоза готовых изделий из-за границы и увеличило бы нашу как политическую, так и экономическую зависимость от мирового хозяйства, а дальнейшим развертыванием нашей промышленности, в особенности тяжелой индустрии, являющейся основой социалистического строительства. Развитие промышленности, в особенности в части производства средств производства, позволит ускорить и развитие производительных сил в сельском хозяйстве, остро недостаточный темп развития которого является в настоящее время угрозой самой индустриализации. Вне же развития нашей промышленности дальнейшее поступательное движение сельского хозяйства возможно только на основе иных взаимоотношений с мировым хозяйством, но это не выход из положения, а капитуляция.

Мы уже говорили, что план, это—директива, за воплощение которой в жизнь должна вестись упорная работа всех партийных и советских организаций. Выполнение плана хозяйственного развития народного хозяйства в нынешнем году требует напряжения всех наших сил. Государственный бюджет текущего хозяйственного года сводится с большим напряжением. При росте народного дохода на 10% бюджет страны растет почти на 20%. Сама программа финансирования промышленности построена на условии, что в текущем году будет достигнуто снижение себестоимости промышленной продукции на 7%. Все это говорит за то, что намеченный план требует максимальной мобилизации внутрихозяйственных резервов и повышения качественных показателей хозяйственной деятельности. Отмечая ряд достижений, последний пленум Центрального Комитета партии вынужден был заявить, что он «подчеркивает абсолютную недостаточность качественных достижений в работе промышленности» (резолюция пленума по докладу тов. Рыкова). Вопросы качества: повышение эффективности капитальных вложений, снижение себестоимости, удешевление строительства—встают в настоящий момент особо остро. Огромное напряжение хозяйственных ресурсов требует увеличения внутрипромышленного накопления. Но повышение этого накопления не может итти за счет ухудшения или задержки роста материального положения рабочего класса, как это рекомендует Вайнштейн, говорящий о коллизии меж «желательным накоплением в обобществленном секторе и ростом благосостояния городского населения», а за счет увеличения эффективности хозяйственной деятельности. Рассмотрению отдельных частей этой задачи посвящена наша статья.

Но прежде нам хотелось бы отметить, что вопросы качества работы не могут быть противопоставлены количественному расширению обобществленного сектора, в том числе и количественному росту промышленности. Мы не можем согласиться с тов. Гринько, заканчивающим свою статью «О контрольных цифрах на 1928/29 г.» следующим положением: «Нужно, однако, как и в контрольных цифрах 1927/28 г., только еще с большей решительностью, в связи с усложнившимися задачами хозяйственного строительства подчеркнуть, что центр тяжести всех вопросов соотношения социальных секторов и классовых сил в хозяйственном строительстве на предстоящий год лежит не в экстенсивном расширении границ обобществленного сектора, а в энергичном повышении его внутренней организованности и народнохозяйственной эффективности его работы» («Плановое Хозяйство» № 9, стр. 32). Применительно к промышленности это означало бы перенесение центра тяжести на лучшее использование наличной технической базы и на замедление темпа расширения промышленности. Подобная постановка чревата большими осложнениями в будущем. Она ставит под угрозу дальнейшее развитие промышленности. Не говоря о необходимости окончить уже начатое капитальное

строительство, мы должны немедленно приступить к строительству ряда новых заводов, иначе в недалеком будущем мы столкнемся с рядом узких мест, воспроизведенных в расширенном масштабе по сравнению с теперешними. Например, уже сейчас необходимо начать строительство новых металлургических заводов, или же металлический голод не только не будет смягчен, но в самом недалеком будущем будет чувствоваться особо остро. Вопросы качества работы должны не противопоставляться количественному расширению, а рассматриваться как средство выполнения намеченной программы расширения промышленности в текущем году и обеспечения более быстрых темпов в будущем.

Вопросы капитальных вложений.

Повысить эффективность капитальных затрат и снизить себестоимость строительства—так формулируется задача улучшения качества работы в этой области. Неоднократно уже отмечалось, что мы излишне увязываем средства в строительство, строя сразу большое количество об'ектов, строя долго, в силу чего затрачиваемые средства лежат бездеятельно. В 20 номере «Большевика» тов. Кактынь приводил данные, которые свидетельствуют о некотором улучшении в текущем году. Хотя абсолютный остаток незаконченных работ и в нынешнем году возрастает, но его отношение к общей сумме капитальных работ данного года падает с 60,8% до 53%. Но это еще не свидетельствует о решительном переломе. В настоящее время еще возможно пересмотреть некоторые ассигнования на строительство и капитальный ремонт и перераспределить их таким образом, чтобы достигнуть увеличения продукции уже в нынешнем году.

В области удешевления строительства мы также не можем считать достигнутые результаты достаточными. Намеченное в среднем 15%-ное удешевление строительства не выполнено. По предварительным подсчетам, удешевление составит лишь 7—8%, меж тем как каждый процент удешевления означает свыше полутора десятков миллионов рублей экономии. По сообщению «Экон. Жизни», по жилстроительству Югостали удалось добиться удешевления всего на 5%. По монтажно-строительному управлению Южного Машиностроительного треста—на 8,9%. Необходимо вспомнить, что наш строительный индекс высок не только по сравнению с заграничным, но и значительно превышает общепромышленный индекс. Вот данные, свидетельствующие об этом:

	1924-25 г.	1925-26 г.	1926-27 г.
Общ. промышл. индекс. .	1,92	2,01	1,99
Строительн. индекс. . . .	2,26	2,6	2,65

В текущем хозяйственном году вновь поставлена задача добиться удешевления строительства на 15%, нужно принять все меры, чтобы эта директива была выполнена. Для этого нужно не только добиться снижения себестоимости строительных материалов, но и упорядочить само строительство. Неоднократные обследования РКИ констатировали много подчас весьма крупных недочетов в строительстве, нередко проект утверждался или изменялся после того, как к постройке уже было приступлено. Данные с мест по сие время свидетельствуют, что с рассмотрением проектов еще очень неблагополучно. Так, по Украине сообщают (см. «Эконом. Жизнь» № 270), что ВСНХ должен был за 1927/28 г. рассмотреть 99 проектов, а рассмотрено всего 42. На новый хозяйственный год надо рассмотреть 86 проектов, а поступило только 32 и рассмотрены из них 16. Ведь опоздание в утверждении проекта или приводит затем к спешке, удорожающей строительство, или же попрежнему начнут строить, не имея утвержденного плана, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Одновременно нужно, наконец, достигнуть

более тщательной, более ответственной проработки проектов. Ведь новые и переоборудованные предприятия на довольно длительное время будут определять лицо нашей промышленности. Известные издержки на учебу в столь крупном, небывалом для нашей страны масштабе работы были неизбежны, но теперь мы уже можем потребовать полного изживания этих детских болезней нашего капитального строительства. Равным образом необходимо усилить борьбу с превышением смет на строительство.

Эти задачи по упорядочению и удешевлению капитальных работ могут быть решены только при ближайшем участии самих рабочих масс. Одним контролем сверху решительных результатов не добьешься, нужен контроль снизу. Временные контрольные комиссии и производственные совещания должны вплотную подойти к вопросам строительства и переоборудованию предприятия, регулярно проверяя исполнение директив высших правительственных органов в этой области.

Снижение себестоимости.

«Снижение себестоимости является центральной проблемой промышленности, и решению этой проблемы должны быть подчинены все остальные задачи»,—говорит XV с'езд партии. Только по линии снижения себестоимости лежит возможность дальнейшего понижения цен на промтовары, а уровень цен, это—вопросы смычки рабочего класса и крестьянства, это—вопросы нашего взаимоотношения с мировым рынком. Себестоимость продукции отражает также качественные достижения в работе промышленности: эффективность капитального строительства, результаты рационализаторских работ измеряются количеством продукции, с одной стороны, и с другой—ее себестоимостью. В то же время снижение себестоимости является главным средством увеличения внутрипромышленного накопления. В перспективном плане перед нами стоит задача добиться такого понижения себестоимости промышленной продукции, которое обеспечивало бы еще более быстрый рост развития промышленности, а также позволило бы уничтожить расхождение промышленного и с.-х. индекса цен. За истекший хозяйственный год впервые за последнее время себестоимость промышленной продукции обнаружила значительное понижение. Вот как изменялась себестоимость:

1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
— 13,3%	+ 1,4%	— 1,8%	— 5,1%

Снижение себестоимости в 1924/25 г. в значительной степени было обеспечено урезыванием необычайно вздутых накладных расходов, с одной стороны, и кампанией по поднятию производительности труда, в то время резко отставшей от заработной платы,—с другой. Затем, вместе с расширением промышленности и втягиванием в производство более устарелых и несовершенных производственных единиц, себестоимость вновь обнаружила тенденцию к повышению. Соотношение меж ростом заработной платы и производительностью труда было неблагоприятным, но это отнюдь не означало излишнего, чрезмерного увеличения заработной платы, ибо в реальном выражении она росла медленнее, чем производительность труда, но означало, что, расширяя производство количественно, мы внесли мало улучшений в общую организацию производственного процесса и недостаточно использовали наличную техническую базу. Лишь в конце 1926/27 г. обнаружился перелом: себестоимость начала понижаться. Успех был закреплен в следующем 1927/28 хозяйственном году. Но все же почти на одну шестую правительственная директива о снижении себестоимости на 6% не была выполнена, а это по планируемой ВСНХ промышленности означало потерю около 100 миллионов рублей. В текущем хозяйственном году снижение себестоимости, как минимум, должно быть произведено на 7%, ибо на этом построен весь финансовый план промышленности. Невыполнение этой директивы грозит срывом всего плана ее развития. Выполнимо ли и за счет чего возможно такое снижение себестоимости? Опыт прошлого года говорит, что это задание не является преувеличенным. Некоторые отрасли промышленности уже в прошлом году превысили данное им задание. Например, марганцево-рудная, вместо предполагавшихся 8,7% снижения, дала 9,1%. Черная металлургия вместо 5,8% — 7,2% и цветная — вместо 5,8%—6,1%. В то же время каменноугольная промышленность, вместо намеченного по плану снижения 3,5%, понизила себестоимость лишь на 1½%, а железорудная—на 0,1%, вместо требуемых 4,4%.

Калькуляции себестоимости продукции показывают, что достигнутые успехи в деле ее снижения далеко не всегда закрепляются. Коэффициенты расхода сырья и вспомогательных материалов, количество брака и переделок обнаруживают большое непостоянство, отчасти это об'ясняется неполадками с оборудованием, но в значительно большей степени недостатками руководства производственным процессом. Меж тем, простое закрепление раз достигнутого оптимума знаменовало бы крупный успех.

За счет чего же должно быть произведено дальнейшее снижение себестоимости? Основным средством, решающим проблему себестоимости, дающим возможность выровнять цены на наши промтовары с ценами мирового рынка, является техническая реконструкция промышленности. Новые крупные капитальные вложения и являются в первую очередь предпосылкой для снижения себестоимости в текущем году. Но в то же время нельзя всю проблему себестоимости сводить только к реконструкции предприятий. Еще сравнительно долгое время ныне существующие предприятия будут играть значительную роль в экономике нашей страны, и задачи лучшего их использования не могут быть отодвинуты на задний план. Стране приходится преодолевать хозяйственные затруднения гигантским напряжением всех сил, и от промышленности требуется мобилизация всех внутрихозяйственных ресурсов. И поэтому,—как говорит в своей резолюции «Об итогах рационализации промышленности» пленум ЦКК,—«особое внимание в настоящий период должно быть обращено на лучшее использование имеющихся в наличии ресурсов, путем более совершенной организации работ на имеющемся оборудовании, лучшего использования рабочей силы и ускорения оборота капитала в производстве». Здесь у нас имеются очень большие резервы. Использование их не требует порою вложения значительных средств, а требует главным образом упорядочения самого ведения и организации производственного процесса. Обследования заводов дают тому много примеров. Отмечается по ряду заводов, в том числе и по металлургическим, что простои оборудования нередко происходят из-за несогласованности в работе цехов. Правда, правильному использованию оборудования мешает также наличие довольно многочисленных узких мест в самом производстве, и здесь необходимо добиться того, чтобы при вкладывании средств в предприятие, особое внимание было направлено к устранению существующих в производстве диспропорций. Меж тем, нередко при капитальном ремонте предприятия узкие места остаются, а иногда и воспроизводятся. Так, на заводе им. Петровского Югостали, в силу несоответствия мощности вновь построенной мартеновской печи мощности ее разливного крана, печь работает с недогрузкой в 25%. Недостаточность уборочных средств констатируется по многим металлургическим заводам. Особо надлежит отметить слабость внутризаводского транспорта и его плохую организацию, в силу чего внутризаводская транспортировка обходится очень дорого и требует большого количества времени. На некоторых заводах перевозка из цеха в цех требует иногда несколько дней, меж тем вопросам внутризаводского транспорта не всегда уделяется должное внимание.

Недостаточность и изношенность теплосилового оборудования наших фабрик и заводов известна. Но на большинстве предприятий рационализация его проводится в крайне незначительной степени. Возьмем самое простое: отсутствует правильный учет в расходовании топлива и энергии, нет измерительных приборов, без чего наладить этот учет и рационализировать энергетическое хозяйство невозможно. На одном из крупнейших заводов отмечен факт, свидетельствующий о том, насколько неблагополучно в этой области. По бухгалтерской записи пара оказалась выработанным больше, чем израсходовано воды. Нерегулярность снабжения топливом то сводит запасы его к рискованному минимуму, то заставляет завозить его на базисный склад, что значительно (иногда на 20—30%) удорожает стоимость топлива. Меж тем, удельный вес энергетической слагаемой (включая все относящееся к теплосиловым процессам) себестоимости продукции по ряду производств очень велик: по доменным цехам он равняется приблизительно 50%, в кирпичной промышленности расходы на топливо составляют до 20% себестоимости. И большее внимание к вопросам теплосилового хозяйства может дать значительный эффект, не только в деле улучшения топливного баланса страны, но и динамики себестоимости продукции.

Борьба за снижение себестоимости требует совместных усилий различных отраслей промышленности, различных предприятий, в особенности это относится к вопросам сырья. Лучшее использование сырья имеет колоссальное значение для снижения себестоимости. Например, наше доменное производство страдает от плохого качества руды, благодаря чему уменьшается число плавок в доменных печах. Разрешение задачи лежит в улучшении сортировки руды, что нужно делать не на заводе по ее прибытии, а на месте добычи. Крупнейшие специалисты металлургии утверждают, что правильная сортировка руды позволит значительно увеличить производительность доменных печей, увеличить выплавку столь остро дефицитного в настоящее время чугуна и тем самым снизить его себестоимость. Здесь работники железорудной промышленности должны притти на помощь металлургам.

Борьба за снижение себестоимости, это—борьба со всеми имеющимися в промышленности потерями. Насколько велики подчас эти потери, свидетельствуют данные по текстильной промышленности. В своем содокладе о рационализации промышленности на пленуме ЦКК тов. Каганович отмечал, что поддающиеся учету потери на нерациональном использовании оборудования, сырья и фабрикатов на одной из лучших фабрик—«Пролетарской Мануфактуре» в Твери, достигают 2.901 тыс. руб. А если этот подсчет распространить на прочие предприятия текстильной промышленности, то получится цифра порядка сотни миллионов рублей. Борьба с потерями требует в первую очередь организации изучения всех моментов производства, меж тем аналитическое изучение технического и организационного состояния производства у нас развито крайне слабо, и нередко мы разрабатываем планы улучшения, не изучив как следует существующие недостатки. Сеть фабрично-заводских лабораторий тоже только еще разворачивается, при чем нередко должного внимания им со стороны как хозяйственников, так и местных общественных организаций не уделяется. А в борьбе за себестоимость и качество продукции заводские лаборатории могут сыграть крупную роль.

Новое строительство и переоборудование предприятий, мероприятия в области лучшего использования сырья, оборудования и рабочей силы, лучшей организации производственного процесса на ряду с борьбой за повышение трудовой дисциплины должны обеспечить намеченный рост производительности труда на 16%, при увеличении заработной платы на 7 с лишним процентов. Это соотношение роста производительности труда и зарплаты должно быть обеспечено, иначе ставится под угрозу выполнение самой директивы о снижении себестоимости.

Задача увеличения продукции сверх намеченного плана.

На данном этапе нашего хозяйственного развития явления товарного голода неизбежны. Они являются следствием недостаточного развития промышленности, но индустриализация страны, являясь единственным средством изживания товарного голода, на известном отрезке времени сама действует в сторону его обострения. Создается добавочный спрос на средства производства и средства потребления, ибо строятся новые заводы, продукция которых выступит на рынке лишь позднее. Но, как говорит резолюция последнего пленума ЦК, относительное недопроизводство готовых товаров... не может и не должно переходить определенных границ, ибо подрыв делу индустриализации может угрожать и с этой стороны. О т с ю д а к у р с н а с м я г ч е н и е, а з а т е м н а п р е о д о л е н и е т о в а р н о г о г о л о д а. Как же может быть смягчен товарный голод в текущем году? Тов. Гринько в цитированной уже нами статье выход из положения видит в пересмотре роста потребления, в обобществленном хозяйстве. Он пишет: «В балансе спроса и предложения промышленных товаров на 1928/29 год особое внимание привлекает из года в год растущая статья потребления организованным рынком, куда входит промышленное потребление, потребление транспорта, жилищного строительства, коммунального хозяйства, непроизводительных наркоматов и т. п. При росте предложения на широкий рынок на 4½—5%, организованное потребление растет на 22%. Это громадное несоответствие между темпами роста потребления государственного хозяйства и широкого рынка должно привлечь к себе внимание. В составе этого организованного потребления промышленных товаров темпы роста его отдельных элементов должны быть тщательно проанализированы в общей связи с задачами снабжения населения промышленными товарами» («Плановое Хозяйство» № 9, стр. 27).

Подобная постановка вопроса есть не что иное, как предложение пересмотра темпа индустриализации. Быстрый рост потребления в обобществленном секторе есть результат развертывания капитальных работ, развертывания промышленности, электрификации и транспорта. Уменьшить это потребление—это значит сократить программу развертывания промышленности и изменить соотношение в развитии отраслей А и Б. Мы должны пойти по иному пути, должны потребовать от промышленности, чтобы она, в пределах намеченного плана финансирования, за счет мобилизации внутрипромышленных резервов и ускорения срока капитальных работ, с превышением выполнила производственные программы. Таким путем можно значительно смягчить дефицит металла и стройматериалов.

Уже в настоящее время президиум ВСНХ установил возможность увеличения выплавки чугуна с 3.803.000 тонн до 4.073.000, или на 7,1%. Это увеличение производится за счет ускорения ремонта доменных печей и отсрочки ремонта других. Мы уже говорили, что можно добавочно увеличить производительность работающих печей за счет упорядочения снабжения рудой и правильной ее сортировки. По стройматериалам предположено против первоначальной наметки увеличить производство на 5,3%, в том числе добавочно произвести 120 — 130 миллионов штук кирпича, изыскав средства для этого увеличения путем перепланировки намеченных ассигнований. Лесная промышленность предполагает увеличить на 6,4% свою продукцию.

Но особое значение имеет увеличение продукции, идущей на широкий рынок. Если некоторые отрасли, производящие предметы личного потребления, в своем развитии ограничены сырьевыми ресурсами, то в области средств производства, потребляемых в крестьянском хозяйстве, у нас есть богатые возможности. Намеченная программа известкования крестьянских полей находится под угрозой срыва из-за недостатка перемолотой извести. Меж тем, не так уж трудно увеличить производство

извести и обеспечить ее размол. О возможности увеличения производства с.-х. машин и орудий уже неоднократно писалось, и в настоящее время программа с.-х. машиностроения увеличивается со 188 миллионов рублей до 299 или на 11%. Все эти данные говорят о том, что мы можем потребовать от промышленности не менее чем 100-миллионного увеличения выпуска продукции, идущего на деревенский рынок, и таким путем, а не путем, предлагаемым тов. Гринько, увеличить товарный фонд, с которым мы идем в деревню. Для этого необходимо только мобилизовать все силы вокруг задач увеличения продукции, выявить наличные возможности, пересмотреть намеченный план капитальных работ там, где это возможно, а также шире применять потребление суррогатов. Например, кожевенная промышленность может дать рынку добавочных 8 миллионов пар обуви, но нехватает подметки, а добавочный импорт крупных кож вряд ли возможен. Меж тем, производство резиновой подметки вполне возможно и в довольно значительных размерах, и требует сравнительно небольших ассигнований.

Вопросы кадров специалистов в промышленности.

Размах капитального строительства, необходимость возможно шире развернуть рационализаторскую работу, борьба за снижение себестоимости, совершенно неизбежно выдвигают на первый план вопросы подготовки и использования инженерно-технических сил. Июльский пленум ЦК партии указал на необходимость в течение ближайшего пятилетия вдвое увеличить отношение числа инженеров и техников к числу рабочих и наметил мероприятия по улучшению их подготовки. Одновременно необходимо поставить задачу наиболее рационального использования наличных технических кадров. Меж тем мы наблюдаем такую картину: при чрезвычайно малой насыщенности предприятий, в особенности цехов, специалистами, когда в основном руководство производственным процессом лежит на мастере-практике,—налицо значительная безработица среди инженеров и техников. Это главным образом молодежь, не устроившаяся на работу по отбытии стажа, или даже не проходившая стажировки. Основная причина того, что молодежь производством не осваивается, что ее использовать не умеют, есть отсталость, консервативность самой системы руководства и наблюдения за производственным процессом. Функции контроля, изучения производства у нас развиты крайне слабо. Инструктирующего персонала в цехах нет. Потому молодые специалисты и не находят места в производстве, что работа идет в значительной мере по старинке. Здесь нужен решительный сдвиг. Мы должны не только учиться западно-европейской и американской технике, но и организации самого технического руководства производственным процессом. Нужно одновременно принять меры к немедленному распределению на производстве безработных молодых специалистов, чтобы не было такого положения, когда при колоссальной нужде в специалистах, при явно недостаточном техническом руководстве в производстве мы не используем те кадры, которые у нас уже имеются и на обучение коих потрачены значительные средства. Неверно будет утверждение, что все безработные, это—или не хотящие ехать в провинцию, или непригодные к работе. Ознакомление с безработными специалистами, зарегистрированными на московской бирже труда показало, что многие из них успешно провели стажировку и довольно значительная часть в результате предпринятого распределения уехала в провинцию.

Вовлечение молодых специалистов в производство особо остро ставится в текущем году в связи с мероприятиями по отмене стажерства. Эта мера должна способствовать оседанию молодежи в производстве и лучшему ее использованию, но для этого необходимо точно учесть потребность предприятий в специалистах, и не с точки зрения ныне имеющихся штатных мест, а обеспечения должного руководства производственным процессом, иначе отмена стажерства лишь ухудшит положение. Нужно стремиться к тому, чтобы молодые специалисты попадали непосредственно в цеха, ибо только там они могут быстро приобрести производственный опыт. Для обеспечения должного технического руководства производственным процессом необходимо также максимально разгрузить руководящий технический персонал от выполнения всякой прочей работы, непосредственно с основной задачей не связанной. У нас же в большинстве случаев инженер, даже находящийся в цеху, вынужден тратить львиную долю своего бюджета времени на составление отчетности, разработку плановых предположений, а иногда вести и просто канцелярскую работу, в силу чего фактическим техническим руководителем производства и оказывается мастер-практик. Необходимо возможно более полно разграничить функции технического руководства и технического планирования, чтобы руководящий производством персонал мог все свое время отдавать своей прямой задаче.

И, наконец, пора всерьез заняться об'единением той части специалистов, которая сочувствует делу строительства социализма и отдает ему все свои силы. Создавшаяся в прошлом году Всесоюзная ассоциация работников науки и техники, содействия строительству социализма (ВАРНИТСО), до сих пор не превратилась еще в широкую организацию. Заводское инженерство в нее не вовлечено. Меж тем она могла бы проделать большую работу по сплочению всех преданных революции специалистов, активно противопоставить их вредителям-шахтинцам и оказать большое политическое влияние на просто честных специалистов.

О задачах партийных и профсоюзных организаций на предприятии.

Обязательства промышленности перед страной в текущем хозяйственном году особо велики. Увеличение продукции сверх намеченного плана, удешевление на 15% и рационализация капитальных работ, широкое развертывание борьбы с потерями в промышленности и, как результат этих мероприятий, снижение себестоимости на 7%—решение всех этих директив потребует напряжения всех сил промышленности. Главным препятствием к выполнению директив высших правительственных органов у нас обычно являются бюрократические извращения нашего административного и хозяйственного аппарата. На ряду с вредителями-шахтинцами в нашем аппарате немало лиц, не понимающих задач социалистического строительства, просто чиновников, губящих бюрократизмом и волокитой живое дело. Поэтому контроль за выполнением директив сейчас имеет особо важное значение. Но он даст должный результат только в том случае, если в него будет втянута сама рабочая масса. Здесь открывается широкое поле деятельности для местных партийных и профессиональных организаций. Партийные ячейки, производственные совещания, временные контрольные комиссии должны вплотную заняться вопросами, поставленными перед промышленностью в текущем году.

Выполнение производственной программы, снижение себестоимости продукции, состояние работ по рационализации предприятия должны быть в центре внимания фабрично-заводских партийных организаций. Этим вопросам ячейка должна уделять не меньше внимания, чем вопросам партийного просвещения. И нам кажется своевременным поставить сейчас вопрос о некотором перераспределении нашего пропагандистского актива. Значительные группы партийного студенчества (из технических главным образом вузов, а отчасти и экономических) можно было бы направить вместо пропагандистской работы на помощь заводским ячейкам по вопросам хозяйственным, а также в помощь производственным совещаниям, которые в текущем году обязаны в своей работе сделать громадный шаг вперед.

Временные контрольные комиссии после постановления июльского пленума ЦК организуются сейчас на всех предприятиях. Содержанием их работы и должна стать прежде всего проверка выполнения на местах директив высших партийных и правительственных органов в области хозяйственного строительства. Но не только обязанности контроля должны лежать на заводских общественных организациях. Борьба с потерями в промышленности, устранение неполадок во взаимоотношениях и в работе цехов будут успешны только в случае, если рабочая масса примет в них самое активное участие. Но нужно обеспечить проведение в жизнь предложений рабочих (конечно, тех из них, которые полезны для предприятия и выполнимы), ибо до сего времени большинство этих предложений остается только на бумаге. Недостаток средств может быть основанием для непроведения предложений рабочих только в течение одного года, но уже в следующем году заводоуправления в своих промфинпланах должны предусмотреть средства на проведение в жизнь этих предложений. Нужно прямо сказать, что нередко консервация предложений рабочих есть проявление сопротивления чуждой нам части аппарата.

Развернутое социалистическое наступление по всей линии, в том числе и на участке промышленности, усиливает, активизирует сопротивление противника. Поэтому вопросы выдвиженчества нам необходимо вновь поставить со всей решительностью. Тем самым перед ячейками и завкомами стоит задача тщательного подбора выдвиженцев, высшие же профессиональные и партийные органы должны принять меры, обеспечивающие им помощь и соответствующую подготовку.

М. Калманович.

Строительство новых крупных зерновых совхозов.

XV партийный с'езд, июльский и ноябрьский пленумы Центрального Комитета нашей партии дали совершенно четкую и ясную политическую линию в области социалистического переустройства деревни. Вся партия в целом дала решительный отпор всяким тенденциям, направленным к срыву курса нашей партии на усиление роли совхозов в социалистическом секторе деревни. Нет никакой надобности вновь аргументировать и повторять все сказанное по этому вопросу нашей партией.

От резолюций и постановлений по вопросу о строительстве новых совхозов партия решительно перешла к осуществлению этой громадной задачи, отразив в контрольных цифрах конкретный производственный и финансовый план по укреплению старых совхозов и по строительству новых совхозов.

В нашу задачу входит осветить те практические мероприятия, которые уже сделаны, и план намечаемых мероприятий по строительству новых крупных зерновых совхозов.

* * *

Июльский пленум ЦК в своих решениях дал две директивы в качестве основных задач, поставленных перед новыми совхозами.

Первая задача—чтобы через 4—5 лет иметь в совхозах «годовое производство товарного хлеба в размере 1.640.000 тонн».

Вторая задача: «Новые совхозы должны строиться по такому плану и с таким расчетом, чтобы в будущем могли превратиться в индустриальные центры переработки сельскохозяйственных продуктов окружающего крестьянского населения и стать мощными рычагами обобществления крестьянского земледелия (пример украинского совхоза имени Шевченко)».

Третья задача была дана в постановлении ноябрьского пленума ЦК по контрольным цифрам: создание, в числе прочих мер, «все большего культурно-агрономического воздействия совхозов на индивидуальные бедняцкие и середняцкие хозяйства».

В какой очередности все эти 3 поставленные перед новыми совхозами задачи могут быть ими выполнены? Так как строительство новых совхозов начнется на совершенно новых свободных землях, то отсюда совершенно ясно вытекает необходимость с самого начала организации новых совхозов в первую очередь обратить все внимание и направить все силы на достижение максимального производства товарного хлеба. Без решения этой основной задачи никак нельзя переходить к обобществлению крестьянского земледелия через совхозы. А потому партии и советской власти как в центре, так и на местах необходимо направлять все ресурсы, материальные и организационные, на охват свободных земель, организацию новых

совхозов, снабжение их тракторами и машинами и проведение капитального строительства.

Лишь в меру того, как совхозы сумеют полностью своими производственными ресурсами охватить все земли, могущие дать продукцию, можно и должно будет во всю ширь развернуть работу по содействию задаче обобществления крестьянского земледелия и культурно-агрономического обслуживания бедняцких и середняцких хозяйств.

Что сделано во исполнение постановлений июльского пленума ЦК «об организации в продолжение 4—5 лет в РСФСР и на Украине новых крупных совхозов»?

1) До настоящего времени выявлена возможность получения Зернотрестом новых земель в различных районах СССР в количестве 5.300.000 га. Эти данные потребуют в дальнейшем уточнения и изучения путем обследований, так как опыт этого года уже показал, что в ряде районов земли отводятся не в соответствии с постановлением июльского пленума ЦК, в котором сказано: «Необходимо со всей тщательностью произвести отбор земельных участков для организации новых зерновых совхозов, намечая эти участки в наиболее соответствующих—с точки зрения климатических, почвенных и экономических условий—районах, чтобы обеспечить при минимуме риска наибольшую рентабельность этих предприятий».

На практике при землеустройстве имеются случаи, когда земли отводятся непригодные и не соответствующие указанной директиве. Примеры этому мы имеем по Сибири и Нижне-Волжскому краю, где землеустройство проводилось в начале недостаточно продуманно. В Сибири было забраковано 112 тыс. га земли в Барабинском районе, совершенно непригодных для зернового хозяйства. В Нижне-Волжском крае землеустройство совхозов проходило в районах, наименее благоприятных по климатическим и почвенным условиям, в то время как в начале организации совхозов безусловно необходимо обеспечить минимум риска. Совхоз Натальинский и некоторые другие совхозы Нижне-Волжского края должны быть еще проверены, и, во всяком случае, их участки не могут быть в первый же год охвачены целиком, ибо земли не дают уверенности в получении хотя бы средних урожаев. Исходя из этого при дальнейшем землеустройстве и отводе земель местные партийные и советские организации должны сугубо внимательно отнестись к этому вопросу, требуя от органов Наркомзема предоставления для Зернотреста в первую очередь лучших земель.

2) Из отведенных земель в настоящее время уже землеустроено свыше полутора миллионов га. На Украине сейчас проводится обследование, но, по предварительным данным, земли будут находиться в наиболее засушливой полосе. Нижне-Волжский край, дав некоторое количество земель (примерно половину) в лучших районах, сделал ошибку, отведя остальные земли в худших районах (Новоузенский и Пугачевский уезды). Казакстан в значительной степени благодаря об'ективным условиям: дальность расстояний, отсутствие достаточного количества землеустроительных партий, необследованность громадных свободных пространств земель,—не смог до настоящего времени полностью выявить в натуре отводимые земли, за исключением двух больших массивов, из коих один массив, Кустанайский, находится под большим вопросом. Почвенные обследования, произведенные Почвенным институтом, дают неблагоприятную картину, и в ближайшее время вопрос о Кустанайском массиве должен быть решен экспертной комиссией.

3) На отводимых в натуре землях первоначально намечалась организация 50 совхозов. В дальнейшем, в результате изучения всех массивов, выявилась возможность сведения некоторых из них, вместо оптимальной площади в 30—50 тыс. га, в гораздо большие массивы. Так, например, при ст. «Целина», на Сев. Кавказе, где предполагалось организовать 3 совхоза, решено организовать только один совхоз «Гигант» на 150 тыс. га земли; в Средне-Волжской области соединяются два массива: Самарский и Марьевский. Вследствие изложенного в настоящее время решено организовать в 1929 г. 43 совхоза с заданием на вспашку в 703,6 тыс. га посева и 138 тыс. га борки, при чем в число этих 43 совхозов входят 10 уже существующих совхозов, которые в этом году выполнили полностью данное им задание на вспашку и на посев. Выполнено свыше 153 тыс. га вспашки, из коих посеяно озимых 16 тыс. га.

По районам задание распределяется следующим образом:

Наименование районов.	Количество совхозов.	Вспашка.
Северный Кавказ	2	144.000 га
Крым	2	20.000 „
Нижне-Волжский Край	8	107.000 „
Средне-Волжская область	10	166.000 „
Сибирь	6	76.000 „
Башкирия	2	30.000 „
Казакстан	7	90.000 „
Украина	3	35.000 „
Уральск обл.	2	3[illegible] „
Немреспублика	1	5.600 „
Итого	43	703.600 га

В настоящее время совхозы уже разбиты на участки в зависимости от конфигурации и размера охвата земель в 1929 г., и приступлено к разработке производственных программ и финансовых планов по каждому отдельному совхозу.

4) Для обеспечения совхозов необходимыми тракторами, машинами и проч. инвентарем в настоящее время все заказы по импорту уже даны, и первый пароход с грузом прибывает в начале января. Принимаются все меры к тому, чтобы все прибывающее оборудование было доставлено в совхозы к началу весенних работ. Со стороны Наркомторга и его органов за границей Зернотресту оказывается максимальное содействие и весьма внимательное отношение, и мы уверены, что при неослаблении этого темпа содействия новым совхозам своевременная доставка из-за границы всего оборудования будет обеспечена.

На внутреннем рынке потребности Зернотреста удовлетворяются нашими отечественными заводами, но трудностей в этом деле имеется крайне много. Загруженность заводов, крайняя дефицитность в ряде материалов и т. п. пока еще не дают полной уверенности в том, что мы будем иметь к началу работ необходимое оборудование и инвентарь. Так, например, вагончики для жилья рабочих едва ли будут доставлены к началу весны, а между тем это было бы крайне необходимо. ГОМЗЫ принимает меры к тому, чтобы заказ был выполнен до начала весенних работ. Украинский трест с.-х. машиностроения оказывает большое содействие в своевременном снабжении совхозов тракторными прицепными тележками. Со стороны ВТС оказано значительное содействие в предоставлении нам брезентов для пошивки двойных утепленных палаток по типу санитарных палаток военного ведомства, и палатки эти будут своевременно доставлены на места.

Что же касается семян для посева яровых, то Зернотрестом заключен договор с Наркомземом, и мы надеемся, что количество и качество их будут точно соответствовать договору, а отгрузка будет совершена, также согласно договору, в декабре и январе.

Обеспечение рабочих продовольствием зависит не только от совхозов, которые безусловно обязаны предоставлять все необходимое продовольствие для питания рабочих, но и от кооперации, которой уже в 1929 г. должно

быть организовано снабжение всеми предметами первой необходимости и продовольствием рабочих совхозов. Нами заключается генеральный договор с Центросоюзом, но он может остаться на бумаге, если местные кооперативные организации при содействии партии и профорганизаций не поставят этой задачи в центр своего внимания.

В отношении оказания медицинской помощи рабочим совхозов нами заключено соглашение с Наркомздравом, по которому мы предоставляем в каждом совхозе для медпункта двойную санитарную палатку, а Наркомздрав обеспечивает его врачем, фельдшером и всеми необходимыми медикаментами. Местные органы Наркомздрава должны будут проявить максимальную инициативу и энергию для осуществления этой задачи.

Одним словом, хотя трудности на нашем пути и имеются в силу малого количества времени для подготовительных работ, но мы уверены, что содействие местных партийных и советских организаций, в районах которых работают для нас заводы, и то внимательное отношение, которое имеется со стороны центральных хозяйственных организаций—обеспечат нам начало весенних работ в наиболее нормальных условиях.

5) Для создания нормальных условий работы совхозов в 1930 г. намечено значительное строительство в совхозах. Основные принципы строительства в новых совхозах заключаются в следующем: не строить без плана, проекта и сметы; строить из дешевого местного материала; строить удобные и соответствующие санитарно-гигиеническим требованиям постройки; проводить строительство в совхозах через производителей работ, которые, в свою очередь, должны быть руководимы начальниками районных строительств. Намечено провести следующее строительство в 1929 г. на центральных усадьбах совхозов: необходимые жилые помещения для постоянных рабочих и служащих, кои будут оставлены в совхозах на зиму 1929—30 г.; механические мастерские, склады снабжения, баки для горючего, гаражи для тракторов, сараи для с.-х. машин, столовые и бани-прачечные.

Такое строительство должно создать полную возможность своевременного и правильного ремонта тракторов и машин, содержания их в должном порядке, а для рабочих—условия, при которых от них можно требовать максимальной производительности труда.

В ближайшее время работы по строительству развертываются главным образом по части заготовки местных материалов. Местные комитеты содействия новым зерновым совхозам должны будут оказать нам полное содействие в подыскании этих материалов и в организации всего строительства.

6) Весь намечаемый нами план и программа развертывания новых совхозов, при обязательном нормальном снабжении совхозов всем необходимым и при намечаемом плане строительства—будут выполнены лишь при условии, если кадры работников совхозов будут соответствовать своему назначению. Центральный Комитет нашей партии еще в октябре дал нам свыше 90 товарищей для подготовки их на должности директоров и их заместителей по финансово-хозяйственной части. Эти товарищи в настоящее время проходят курсы при Тимирязевской академии и к 1 февраля 1929 г. закончат свою подготовку. Все они имеют в прошлом большой хозяйственный или профессиональный стаж, и мы уверены, что со стороны областных партийных организаций мы встретим полную поддержку в назначении их директорами и заместителями.

Заместители директоров по производственной части—специалисты-агрономы—подобраны в настоящее время через местные комиссии, в которых принимали участие профессиональные организации, местные партийные организации и представители Зернотреста. Эта группа проверена как с общественной, так и с политической стороны.

Инженеры-механизаторы, инструктора-механики в большей своей части будут комплектоваться из оканчивающих вузы, ибо в нашей стране опытных механизаторов сельского хозяйства совсем не имеется. Зав. участками подобраны главным образом из практиков, среди которых имеется некоторое количество лиц с высшим агрономическим образованием. Шоферы, которые требуются нам в количестве свыше 700 чел., забронированы из выпусков существующих школ шоферов.

Трактористы будут готовиться по районам на специальных курсах, программу которых мы уже дали и смету утвердили. На курсы будут подбираться в первую очередь исключительно батраки, преимущественно члены профсоюзов, и лишь при недостатке батраков будут даны места крестьянской бедноте. Классовая линия в подборе работников должна быть до конца выдержана, лозунг по подбору кадров новых совхозов должен быть: «ни одного зажиточного и кулака не допустить даже на порог совхоза»,—и тут местные партийные и профессиональные организации, а также наши уполномоченные должны проявить самое внимательное отношение к тому, чтобы не допустить извращений.

Не надо забывать то обстоятельство, что партийный и беспартийный состав работников совхозов вначале будет недостаточно ориентирован в местных условиях. Построить же правильное хозяйство можно лишь с учетом всех местных условий и особенностей. Быстрая ориентировка в местных условиях и особенностях может быть достигнута со стороны административного и технического персонала совхозов лишь при условии исключительного внимания и заботы со стороны партийных и советских организаций. В самом начале неизбежны некоторые ошибки в работе персонала и рабочих, которые начнут строить совершенно новое дело, по которому в прошлом нет накопленного большого опыта и не имеется в настоящее время соответствующего широкого опыта за границей. Поэтому в особенности необходимо, чтобы на ряду с бдительным контролем и строгим отношением к хозяйственной работе директоров и всего административно-технического персонала совхозов было крайне внимательное и бережное отношение со стороны местных партийных и советских организаций к этим работникам.

Трудную задачу организации новых совхозов мы обязаны и должны выполнить при максимальном содействии и участии не только партийных и советских органов, но и всей массы рабочих, которые будут работать в наших совхозах. Профсоюзы должны организовать производственные совещания, а наши хозяйственники должны оказывать им максимальное содействие и помощь. Через производственные совещания, через контрольные комиссии рабочие совхозов, осознавая ту великую роль, которую должны будут сыграть совхозы в реконструкции сельского хозяйства, будут изо дня в день укреплять свое производство.

Рабочий класс и его партия ВКП(б) не один раз уже доказывали всему миру своими достижениями, что социалистическое строительство в нашей стране растет из года в год. Новые совхозы, это—новый рычаг обобществления крестьянского земледелия, это новый социалистический оазис в деревне. Весь мир будет видеть в ближайшие же годы, как будут расти и крепнуть эти оазисы победы социализма над капиталистическим миром.

И. Сталин.

О правой опасности в германской компартии.

(Речь на заседании Президиума ИККИ 19 декабря 1928 г.).

Товарищи! В виду того, что тов. Молотов уже изложил здесь точку зрения делегации ВКП, мне придется сказать лишь несколько слов. Я думаю коснуться трех вопросов, вскрывшихся в процессе прений, да и то слегка. Эти вопросы: проблема капиталистической стабилизации, проблема классовых боев пролетариата в связи с расшатывающейся стабилизацией и проблема германской компартии.

Я должен с сожалением констатировать, что по всем этим трем вопросам тов. Эмбер-Дро и тов. Серра, — оба они попали в болото трусливого оппортунизма. Правда, тов. Эмбер-Дро высказался пока-что лишь по вопросам формальным. Но я имею в виду его принципиальную речь на заседании Политсекретариата ИККИ, где обсуждался вопрос о правых и примиренцах в германской компартии. Я думаю, что эта именно речь и является идеологической основой той позиции, которую заняло на этом заседании меньшинство Президиума ИККИ. Я думаю поэтому, что нельзя обойти молчанием принципиальную речь тов. Эмбер-Дро на заседании Политсекретариата ИККИ. Я говорил, что тт. Эмбер-Дро и Серра попали в болото трусливого оппортунизма. Что это значит? Это значит, что, кроме оппортунизма открытого, существует еще оппортунизм прикрытый, боящийся показать свое настоящее лицо. Это именно и есть оппортунизм примиренчества в отношении правого уклона. Примиренчество есть трусливый оппортунизм. Я должен, повторяю, с сожалением констатировать, что оба наши товарища попали в болото трусливого оппортунизма.

Позвольте продемонстрировать это на нескольких фактах.

1. Проблема капиталистической стабилизации.

Коминтерн исходит из того, что нынешняя капиталистическая стабилизация есть стабилизация временная, непрочная, шаткая, гнилая, которая будет все более расшатываться в ходе дальнейшего развития капиталистического кризиса. Это нисколько не противоречит тому общеизвестному факту, что капиталистическая техника и рационализация растут. Более того, именно на базе этого роста развертывается внутренняя гнилость и несостоятельность стабилизации. А что сказал нам тов. Эмбер-Дро в своей речи на Политсекретариате ИККИ? Он начисто отрицает там шаткость и непрочность стабилизации. Он прямо заявляет в своей речи, что «VI Всемирный Конгресс фактически осудил общую расплывчатую формулировку — гнилой, шаткой и т. д. стабилизации». Он прямо заявляет, что в известном

тезисе VI конгресса о третьем периоде нет ни слова о шаткости стабилизации. Можно ли считать правильным это утверждение тов. Эмбер-Дро? Нет, нельзя. Нельзя, так как VI конгресс Коминтерна утверждает нечто прямо противоположное тому, о чем толкует в своей речи тов. Эмбер-Дро. VI конгресс Коминтерна в абзаце о третьем периоде прямо говорит, что

> «Этот период (т.-е. третий период. *И. С.*) неизбежно ведет через дальнейшее развитие противоречий капиталистической стабилизации к дальнейшему расшатыванию капиталистической стабилизации и к резкому обострению общего кризиса капитализма».

Вы слышите — «дальнейшее расшатывание стабилизации»... Что это значит? Это значит, что стабилизация уже теперь шатка и непрочна, что она в условиях третьего периода будет дальше расшатываться. А тов. Эмбер-Дро позволяет себе издеваться над всеми теми, в том числе и над германской компартией, которые заявляют о шаткости и гнилости стабилизации, которые заявляют о том, что нынешняя борьба рабочего класса подтачивает и разлагает капиталистическую стабилизацию. Над кем издевается т. Эмбер-Дро? Ясно, что над решениями VI конгресса.

Выходит, что тов. Эмбер-Дро под видом защиты решения VI конгресса Коминтерна ревизует на деле эти решения, скатываясь таким образом к оппортунистическому пониманию стабилизации.

Так обстоит дело с формальной стороной вопроса. Перейдем теперь к разбору вопроса по существу. Если нельзя назвать нынешнюю стабилизацию ни шаткой, ни гнилой, ни непрочной, то какова же она в конце-концов? Остается одно — признать ее прочной и во всяком случае крепнущей стабилизацией. Но если мы имеем дело с крепнущей стабилизацией капитализма, то к чему сводится тогда так называемый обостряющийся и углубляющийся кризис мирового капитализма? Не ясно ли, что для углубления капиталистического кризиса не остается здесь места? Не ясно ли, что тов. Эмбер-Дро запутался в своих же собственных противоречиях?

Далее. Ленин говорил, что развитие капитализма в условиях империализма представляет двусторонний процесс: рост капитализма в некоторых странах, с одной стороны, загнивание капитализма в других странах, с другой стороны. Правилен ли этот тезис Ленина? И, если он правилен, не ясно ли, что капиталистическая стабилизация не может не быть гнилой?

Наконец, несколько слов о ряде всем известных фактов. Мы имеем такие факты, как отчаянные схватки империалистических групп за рынки сбыта товаров, за рынки вывоза капитала. Мы имеем такие факты, как бешеный рост вооружения в капиталистических странах, складывание новых военных союзов и явная подготовка к новым империалистским войнам. Мы имеем такие факты, как обострение противоречий между двумя гигантами империализма, между Америкой и Англией, старающимися вовлечь в свою орбиту все другие государства. Мы имеем, наконец, такие факты, как существование Советского Союза, рост и преуспевание Советского Союза во всех областях строительства, и в области экономической, и в области культурно-политической, Советского Союза, одно существование которого, не говоря уже об его росте, расшатывает и разлагает самые основы мирового капитализма. Как могут марксисты, ленинцы, коммунисты утверждать после всего этого, что капиталистическая стабилизация не есть шаткая и гнилая, что она не расшатывается самим ходом вещей с каждым годом, с каждым днем?

Догадывается ли тов. Эмбер-Дро, а вслед за ним и тов. Серра, в какое болото они попадают?

С этой ошибкой связаны остальные ошибки тт. Эмбер-Дро и Серра.

2. Проблема классовых боев пролетариата.

Так же ошибочна позиция тов. Эмбер-Дро в вопросе о классовых боях пролетариата в капиталистических странах, об их характере, об их значении. Из речи тов. Эмбер-Дро на заседании Политсекретариата вытекает, что борьба рабочего класса, его стихийные схватки с капиталистами имеют в основном лишь оборонительный характер, что руководство коммунистических партий этой борьбой должно протекать лишь в рамках существующих реформистских профсоюзов. Правильно это? Нет, неправильно. Утверждать это—значит тащиться в хвосте за событиями. Тов. Эмбер-Дро забывает, что борьба рабочего класса происходит теперь на базе расшатывающейся стабилизации, что бои рабочего класса носят нередко характер встречных боев, контрнаступления и прямого наступления на капиталистов. Тов. Эмбер-Дро не видит ничего нового в боях рабочего класса за последний период. Он не видит таких фактов, как всеобщая лодзинская забастовка, экономические забастовки за улучшение условий труда во Франции, Чехо-Словакии, Германии, могучая мобилизация пролетарских сил в Германии в боях против локаута металлистов и т. д., и т. п.

О чем говорят эти и подобные им факты, о чем они сигнализируют? О том, что в недрах капиталистических стран нарастают предпосылки нового революционного под'ема рабочего движения. Это и есть то новое, чего не видят, не замечают тт. Эмбер-Дро и Серра и чего вообще никогда не заметят товарищи, привыкшие смотреть не вперед, а назад. А что значит смотреть назад, а не вперед? Это значит тащиться в хвосте за событиями, не видеть нового в событиях и быть застигнутым врасплох. Это значит отказаться от руководящей роли коммунистических партий в рабочем движении. На этом именно и срезалось руководство германской компартии во время революции 1923 года. Поэтому, кто не хочет повторять ошибок 1923 года, тот должен будить мысль коммунистов и звать их вперед, тот должен готовить массы к надвигающимся боям, тот должен принять все меры к тому, чтобы коммунистические партии не оказались в хвосте событий и рабочий класс не был застигнут врасплох.

Крайне странно, что тт. Эмбер-Дро и Серра забывают об этом.

В период рурских боев германские коммунисты констатировали факт о том, что неорганизованные рабочие оказались революционнее организованных в профсоюзы. Тов. Эмбер-Дро возмущен этим и утверждает, что этого не могло быть. Странное дело! Почему не могло быть? В Руре имеется около миллиона рабочих. Из них организовано в профсоюзы около двухсот тысяч. Профсоюзами руководят бюрократы - реформисты, связанные всеми нитями с классом капиталистов. Что же тут удивительного, если неорганизованные рабочие оказались революционнее организованных? Да разве могло быть иначе? Я мог бы рассказать вам из истории революционного движения в России факты, более «удивительные». У нас нередко бывало, что массы оказывались революционнее своих (некоторых) коммунистических вождей. Это хорошо известно всем русским большевикам. Из этого именно и исходил Ленин, когда он говорил, что нужно не только учить массы, но и учиться у масс. Надо удивляться не этим фактам, а тому, что тов. Эмбер-Дро не понимает этих простых вещей из области революционной практики большевиков.

То же самое надо сказать о тов. Серра. Он не одобряет того, что германские коммунисты в борьбе за организацию локаутированных металлистов вышли из рамок существующих профсоюзов и расшатали эти рамки. Он видит в этом нарушение постановлений IV конгресса Профинтерна. Он уверяет, что Профинтерн указал коммунистам работать только внутри профсоюзов. Это чепуха, товарищи. Ничего подобного Профинтерн не указывал (*Лозовский:* «Правильно»). Говорить так — это значит обречь компартию на роль пассивного зрителя классовых боев пролетариата. Говорить так — это значит похоронить идею руководящей роли компартии в рабочем движении. Заслуга германских коммунистов в том именно и состоит, что они не дали себя запугать болтовней о «профсоюзных рамках» и перешагнули через эти рамки, организуя борьбу неорганизованных против воли профбюрократов. Заслуга германских коммунистов в том именно и состоит, что они искали и нащупали новые формы борьбы и организации неорганизованных рабочих. Возможно, что они наделали при этом ряд несущественных ошибок. Но новое дело никогда не обходится без ошибок. Из того, что мы должны вести работу в реформистских профсоюзах, если только эти профсоюзы являются массовыми организациями,—из этого вовсе не следует, что мы должны ограничивать свою массовую работу работой в реформистских профсоюзах, что мы должны стать рабами норм и требований этих союзов. Если реформистское руководство срастается с капитализмом (см. резолюции VI конгресса КИ и IV конгресса Профинтерна), а рабочий класс ведет борьбу против капитализма, то можно ли утверждать, что борьба рабочего класса, руководимого компартией, может обойтись без известной ломки существующих реформистских рамок профсоюзов? Ясно, что нельзя утверждать этого, не впадая в оппортунизм. Поэтому вполне представима такая обстановка, при которой может оказаться необходимым создание параллельных массовых об'единений рабочего класса, вопреки воле продавшихся капиталистам профсоюзных бонз. Мы имеем уже такую обстановку в Америке. Вполне возможно, что к этому же пойдет дело и в Германии.

3. Проблема германской компартии.

Быть или не быть германской компартии, организованной и сплоченной, с внутренней железной дисциплиной,—так стоит вопрос, товарищи. Речь идет не только о правых или примиренцах, а о самом существовании германской компартии. Существует германская компартия. Но на ряду и внутри германской компартии существуют две силы, которые разлагают партию изнутри и создают угрозу ее существованию. Это, во-первых, фракция правых, которая организует внутри компартии новую антиленинскую партию со своим центром, со своими органами печати и ломает изо дня в день ее дисциплину. Это, во-вторых, группа примиренцев, которая усиливает своими колебаниями фракцию правых. Я не буду доказывать, что фракция правых рвет с ленинизмом и ведет отчаянную борьбу против Коминтерна. Это давно уже доказано. Я не буду также доказывать, что группа примиренцев нарушает известное постановление VI конгресса о систематической борьбе с примиренчеством. Это тоже давно доказано. Речь идет теперь о том, что нельзя дальше терпеть подобное положение в германской компартии. Речь идет о том, что терпеть дальше такие «порядки», когда правые отравляют атмосферу социал-демократическим идейным хламом и ломают систематически элементарные основы партийной дисциплины, а примиренцы льют воду на мельницу правых,—это значит итти против Коминтерна и нарушать элементарные требования ленинизма. Создалось такое положение (если не худшее), какое имело место в ВКП в последнюю фазу борьбы с троцкизмом, когда партия и Коминтерн оказались вынужденными изгнать вон троцкистов из своих рядов. Это видят теперь все. Этого не видят, или делают вид, что не видят, тт. Эмбер-Дро и Серра. Тем хуже для них. Это значит, что они, эти товарищи, готовы поддерживать и правых и примиренцев, хотя бы ценой полного разложения германской компартии.

Выступая против исключения правых, тт. Эмбер-Дро и Серра ссылаются на известное постановление VI конгресса о том, что правые уклоны должны преодолеваться в порядке идеологической борьбы. Это совершенно верно. Но эти товарищи забывают, что постановления VI конгресса вовсе не ограничивают борьбу коммунистических партий против правой опасности мерами идеологического порядка. Ничего подобного! Говоря о мерах идеологической борьбы с уклонами от ленинской линии, VI конгресс Коминтерна в своей резолюции по докладу тов. Бухарина заявляет вместе с тем, что

> «это не только не исключает, но предполагает всемерное укрепление железной внутрипартийной дисциплины, безусловное подчинение меньшинства большинству, безусловное подчинение нижестоящих органов, а равно и других партийных организаций (фракции в парламенте, фракции в профсоюзах, пресса и т. д.) руководящим партийным центрам».

Крайне странно, что тт. Эмбер-Дро и Серра забывают об этом тезисе резолюции VI конгресса Коминтерна. Крайне странно, что все примиренцы, и те, которые считают себя примиренцами, и те, которые отнекиваются от этого звания, систематически забывают в своих ссылках на резолюцию VI конгресса об этом важном тезисе Коммунистического Интернационала.

Как быть, если вместо всемерного укрепления железной внутрипартийной дисциплины мы имеем в германской компартии вопиющие факты самого бесцеремонного нарушения всякой дисциплины как со стороны правых, так и, отчасти, со стороны некоторых примиренцев? Можно ли терпеть дальше такое положение?

Как быть, если вместо безусловного подчинения нижестоящих органов, фракций в профсоюзах и некоторых органов партийной печати руководящему партийному центру мы имеем в германской компартии вопиющие факты самого грубого нарушения этого требования VI конгресса Коминтерна со стороны правых и отчасти некоторых примиренцев? Можно ли терпеть дальше такое положение?

Вам известны условия приема в Коминтерн, утвержденные на II конгрессе. Я говорю о 21 условии. В первом пункте этих условий сказано, что «периодическая и непериодическая печать и все партийные издательства должны быть всецело подчинены Центральному Комитету партии, независимо от того, является ли в данный момент партия в целом легальной или нелегальной». Вы знаете, что правая фракция имеет в своем распоряжении два печатных органа. Вы знаете, что эти печатные органы не хотят и слышать о каком бы то ни было подчинении Центральному Комитету германской компартии. Спрашивается, можно ли терпеть дальше такое безобразие?

В 12-м пункте 21 условия говорится о том, что партия должна быть «организована наиболее централистическим образом», что в ней должна «господствовать железная дисциплина, граничащая с дисциплиной военной». Вы знаете, что правые в германской компартии не хотят признавать ни железной, ни какой бы то ни было другой дисциплины, кроме своей собственной, фракционной дисциплины. Спрашивается, можно ли терпеть дальше это безобразие?

Или, может быть, вы скажете, что условия, утвержденные на II конгрессе Коминтерна, не обязательны для правых?

Тт. Эмбер-Дро и Серра кричат здесь о мнимых нарушителях решений Коммунистического Интернационала. Теперь мы имеем в лице правых настоящих (а не мнимых) нарушителей самых основ Коммунистического Интернационала. Почему же они молчат? Не потому ли, что под видом словесной защиты решений Коминтерна они хотят протащить защиту правых и ревизию этих решений?

Особенно интересно заявление т. Серра. Он божится и клянется, что он против правых, против примиренцев и т. д. Но какой же он делает из этого вывод? Вы думаете о борьбе с правыми и примиренцами? Ничуть не бывало! Из этого он делает крайне странный вывод о том, что надо, по его мнению, реорганизовать существующее политбюро ЦК германской компартии. Вы только подумайте: политбюро ЦК КПГ ведет решительную борьбу с правой опасностью и с колебаниями примиренцев; тов. Серра стоит за борьбу с правыми и примиренцами; поэтому тов. Серра предлагает не трогать правых и примиренцев, ослабить борьбу с правыми и примиренцами и изменить состав политбюро ЦК КПГ в духе примиренчества. Это называется «вывод»! Да простит мне т. Серра, если я скажу здесь без обиняков, что его позиция в данном вопросе напоминает мне позицию провинциальных адвокатов, пытающихся представить белое черным, а черное белым. Это и называется у нас адвокатской защитой оппортунистических элементов.

Тов. Серра предлагает реорганизовать политбюро ЦК КПГ, т.-е. вывести кого-либо оттуда и ввести других, заменить их другими. Почему не говорит т. Серра прямо и открыто—кем заменить. (Серра: «Теми, кого хотел VI конгресс Коминтерна»). Но VI конгресс вовсе не предлагал реабилитацию примиренцев. Наоборот, он обязывает нас вести систематическую борьбу с примиренчеством. И именно потому, что этого обязательства не выполнили примиренцы, именно поэтому мы имеем после VI конгресса известное решение Президиума ИККИ от 6 октября 1928 г. о правых и примиренцах. Тов. Серра думает взять на себя роль единственного истолкователя решения VI конгресса. Такую претензию тов. Серра ни в коем случае нельзя считать обоснованной. Истолкователем решений VI конгресса является Исполком Коминтерна и его Президиум. Я вижу, что т. Серра не согласен с решением Президиума ИККИ от 6 октября, хотя он не заявлял об этом прямо. Тем хуже для него.

А вывод какой? Вывод один: позиция тт. Эмбер-Дро и Серра в вопросе о германской компартии есть позиция трусливой, адвокатской защиты правых против КПГ и Коминтерна.

4. Правые в КПГ и в ВКП.

Я узнал сегодня из речей некоторых ораторов, что некоторые германские примиренцы ссылаются в свое оправдание на мою речь на ноябрьском пленуме ЦК ВКП в вопросе о методах борьбы с правыми элементами. Как известно, я утверждал в своей речи (она опубликована), что на данной стадии развития борьбы с правой опасностью внутри ВКП основным методом борьбы является борьба идеологическая, что не исключает применения организационных выводов в отдельных случаях. Я обосновывал этот тезис тем, что правые в ВКП еще не скристаллизовались, не представляют группировки или фракции и не дали еще ни одного случая нарушения или невыполнения решений ЦК ВКП. Я утверждал в своей речи, что если правые перейдут на позицию фракционной борьбы и станут нарушать решения ЦК ВКП, с ними будет поступлено так же, как поступили с троцкистами в 1927 г. Кажется, ясно. Не глупо ли после этого ссылаться на мою речь, как на аргумент в пользу правых в Германии, где правые уже перешли на фракционные методы борьбы и систематически нарушают решения ЦК КПГ, или как на аргумент в пользу примиренцев в Германии, где они не порвали еще и видимо не хотят порвать с фракцией правых? Я думаю,

что ничего глупее этой ссылки нельзя себе представить. Только люди, порвавшие с диалектикой, не могут понять всей той глубины разницы, какая существует между положением правых в ВКП и положением их в КПГ.

В самом деле. Правые в ВКП не представляют еще фракции, и они, бесспорно, лойяльно выполняют решения ЦК ВКП. Правые в Германии, наоборот, уже имеют фракцию с фракционным центром во главе и систематически топчут ногами решения ЦК КПГ. Не ясно ли, что методы борьбы с правыми *в данный момент* не могут быть одинаковыми в этих двух партиях?

Далее. У нас в СССР не имеется социал-демократии, как организованной и серьезной силы, могущей питать и стимулировать правую опасность в ВКП. В Германии, наоборот, возле компартии существует более сильная и довольно крепко организованная социал-демократическая партия, питающая правый уклон в германской компартии и превращающая его об'ективно в свою агентуру. Не ясно ли, что только слепые могут не замечать всей разницы ситуации в СССР и в Германии?

Наконец, еще одно обстоятельство. Наша партия выросла и окрепла в жесточайших боях с меньшевиками, при чем бои эти имели в продолжение нескольких лет форму прямой гражданской войны с ними. Не забудьте, что мы, большевики, свергали в Октябре меньшевиков и эсэров, как левое крыло контрреволюционной империалистской буржуазии. Этим, между прочим, и об'ясняется, что нигде, ни в одной компартии в мире традиции против открытого оппортунизма не сильны в такой степени, как в ВКП. Достаточно вспомнить о московской организации, особенно о Московском Комитете, где имели место известные примиренческие колебания, достаточно вспомнить о том, как партийные рабочие в Москве в каких-нибудь два месяца одним ударом выправили линию Московского Комитета, — достаточно вспомнить все это, чтобы понять, до чего сильны в нашей партии традиции против открытого оппортунизма. Можно ли то же самое сказать о германской компартии? Вы наверное согласитесь со мной, что, к сожалению, нельзя этого сказать. Более того, мы не можем отрицать, что компартия в Германии далеко еще не освободилась от социал-демократических традиций, питающих правую опасность в КПГ.

Вот вам условия в Германии и условия в СССР, говорящие о том, что различие условий диктует различие методов борьбы с правой опасностью в ВКП и КПГ.

Только люди, лишенные элементарного чутья марксиста, не могут понять этой простой вещи.

В комиссии ноябрьского пленума ЦК ВКП по выработке резолюции было предложение со стороны одной группы товарищей распространить основные положения резолюции и на другие секции Коминтерна, в том числе и на германскую секцию. Мы отвергли это предложение, заявив, что условия борьбы с правой опасностью в КПГ кардинально отличаются от условий борьбы в ВКП.

5. О проектах закрытого и открытого письма.

Два слова насчет проектов резолюций, внесенных комиссиями ИККИ. Тов. Серра считает, что проекты эти носят характер провинциальных резолюций. Почему, спрашивается? Потому, оказывается, что в проекте открытого письма нет анализа политической обстановки, порождающей правую опасность. Это смешно, товарищи. Такой анализ имеется у нас в решениях VI конгресса. Нужно ли его повторять? Я думаю, что не следует повторять. Собственно говоря, мы могли бы ограничиться короткой резолюцией о правых, которые систематически нарушают решения VI конгресса и подлежат поэтому исключению, и о примиренцах, которые не ведут борьбы против

правых и потому заслуживают того, чтобы сделали им серьезнейшее предупреждение. Если мы, однако, не ограничились короткой резолюцией, то это для того, чтобы раз'яснить рабочим сущность правого уклона, показать им настоящее лицо Брандлеров и Тальгеймеров, показать им, что они представляли собой в прошлом и что представляют теперь, показать, как долго щадили их Коминтерн и ВКП, надеясь исправить их, показать, как долго терпели их в своей среде коммунисты и почему нельзя терпеть дальше существования таких людей в составе Коминтерна. Вот почему проект резолюции получился более пространный, чем этого можно было ожидать с первого взгляда.

Тов. Молотов уже говорил здесь, что делегация ВКП присоединяется к этим проектам резолюции целиком и полностью. Я могу лишь повторить заявление тов. Молотова.

Шао-Цы-Кан.

Опыт кантонского восстания.

1. Год, чреватый событиями.

11 декабря пролетариат всего мира праздновал годовщину самого славного и великого события в революционной истории Востока — кантонского восстания. Несмотря на свое кратковременное существование, кантонское восстание имеет всемирно-историческое значение. «Оно вошло в сознание трудящихся, как образец величайшего героизма китайских рабочих»,—так говорит воззвание к рабочим и трудящимся Китая VI конгресса Коминтерна. Оно всколыхнуло пролетариат империалистических стран, оно всколыхнуло в еще большей степени революционные массы Востока. Кантонское восстание является вехой в освободительной борьбе трудящихся масс всего мира. Поэтому иметь ясное представление об этом восстании и тщательно изучить его есть насущная задача каждого сознательного пролетария, иначе нельзя понять ни прошлые революционные битвы Китая, ни современное положение и дальнейшие пути развития китайской революции.

Прежде всего мы остановимся на общем экономическом и политическом положении в Китае перед кантонским восстанием.

Слова «год чреват событиями» звучали особенно часто в 1927 году в Китае. Китайские угнетающие классы и «сверхправительство» Китая—международный империализм,—часто любили употреблять эту фразу, при чем говорили ее печальным и возмущенным тоном. А что это означает? Это означает, что 1927 год чреват забастовками, демонстрациями, борьбой и восстаниями рабочих и крестьян, «беспокоящими» их мирное господство и интересы. Несмотря на то, что эта борьба всегда кончалась тяжелыми поражениями трудящихся масс, буржуазно-милитаристическая реакция в 1927 году никак не могла стабилизовать свое экономическое и политическое положение. Основная характерная черта положения 1927 года заключается в теснейшем переплетении острого экономического кризиса с военным и политическим кризисами.

Китайское крестьянство находится под гнетом помещиков, буржуазии и империалистов. Его положение чрезвычайно тяжело, во всяком случае, не лучше, чем положение крестьян Франции перед 1789 г. и крестьян России до их освобождения от крепостного права в 1861 г. Сельское хозяйство 1927 года в Китае характеризуется относительно «хорошим» урожаем, хотя с оговоркой, что в провинции Чжили и Шаньдун и некоторых районах других провинций имели место явления массового голода (по недавним сведениям английской газеты «Таймс», количество голодающих в 1927 году дошло до 9 миллионов). В результате «хорошего» урожая усилилась эксплоатация крестьян. Помещики повысили подать; землевладельцы и ростовщики требовали уплаты старой задолженности; скупщики

понизили цены на сельскохозяйственные продукты; а милитаристы вдвойне и втройне увеличили налоги и реквизировали не только жизненные припасы и рабочий скот, но и рабочую силу крестьянства. Крестьяне жаловались, что «хороший» урожай разоряет их хозяйство так же, как и самый плохой. Естественно, они не могли долго терпеть такое положение, и их единственным выходом стала вооруженная борьба. Этим об'ясняется необыкновенный рост крестьянских восстаний в 1927 году, этим об'ясняется, почему джентри и помещики, все как один жаловались на то, что «мир стал совсем иным, что трудно найти даже одного добродетельного в деревне. Сейчас нет ни одного «внушающего доверие», даже 60-летний крестьянин замахивается большим ножом, чтобы убить другого».

По статье «Хроника крестьянских восстаний в Китае» [1] и некоторым китайским материалам можно составить следующую (приблизительную, по точности) таблицу о количестве крестьянских восстаний в разных провинциях Китая с мая по декабрь 1927 года:

Месяцы.	Гуандун.	Шаньдун.	Цжили.	Хубей.	Цзянсу.	Хунань.	Хэнань.	Фуцзян.	Анхой.	Гуанси.	Всего восст. в месяц.
Май	2	—	—	—	—	1	1	—	—	—	4
Июнь	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	3
Июль	2	1	1	—	—	—	—	—	—	—	4
Август	2	—	1	—	1	1	—	—	—	—	5
Сентябрь	1	—	—	1	—	—	—	1	—	—	3
Октябрь	1	—	—	—	1	—	1	—	1	1	5
Ноябрь	1	4	2	1	2	1	—	—	—	—	11
Декабрь	2	1	1	2	—	—	—	—	—	—	6
Всего восстан. по провинц.	12	7	6	4	4	3	2	1	1	1	Всего восст. за май—дек. 41

В таблице бросаются в глаза две характерные черты: во-первых, крестьянские восстания сильно разрослись именно накануне кантонского восстания: с мая по октябрь в среднем только 4 крестьянских восстания по всему Китаю, а в ноябре, накануне кантонского восстания это число увеличилось до 11 восстаний. Во-вторых, именно в провинции Гуандун, где вспыхнуло великое кантонское восстание, количество крестьянских восстаний занимало первое место, превышая все другие провинции. Эти две характерные черты роста крестьянских восстаний в 1927 году в Китае имели огромное значение при оценке общей ситуации Китая накануне кантонского восстания.

Все основные отрасли китайской промышленности и торговли переживали тяжелый кризис в 1927 г., и реакционная пекинская газета «Чэньбао» в январе сего года сама писала, что «почти для всех отраслей торговли и промышленности 1927 год являлся одним из наихудших годов. Многие промышленные и торговые предприятия совершенно прекратили свою деятельность, многие сократили производство или временно прекратили свою деятельность...»

Хлопчатобумажная промышленность Китая, как известно, во время империалистической войны 1914—1919 гг. упорно разрасталась. Но такой

[1] Статья напечатана в номере 11—12 «Материалов по китайскому вопросу» (изд. научн. института Китая) и составлена, как указал автор, по китайским газетам, нелегальному органу ККП—«Большевик» и по сообщениям китайских товарищей, очевидцев и участников восстаний.

расцвет продолжался недолго. С 1924 г. она уже начала падать, и к 1927 г. она очутилась в тяжелом положении, по словам буржуазных газет, «вследствие того влияния, которое оказывало на ее деятельность рабочее движение, недостаток сырья и, наконец, затруднения в сбыте фабрикатов». В таком же плохом положении находилась и шелковая промышленность. В 1927 г. стачечное движение на шелковых фабриках было еще сильнее, чем на хлопчатобумажных. В августе, сентябре и ноябре в одном Шанхае 17 шелковых фабрик прекратили работу, и экспорт китайского шелка в Америку в 1927 г. был на 15.000.000 долларов меньше, чем в 1926 г. Если следить хотя бы только по китайским газетам, такая же картина бросается в глаза и по другим отраслям промышленности.

Отчет Брэта [1]), коммерческого атташе английского посольства в Пекине и председателя комиссии для изучения перспектив английской торговли в долине Ян-Цзы, назначенного британским правительством, дает нам такую картину состояния торговли и финансов:

«Во всех важнейших открытых портах в долине Ян-Цзы торговля находится в состоянии депрессии...

В Нанкине вообще нет торговли. В Уху (в провинции Анхой) торговля очень ограниченная. То же самое в Цзю-Цзяне (в провинции Цзянси), где финансовые и валютные затруднения и тяжелое обложение мешают торговле. Банкноты Центрального банка потеряли 55% своей стоимости, но власти заставляют купцов принимать их по номинальному курсу. В Ханькоу неопределенность политического положения, невероятно высокие налоги и валютные затруднения свели торговлю почти на-нет. В Чанше валютное положение еще хуже, чем в Ханькоу. Бумажные деньги быстро обесцениваются. В Чанше у купцов имеется 2 миллиона кулей риса, но купцы не хотят продавать рис за бумажные деньги. В Ичане (в провинции Хубей) никакой торговли нет. В Чун-Цзине (в провинции Сы-Чуан) положение немножко улучшилось. Но судоходство все еще связано с большим риском в виду того, что Ян-Сен (милитарист) настаивает на своем праве реквизировать любой пароход для военных перевозок. Положительным моментом для Чун-Цзина является то, что там не выпущены новые бумажные деньги. Единственным положительным в долине Ян-Цзы с точки зрения торговли является хороший урожай. Но реализация урожая чрезвычайно затрудняется недостатком серебряной монеты, валютными и финансовыми затруднениями, дезорганизацией прежнего торгового оборота, дезорганизацией заготовительного аппарата иностранных фирм, налогами, вмешательством военных властей в торговлю».

При таком экономическом положении, естественно, сильно ухудшилось положение трудящихся масс. В этом заключается основная причина роста рабочего движения и обострение классовой борьбы. В одном Шанхае с июня по ноябрь всего было 73 стачки [2]).

Месяцы.	Количество новых стачек.	Число стачечников.	Количество потерянных дней.
Июнь	6	11.356	—
Июль	4	11.629	—
Август	8	9.039	46.168
Сентябрь	16	17.227	187.329
Октябрь	26	26.737	421.201
Ноябрь	13	14.270	—

[1]) Он опубликован в конце ноября 1927 г. в английской прессе, выходящей в Китае.

[2]) Официальные данные муниципальной полиции иностранного сетлмента в Шанхае.

Классовая борьба обострилась до крайности. Лучшим доказательством этого явились апрельский и июльский перевороты (Чан Кай-ши в Шанхае и Ван Цзин-вея—в Ухане). Одной из основных причин предательства национальной буржуазии явилось именно развертывающееся массовое движение рабочего класса и крестьянства. Пугаясь развития массового движения и его революционно-классовых требований, национальная буржуазия без оглядки перешла в лагерь контрреволюции. Но зато революция перешла на высшую ступень: блок буржуазии, мелкой буржуазии, крестьянства и пролетариата развился и превратился в блок пролетариата, крестьянства и городской бедноты при все возрастающей руководящей роли пролетариата. И, несмотря на дикое неистовство реакции, революция не умерла. Наоборот, период после предательства буржуазии характеризуется р о с т о м революционного движения рабочих и крестьянских масс. Этот рост ярко проявился в событиях на протяжении второй половины 1927 г. в волнах стачек в Шанхае, Ханькоу и Кантоне, в крестьянских восстаниях в Хунани, Хубее, Гуандуне, Цзянсу, Хэнани, Чжили, Шандуне, Цзянси, в августовском нанчанском восстании и в захвате войсками Ие-Тина и Хо-Луна Сватоу.

Таково было общее экономическое и политическое положение в Китае перед кантонским восстанием. Оно ясно указывает на общий хозяйственно-политический кризис, на неспособность буржуазии разрешить его и на бурный рост рабоче-крестьянского движения. Иными словами, накануне кантонского восстания мы имели в Китае в общем н е п о с р е д с т в е н н о-р е в о л ю ц и о н н у ю с и т у а ц и ю.

2. Положение в Гуандуне перед восстанием.

Сейчас мы переходим к не менее крупному вопросу, к вопросу о положении Гуандунской провинции перед восстанием.

Ли Ти-сен не хотел уступить Чан Кай-ши, он лишь спустя три дня после переворота Чан Кай-ши, 15 апреля, совершил свой контрреволюционный переворот в Кантоне. После этого предательства национальная буржуазия в Гуандуне в лице Ли Ти-сена сразу заключила соглашение со всеми реакционными силами. Она сблокировалась с кантонскими помещиками, с империалистами, с «бумажными тиграми»—смертельными врагами Сун Ят-сена. Но она не только не могла подавить движение трудящихся масс, но и не добилась стабилизации и единства в своих рядах.

Когда революционная армия Хо-Луна и Ие-Тина захватила Сватоу, одновременно так называемая «армия второго направления», во главе с Чжан Фа-гуем и Хуан Цзи-сяном, вступила в Кантон. И сразу же проявились притязания этой армии на захват гуандунской власти: Чжан Фа-гуй и Хуан Цзи-сян послали своих агентов в аппарат правительства, вызвали Ван Цзин-вея в Кантон, использовав его, как наилучшее орудие обмана масс, и использовав такие профсоюзы, как «гуандунский всеобщий профсоюз», «профсоюз механиков», «об'единение революционных рабочих в Кантоне», для того, чтобы расширить свое влияние. Видя интриги Чжан Фа-гуя и Хуан Цзи-сяна, Ли Ти-сен принял соответствующие меры против них. Враждебность и противоречия между двумя кликами милитаристов, между гуандунской (во главе с Чжан Фа-гуем) и гуансийской (во главе с Ли Ти-сеном) обострялись с каждым днем. Наконец, скрытая вражда превратилась в открытый бой. Чжан Фа-гуй и Хуан Цзи-сян 1 ноября совершили переворот в Кантоне. После этого переворота на всей территории Гуандуна происходила бесконечная борьба от Сватоу до Кантона, от Цзянсиня до Северной реки. Армии милитаристов передвигались, готовясь к еще более решительным схваткам между собой. Стало быть силы милитаристов и политически

и экономически в этой борьбе сильно ослабились. Таково было положение в лагере противников революции накануне восстания.

Кантонские рабочие понесли многочисленные жертвы после переворота Ли Ти-сена и в начавшейся за ним реакции. За этот период было убито свыше 4 тысяч рабочих, более тысячи находилось в тюрьмах. Одновременно предприниматели атаковали рабочих, отнимая все их прежние завоевания. Компартия и массовая революционная организация кантонского пролетариата — делегатское об'единение кантонских рабочих—подверглись жестокому преследованию реакции. Но кантонские рабочие, имевшие крепкие революционные традиции, не останавливаясь ни перед чем, беспрерывно выступали против реакции. 22 апреля вспыхнула первая крупная политическая стачка рабочих, организованная делегатским об'единением кантонских рабочих и окончившаяся массовыми арестами. Одновременно кантонские рабочие организовали «Союз самоспасения» с целью самообороны профсоюзов, противодействия преследованиям и убийства штрейкбрехеров. 19 июня по случаю годовщины Кантон - Гонконгской стачки и 23 июня рабочие организовали многочисленные демонстрации. 14 октября началась крупная забастовка моряков, рабочие других отраслей поддержали их устройством массовой демонстрации. Участники демонстрации насчитывали свыше 40.000 человек. Красное знамя делегатского об'единения кантонских рабочих снова появилось на улицах Кантона. Когда демонстрация прошла через «мирную южную улицу», члены реорганизованного комитета моряков пытались бежать, боясь разгрома и атаки демонстрантов. Окружив их, масса начала их убивать. В результате было убито 3 члена реорганизованного комитета. Демонстранты снова выровняли свои ряды и всюду громко кричали лозунги: «Долой Ли Ти-сена», «Долой членов реорганизованного комитета профсоюзов», «Контроль профсоюзов самими рабочими» и против реорганизации профсоюзов. Одновременно моряки, вернувшись в здание профсоюза, начали вести свою работу. В 4 часа дня полиция арестовала некоторых из служащих профсоюза. «Эта демонстрация имела огромное влияние. Она пробудила энтузиазм всех рабочих Кантона» [1]).

10 октября по случаю годовщины китайской республики рабочие устроили демонстрацию. 1 ноября «около трех тысяч спичечников и рабочих трех железных дорог и тысячи рабочих других отраслей окружили здание Ван Цзин-вея, находящееся в так называемых Восточных горах, требуя восстановления работы. Ван Цзин-вей отказался договариваться с ними по тем мотивам, что ответственность несет только правительство. Масса была возмущена, громко кричала: «Долой Ван Цзин-вея, Чжан Фа-гуя и Ли Ти-сена», «Долой Гоминдан», «Долой национальное правительство», «Да здравствует коммунистическая партия». Тогда Ван Цзин-вей вызвал муниципальную полицию. Муниципальная полиция отправила бронеавтомобиль и свыше двухсот жандармов и арестовала больше 60 человек, в том числе и секретаря исполкома делегатского об'единения кантонских рабочих, тов. Чжон Вен-ион. После этого случая рабочие еще более ясно поняли лицемерие Чжан Фа-гуя и Ван Цзин-вея. Борьба наша еще более обострилась» [2]).

7 ноября «рабочая масса устроила собрание в «мирном театре» в честь годовщины Октябрьской революции. В 10 часов пришли на собрание свыше 400 рабочих, муниципальная полиция также отправила туда 80 жандармов следить за порядком. Но к 11 часам число присутствовавших на собрании уже дошло до 1.000 человек. По всему залу развешены

[1]), [2]) Отчет делегатск. об'единения кантонских рабочих.

красные знамена с написанными на них лозунгами. Ораторы сменяли один другого, беспрерывно кричали лозунги, распространялись бесчисленные листовки. Видя опасное настроение масс, реакционные жандармы вызвали из муниципальной полиции еще 300 жандармов. Жандармы выгнали рабочих из зала собрания и арестовали присутствовавшего там консула СССР и двух атташе. Хотя собрание не было закончено, но ясно одно, что оно вызвало энтузиазм рабочих масс» [1]).

17 ноября, как мы уже указывали, совершили переворот Чжан Фа-гуй и Хуан Цзин-сян в Кантоне. Новая власть еще более жестоко относилась к рабочему движению. Они после завоевания власти сразу же обрушились на рабочих Кантон - Гонконгской стачки (10 октября 1926 г. стачечный комитет Кантон - Гонконгской забастовки отменил гонконгскую блокаду, но все же больше 30.000 стачечников осталось в Кантоне и после этой отмены). Их выгнали из общежитий, закрыли их общественные столовые, арестовали много революционных рабочих, открыли огонь по безоружным массам демонстрантов, приказали жандармам, полиции и так называемым членам реорганизованных профсоюзов захватить профсоюзы, специально выпустили прокламацию об уничтожении коммунистов и т. д. Такая политика, конечно, вызвала сильное возмущение в рабочих массах. «Они в процессе роспуска стачечников два раза выступили против этого наглого акта реакции. Первый раз выступили в То Чао-ше (название местечка), в нем участвовали бесчисленные массы рабочих. Оратор сменял оратора. Тон их речей был необыкновенно резким, требовали восстановления делегатского об'единения кантонских рабочих и помощи правительства стачечникам Кантон - Гонконгской забастовки. После окончания собрания они устроили мощную демонстрацию. Произошел конфликт с полицией, в результате которого было убито 3 человека и арестовано свыше 20 человек демонстрантов. Во второй раз, рабочие устроили собрание в «Первом парке», где участвовало 1.300 человек. Это собрание было распущено полицией еще до его открытия. После этого движения рабочие не стали апатичными. Наша гвардия и «Союз спасения» превратились в Красную гвардию. Число их с 2 тысяч возросло до 4 тысяч человек» [2]).

«К началу декабря недовольство масс было так сильно, что моряки об'явили забастовку, рабочие автотранспорта стали саботировать, почтовые служащие постановили бастовать. Передовые рабочие вооружались, готовя различные бомбы. Требование восстания было широко распространено в пролетариате» [3]).

В отношении крестьянства мы указали, что по количеству крестьянских восстаний Гуандун занимал первое место из всех провинций. Мы имели 12 крестьянских восстаний с мая по декабрь 1927 г. Самым успешным из этих восстаний являлось Хай-Луфынское (в конце октября). В начале этого восстания в нем принимали участие остатки войск Ие-Тина и Хо-Луна, реорганизовавшиеся в дивизию крестьянской революционной армии. Хай-Луфынское восстание с самого начала приняло серьезный характер. Революция размахнулась чрезвычайно широко и глубоко, затрагивая вопросы аграрной революции. Эта борьба была очень организованной. Здесь в первый раз была организована власть рабоче-крестьянских и солдатских масс. В каждой деревне, в каждой волости и уезде была организована советская власть. На территории советской власти была проведена конфискация помещичьей земли,

[1]) Отчет делегатского об'единения кантонских рабочих.
[2]) Там же.
[3]) Тезисы политбюро ЦК ККП «О значении и уроках Кантонского восстания», от 3/I—1928 года.

были публично сожжены документы о собственности на землю, а также арендные и долговые обязательства. Сельские советы об'явили, что земля принадлежит всему обществу и должна быть дана крестьянству в пользование. Было конфисковано все находящееся в ломбардах имущество и возвращено беднякам - владельцам, была произведена конфискация имущества джентри, тухао и прочих контрреволюционеров. Это имущество было обращено советским правительством на поддержку бедноты и на общественные нужды, часть роздана революционной армии. Было казнено много контрреволюционеров, помещиков, джентри и тухао, дома их были сожжены.

Под влиянием хай - луфынских событий происходили многочисленные крестьянские восстания в близлежащих районах. Рабоче - крестьянская армия вместе с вновь восставшими районами выступала против помещиков этих районов, одерживала победы и тем самым расширяла территориальный базис революции. Уездные советы Хай-Луфын, Тиесу, Цзидина, Сянгуая и затем Иульма организовались из представителей крестьянства, ремесленников и кули. Первый с'езд советов был созван в Хай-Луфынском округе 9 ноября. На нем присутствовали 300 делегатов, 100.000 гостей. С'езд выбрал правительство восставших районов. В средине ноября восставший район включал в себя 500.000 дворов. Организованная рабоче-крестьянская армия состояла из добровольцев, делегированных деревнями. Система наемной армии уничтожена, была введена военная повинность для каждой деревни, общественной организации и т. д. по определенной разверстке. Оружие рабоче - крестьянской армии было захвачено у противника. Председателем хай - луфынского советского правительства был избран Пын-Пай (член ЦК ККП). Советским правительством он был послан к кантонским рабочим для связи и с просьбой о поддержке. Было опубликовано воззвание советского правительства к рабочим массам Кантона. Хай-луфынское крестьянство дало 20.000 долларов из конфискованного имущества буржуазии на покупку оружия для восстания.

С о л д а т с к и е м а с с ы жили в очень тяжелых условиях. Они были недовольны роскошной жизнью своего начальства. На следующий день после переворота Чжан Фа-гуя реакция созвала митинг (фактически военный смотр) в честь своей победы. И вот на митинге появились революционные листовки и большое количество рабочих с красным знаменем и лозунгами: «Долой Гоминдан», «Да здравствует советский Кантон», «Да здравствует рабочая, крестьянская и солдатская власть», «Да здравствует братство солдат и рабочих» и т. д. Солдатская масса сочувственно отнеслась к рабочим. Особенные симпатии проявил учебный полк кантонского гарнизона, очень резко выявивший свое враждебное отношение к реакционному Гоминдану. Этот полк являлся лучшей частью армии Чжан Фа-гуя. В начале декабря на рабочих митингах представители этого полка, его рот и батальонов выражали свою готовность бороться под руководством компартии.

Д а ж е ч а с т ь г о р о д с к о й м е л к о й б у р ж у а з и и стала выражать свое недовольство существующим милитаристическим господством. Это недовольство об'яснялось экономическим кризисом, финансовыми затруднениями и тем, что обнаружился обман Гоминдана, не проведшего в жизнь ничего из своей программы.

Например, когда реакция об'явила, что надо установить новые налоги: налоги на гербовый сбор, налоги на предметы роскоши и налог на коммерческие документы ценностью больше чем на один рубль,—все торговцы Кантона протестовали и устроили уличную петицию перед зданием правительства. Рабочие помогли торговцам и также протестовали против новых налогов. Но в результате обмана их большими торговыми магазинами, их движение было подавлено правительством, которое угрожало им даже пулеметами.

Такова была общая картина состояния различных общественных сил в Гуандуне накануне кантонского восстания. Мы видим, как о с т р о шла классовая борьба. Завоевав власть, Ван Цзин-вей и Чжан Фа-гуй прекрасно поняли наличие сильного недовольства трудящихся масс их господством. Поэтому они сразу же развернули свое наглое наступление, грозя отнять и те ничтожные крохи, которые с громадными жертвами и напряжением были раньше добыты трудящимися массами. Тогда коммунистической партии, авангарду революционного пролетариата, пришлось выбирать: о т с т у п и т ь ли без боя перед этим наглым наступлением или руководить массами в решительном н а с т у п л е н и и и пойти на вооруженное восстание? Партия выбрала путь решительного наступления на врагов. Тем более, что партия считала, что можно иметь известные шансы на успех восстания [1]), ибо тогда, несомненно, были налицо предпосылки восстания: 1) г о с п о д с т в у ю щ и е к л а с с ы д е з о р г а н и з о в а н ы; 2) м а с с ы н а х о д и л и с ь в с о с т о я н и и р е в о л ю ц и о н н о г о б р о ж е н и я, о н и б ы л и г о т о в ы н а в ы с т у п л е н и я и ж е р т в ы; 3) п р о м е ж у т о ч н ы е с л о и к о л е б а л и с ь в с т о р о н у п р о л е т а р и а т а.

Итак, партия в лице гаундунского губкома решила вести массы на вооруженное восстание против контрреволюции. Мы сейчас рассмотрим, в чем выражалось это руководство губкома партии и его подготовка к восстанию.

3. Подготовка к восстанию.

В китайской компартии были допущены тяжелые оппортунистические ошибки п о в с е м о с н о в н ы м в о п р о с а м р е в о л ю ц и и. Но партия сумела еще на своем августовском чрезвычайном пленуме ЦК открыто признать эти ошибки. И с тех пор она неуклонно шла и идет по пути большевизации своей организации. Особенно работа гуандунской партийной организации имела большие успехи. «Авторитет гуандунской партийной организации рос с каждым днем. Несмотря на нелегальное положение, в котором партийная организация находилась, рост доверия масс к ней увеличивался. Гуандунская партийная организация становилась организатором и руководителем революционного народа против реакционного господства Гоминдана» [2]).

О связи гуандунской партийной организации с массами в этих же тезисах политбюро ККП мы читаем:

«Несмотря на белый террор, делегатское об'единение кантонских рабочих (исключительно под влиянием и руководством коммунистов) сумело периодически собирать нелегальные делегатские собрания, а кантонская партийная организация еще в большей степени сумела периодически собирать собрания и энергично проводить работу. Связь с массами и их организационный охват были довольно значительны. Партия и профсоюзы являлись действительно руководящими организациями». Вот как ЦК партии оценил работу гаундунской партийной организации. Тов. Страхов совершенно прав, когда говорит, что «накануне кантонского восстания наилучшей организацией партии надо считать гуандунскую организацию» [3]).

Что же делала эта организация в смысле подготовки к вооруженному восстанию.

---

[1]) Полный успех восстания никто не может гарантировать заранее перед любым восстанием. Можно начинать восстание тогда, когда есть известные шансы на успех. В этом отношении мы считаем совершенно правильной резолюцию VIII пленума ИККИ, которая говорит, что «начинать восстание можно только тогда, когда есть известный шанс на успех». *Автор*

[2]) Тезисы политбюро ККП о «значении и уроках кантонского восстания».

[3]) С т р а х о в: «Китайская революция и ККП».

1. **Борьба с иллюзиями «левых» гоминдановцев. В то время борьба с иллюзиями «левых» гоминдановцев была одной из центральных задач.** Без этой борьбы и не мечтали бы о низвержении реакции. Эта задача блестяще выполнялась гуандунской партийной организацией. Она не только сама порвала с ними окончательно (Чжан Фа-гуй хотел разговаривать с партийной организацией, но партийная организация категорически отказалась; это большой шаг вперед, ибо наши товарищи в нанчанском восстании еще не сумели так выступить), но и посредством пропаганды и практической борьбы (например, уличная петиция безработных рабочих трех железных дорог перед зданием Ван Цзин-вея, организованная коммунистами) раз'яснила массам, что «левые» гоминдановцы ничем не отличаются от правых и других контрреволюционеров.

2. Мобилизация масс. Одной из заслуг гуандунской партийной организации являлось то, что она сумела связать повседневную борьбу рабочего класса с нашей общей целью, с целью низвержения власти реакции. Она сумела вовлечь массы красных профсоюзов исключительно под свое руководство. Но надо отметить, что эта мобилизация масс, особенно накануне восстания, была еще совсем недостаточна. В этом заключалась одна из причин поражения гуандунского восстания (ниже мы остановимся на этом). Но некоторые товарищи, например, новый гуандунский губком партии, после поражения восстания считали, будто бы партийная организация совсем не вела работу мобилизации масс накануне восстания. С этим мы категорически несогласны. На самом деле партийная организация принимала ряд мер в деле мобилизации масс. По словам самих руководителей этого восстания, партия принимала следующие меры:

1) Через партийные организации партия за неделю до восстания созывала 2 раза пленум секретарей ячеек гуандунской организации. В первый раз обсуждали вопрос о всеобщей стачке. Большинство из присутствовавших (30 товарищей) высказалось за то, что можно добиться всеобщей забастовки. Второй раз обсуждали вопрос о программе восстания и о методах мобилизации масс к вооруженному восстанию. В отдельных ячейках партия также созывала собрания. На них обсуждались вопросы о методах стачек, восстаний и расширения красной гвардии. 2) Через профсоюзы, делегатское об'единение кантонских рабочих на той же неделе было созвано 2 делегатских собрания. Первое также обсуждало вопросы всеобщей стачки. Большинство из присутствовавших (40 делегатов) высказалось за возможность проведения всеобщей стачки. Второе выбрало 9 членов кантонского совета от их организаций. 3) Красная гвардия несколько раз созывала собрания ротных командиров (она организована по ротам), на них ставились политические доклады и широко обсуждались все текущие вопросы.

3. Организация кантонского совета. При курсе на низвержение власти реакции огромное значение имела организация советов. Знамя Гоминдана перестало быть революционным, и лишь под знаменем советов можно было мобилизовывать широкие массы трудящихся вокруг новой власти, лишь советская власть есть власть, могущая защищать интересы трудящихся масс. Но вследствие тяжелой репрессии реакции кантонский совет был организован только непосредственно перед вспышкой восстания. Состав исполкома совета был выбран из 9 членов делегатского об'единения кантонских рабочих и 3 представителей из крестьянского союза расположенных близ Кантона деревень (только один из них практически участвовал в работе) и трех представителей от солдат. Кроме этих представителей, в исполком совета входил официальный представитель партии. В исполкоме совета было 2/3 рабочих. Окончательное решение о восстании было принято на заседании исполкома, также и его стратегический план. Поэтому партия могла сразу мобилизовать солдатско-рабоче-крестьянские массы и начать восстание.

4. Работа среди солдат. Работа среди солдат имела один крупнейший недостаток, именно: она лишь ограничивалась армией, находящейся в Кантоне, и почти совершенно не затрагивала части, находящиеся вне Кантона. Но во всех армиях Кантона имелось партийное ядро. В частности, учебный полк кантонского гарнизона целиком находился под влиянием партии. Он играл колоссальную роль в восстании. Состав 12 батальонов этого полка в большинстве состоял из студенчества, окончившего военные курсы. Все они, кроме высшего комсостава, были за советскую революцию. Кроме того, большинство солдат кантонского гарнизона, часть артиллерийского батальона и студентов военной школы Вампу также сочувствовали лозунгам кантонского совета. За неделю до восстания происходили совещания военных делегатов (было свыше 200 человек, среди них были рядовые беспартийные солдаты), на которых единогласно постановили бороться до смерти за рабоче-крестьянскую революцию. Лозунги для солдат, выдвинутые партийной организацией, особенно лозунг «Земля крестьянам и солдатам» были встречены с энтузиазмом.

5. Связь с крестьянами. Были организованы подпольные курсы для крестьян. Была налажена систематическая связь с хай-луфынским правительством и партийной организацией, которой систематически давались директивы. Партийная организация уделяла большое внимание крестьянскому движению близ Кантона, у линии Гуанцзийской железной дороги и Тунхайского и Пангайского уездов. Был развернут лозунг аграрной революции, и через подпольные организации освещали перед кантонскими массами ход крестьянского движения.

6. Разработка революционных лозунгов. 26 ноября гуандунский комитет партии опубликовал воззвание, призывая массы к восстанию, выдвинув следующие лозунги:

1. «Освободить всех политических заключенных». 2. «Рабочие и крестьяне, вооружайтесь». 3. «Абсолютная свобода союзов, собраний, слова для масс трудящихся». 4. «Возвратить все здания профсоюзам». 5. «Смерть всем штрейкбрехерам и членам реорганизованных комитетов в профсоюзах». 6. «Возвратить права стачечникам кантон-гонконгской забастовки». 7. «Выдать нормальный заработок безработным». 8. «Увеличить зарплату всем рабочим». 9. «Контроль рабочих над производством». 10. «Конфисковать дома буржуев и передать их трудящимся». 11. «Конфисковать имущество крупных капиталистов для спасения и поддержки крестьян». 12. «Всю землю крестьянам». 13. «Смерть всем тухао, джентри, помещикам». 14. «Улучшить жизнь солдат». 15. «Увеличить жалование солдат до 20 долларов». 16. «Организовать революционные солдатские комитеты против милитаристов». 17. «Контроль солдатских комитетов над военными расходами». 18. «Долой Гоминдан»ч 19. «Долой Чжан Фа-гуя, Хуан Цзин-сяна, Ли Ти-сена и Хуан Чао-ион». 20. «Смерть всем палачам белого террора». 21. «Да здравствует смычка рабочих, крестьян и солдат». 22. «Да здравствует власть советов рабочих, крестьян и солдат». 23. «Долой империалистов». 24 «Да здравствует смычка масс Китая с Советским Союзом». 25. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь».

Кроме этих общих лозунгов, партия еще выдвинула следующие лозунги, как самые основные:

«Рис рабочим»; «Земля крестьянам»; «Долой войны милитаристов»; «Вся власть советам»; «Вся власть рабочим, крестьянам и солдатам». Эти лозунги выявили четкую программу восстания трудящимся массам.

7. Военно-техническая подготовка. В резолюции гуандунского комитета партии от 26 ноября мы читаем:

«Организовать военно-революционный комитет, как главный и руководящий орган. Для военно-технического руководства организовать штаб». Были выработаны конкретные меры военной подготовки, четкий стратегический план восстания. Все партийцы мобилизовались. Была создана 20.000 красная гвардия, являющаяся самой надежной и дисциплинированной частью. Красная гвардия была разбита по ротам в 120 человек. Кроме того, были созданы две ударные роты из самых надежных товарищей (одна рота состояла из дружинников, кантон-гонконгского стачечного комитета, другая из моряков и рикш). Были мобилизованы и транспортные средства и рабочие к ним. Заготовлены железные прутья, бомбы, холодное оружие, кинжалы, штыки и т. д. для вооружения Красной гвардии и рабочих масс. В Красной гвардии было много беспартийных рабочих. Была организована связь и разведка во всех официальных учреждениях. Совещания партии, профсоюзов и представителей революционных солдат происходили ежедневно, на них обсуждался подробный план восстания.

8. Выбор срока для начала восстания. Кантонское восстание вспыхнуло 11 декабря. Много товарищей (Пеппер, Рейберт и друг.) считали, что тогда еще не созрели условия для восстания, были недостаточными наши суб'ективные силы и что таким образом кантонскому восстанию было «суждено» поражение. Однако, партийная организация сама боролась с несвоевременным восстанием, что видно из неоднократно цитированных нами тезисов политбюро ККП, где читаем:

«19 октября реакционное правительство Ван Цзин-вея приняло самые энергичные меры для подавления растущих рабочих волнений, начались массовые аресты, были распущены дружинники кантонского стачечного комитета и закрыт союз моряков. В это время среди рабочих наметилась тенденция к открытому восстанию, но авторитет партии был настолько велик, что ей удалось предотвратить преждевременное восстание масс».

Вместе с тем, все развитие классовых противоречий с неизбежностью толкало к вооруженному, решающему бою между реакционным правительством и трудящимися массами. В обстановке, сложившейся в Гуандуне, восстание назревало неизбежно. После завоевания власти Ван Цзин-веем и Чжан Фа-гуем реакция сильно атаковала трудящиеся массы, пытаясь отнять их ничтожные завоевания. Были получены достоверные сведения о том, что Ван Цзин-вей 9 декабря из Шанхая послал телеграмму в Кантон, в ней приказал Чжан Фа-гую разоружить учебный полк и выгнать консула СССР из Кантона [1]). Это сообщение стало известным гуандунской партийной организации только утром 10 декабря. Поэтому партийная организация решила перенести восстание с первоначально установленного 15 декабря на 3 часа 11 декабря. Ибо момент был настолько напряженным, что дальше ждать было нельзя. Если бы восстание оттянули хотя бы еще на несколько дней, то неизбежно революционные солдаты Кантона были бы разоружены реакционными частями, в Кантоне начался бы жестокий фашистский террор, во всех частях Гуандуна начались бы массовые казни для подавления крестьянских восстаний, и реакционные войска из района Западной реки овладели бы Кантоном. Наконец, революционное настроение масс и недовольство их властью Ван Цзин-вея и Чжан Фа-гуя было настолько сильно, что, если бы восстания не было 11 декабря и

[1]) Об этом указано в тезисах политбюро ККП, в отчете делегатского об'единения кантонских рабочих и в отчете главнокомандующего войсками советской власти в Кантоне, тов. Ие-Тина.—*Автор.*

реакция начала бы репрессии, то массы неизбежно, по собственному почину, неорганизованно и в разных местах начали бы восстание, что было бы прямо на руку реакции.

Компартия есть авангард пролетариата, ее основная задача заключается именно в том, чтобы руководить и организовывать трудящихся к борьбе против реакции и создать свою власть. Партия не может быть нейтральной или бросить руководство борьбой масс, раз борьба эта стала неизбежной или уже началась. Исходя из этого, мы считаем совершенно правильным, что партия назначила 11 декабря днем восстания.

Партийная организация договорилась с профсоюзом печатников о срочном печатании воззвания нового советского правительства. За один день было отпечатано 7.000.000 экземпляров. Одновременно партийная организация спешила организовывать красную гвардию, устанавливать связь с крестьянами расположенных близ Кантона деревень, усиливать агитацию среди солдат и т. д.

Наконец, наступил исторический день...

4. Белый Кантон стал красным.

Ровно в 3½ часа ночи 11 декабря (время, намеченное Революционным Военным Комитетом) началось восстание. Рабочие и солдаты выступили одновременно. Происходило собрание учебного полка, на котором присутствовали делегаты от компартии, кантонского совета и красной гвардии. После речей председателя революционного военного комитета советского правительства в Кантоне, члена ЦК ККП т. Чжан Та-лея и ряда других товарищей массы провозгласили свержение гоминдановского правительства и, расстреляв на месте собрания 15 реакционных командиров, подняли под громкие крики: «восстание!» красное знамя с серпом и молотом. Солдатские массы по приказу революционного военного комитета выступили для захвата стратегических пунктов города и для разоружения полиции и реакционной армии. Одновременно рабочая красная гвардия и ударный батальон выступили для захвата муниципальной полиции и других военно-политических центров контрреволюции. В это время рабочие транспорта перебросили все автобусы и другие средства транспорта для удовлетворения нужд революционных сил. Рабочая гвардия и солдатские массы сумели к 3 часам 45 мин. (по отчету делегатского об'единения кантонских рабочих) захватить муниципальную полицию. После этого рабочие захватили много оружия и гарнизонные казармы. В руках восставших оказалось много винтовок, пулеметов, броне-автомобилей и т. д.

В 5 часов утра была официально об'явлена советская власть.

В то же время были созданы главный штаб красной армии, штаб главнокомандующего красной гвардией, штаб делегатского об'единения кантонских рабочих и штаб компартии. В 6 часов почти все важнейшие пункты Кантона были захвачены восставшими, реакция была разбита. К 7 часам количество рабочих, участвовавших в восстании, достигло 20.000 человек. Часть красногвардейцев была отправлена для конфискации продовольствия, часть—для распространения прокламаций и агитационных листовок. Почта, телеграф, радио, правительственные учреждения, здание губкома Гоминдана были также захвачены. Было освобождено свыше 2.000 политических заключенных—это были коммунисты, члены красных профсоюзов, действительно левые гоминдановцы и студенты школы ВАМПУ. Они сейчас же добровольно вступили в красную армию. Учебный полк быстро разоружил два реакционных полка, захватил две трети артиллерии Фжан Фа-гуя и свыше 1.000 винтовок с большим количеством патронов. Одновременно не-

сколько сот крестьян захватило станцию Гуаншеской ж. д. Но вследствие препятствий со стороны военных кораблей противника они не смогли установить связь с нашей революционной армией»[1]). Крестьянские восстания начались в нескольких деревнях вокруг Кантона.

«В 12 часов дня было созвано массовое собрание советов в «Первом парке». Но в виду того, что в этот день большинство массы пошло в атаку на врагов, собрание было малочисленно»[2]).

К вечеру 11 декабря весь Кантон находился в руках восставших, кроме Па-Чи-Хуей-Ку (там находился штаб IV армии противника), Нин-Цон-Ча (там находился штаб 24 дивизии противника) и Куен-Ин-Сен, находившихся в руках реакционеров.

На следующий день, в 12 часов в «Парке Си-гуа» было вторично созвано массовое собрание рабочих, крестьян и солдат. На собрании присутствовало 1.000 человек, на нем об'явили программу новой власти и сообщили о ходе восстания. Тов. Чжан Та-лей (зампредсовнаркома, нарком воен. и мор. дел) должен был участвовать в этом собрании, но по пути к «Парку Си-гуа» на улице Уэ-Э его автомобиль натолкнулся на солдат противника и Чжан Та-лей был убит ими в автомобиле. Это было большим ударом для кантонского восстания, в лице Чжан Та-лея кантонское восстание потеряло ценнейшего руководителя.

Революционные солдаты с большим трудом, только при помощи пушечного обстрела захватили район Нин-Цон-Ча и Куен-Ин-Сен. В этом бою погибло около 300 врагов и несколько десятков наших борцов. Но все же не удалось захватить Па-Чи-Хуей-Ку. «Хуан Цзи-сян на корабле «Сун Ятсен» руководил боем против революционных армий новой власти. Реакционные солдаты стойко защищали Па-Чи-Хуей-Ку, где находился штаб IV армии и центральный банк. Наша армия после многих неудачных попыток захватить банк была вынуждена его сжечь, в результате чего мы не смогли воспользоваться колоссальными суммами денег, находящимися в банке»[3]).

«Вечером враги напали из Сио-По-Мен и снова сильно атаковали силами двух полков Куен-Ин-Сен. Учебный полк был вынужден отступить оттуда. В течение этих двух дней было убито и ранено свыше 300 героических борцов этого полка. К тому же времени армия Ли Фу-лина, находящаяся в Хонане, захватила станцию Гуаншеской ж. д. Вблизи Цан Ди (название набережной улицы Кантона) наша армия также была сильо бомбардирована, а в южной части Кантона начался большой пожар. Создалось очень плохое положение»[4]).

«К рассвету следующего дня враги еще более сильно атаковали революционную армию, число их увеличилось до 2.000 человек. Наша армия решила отступать. Но все же часть красной гвардии удержала за собой важные пункты Кантона и потому, хотя враги атаковали несколько раз нашу армию, но безрезультатно»[5]). В 12 часов 13 декабря наш главный штаб—муниципальная полиция—был захвачен армией врагов, и весь Кантон снова перешел в руки белогвардейцев.

Так кончилось великое кантонское восстание. Это восстание длилось всего 57 часов. Но к изложенным сухим фактам о ходе восстания надо прибавить и подчеркнуть, что новое советское правительство на протяжении существования своей власти энергично развило свою революционную деятельность. В самом составе нового правительства имелся ряд виднейших

---

[1]) Отчет главнокомандующего войсками советской власти Кантона, тов. Ие Тина.
[2]) Тезисы политбюро ККП.
[3]) Отчет делегатского об'единения кантонских рабочих.
[4]) Отчет Ие-Тина.
[5]) Отчет делегатского об'единения кантонских рабочих.

руководителей рабоче-крестьянского движения Китая; председатель совнаркома Су Чао-жен, вождь кантон-гонконгской стачки, член политбюро ККП. Заместитель председателя совнаркома тов. Чжан Та-лей, член ЦК ККП, секретарь гуандунского комитета партии и бывший секретарь комсомола Китая. Нарком земледелия тов. Пын Пай, председатель хай-луфынского советского правительства, и т. д.

После своей победы Совнарком тотчас же выпустил воззвание к рабочей, крестьянской и солдатской массе Китая и к пролетариату всего мира. Одновременно революционный военный комитет создал революционную красную армию из рабочей гвардии, восставших солдат Гоминдана, освобожденных политзаключенных и добровольцев из рабочих и крестьян. Красная армия имела в своем составе свыше 50% рабочих и крестьян. Командирами рот и батальонов были в большинстве случаев рядовые рабочие. Наемная система армии была уничтожена. Вместо нее была введена добровольная. Снабжение солдат продовольствием и обмундированием стало коллективным. На протяжении существования советской власти все солдаты, вплоть до высших командиров красной армии, не получали жалованья, получая только продукты потребления, конфискованные революционным военным комитетом у буржуазии. В армии тотчас по ее организации была введена действительно революционная пролетарская дисциплина. В каждой части армии не прекращалась устная и письменная агитация, и каждый знал, за что он борется. Даже в разоруженных частях гоминдановской армии велась такая же работа, благодаря чему несколько рот из них вступили в красную армию, сражались до конца, и не имелось случаев предательства с их стороны.

Для того, чтобы подавить сопротивление реакционеров-минтуаней, штрейкбрехеров, шпионов, советское правительство создало комиссию по борьбе с контрреволюцией. Рабочие принимали активное участие в арестах реакционных генералов, полицейских, шпионов и т. д.

Тотчас же после начала восстания революционные солдаты сбросили гоминдановские значки, заменив их красными галстуками и др. Трудящиеся массы всюду срывали гоминдановские эмблемы, ставшие эмблемами террора, и заменяли их красными знаменами с серпом и молотом.

Советское правительство опубликовало директивы о сокращении и роспуске всех гоминдановских организаций, аресте всех их вождей, конфискации их имущества, об'явило их вне закона, издало приказ о смертной казни для гоминдановских чиновников. Одновременно советское правительство издало декрет о действительной демократии для рабочей, крестьянской и солдатской массы.

Советское правительство приняло ряд директив, касающихся экономическо-политических требований трудящихся масс.

По отношению к рабочему классу правительство приняло директивы о введении 8-часового рабочего дня, о восстановлении и расширении прав стачечников кантон-гонконгской забастовки, о выдаче пособий безработным в размере жалования, получаемого работающими, об увеличении зарплаты и т. д.

По отношению к крестьянству правительство приняло директивы о национализации всех земель, о полной передаче их в пользование крестьян, о сожжении всех документов об аренде, займах, обязательствах и об уничтожении границ между частновладельческими землями и о создании советских органов власти в каждом районе, в каждой деревне.

Одновременно советское правительство известило все районы Кантона и всего Китая о том, что кантонский совет всеми силами будет защищать победы хай-луфынского восстания, и призывало все крестьянство взять пример с него, начать восстание, организовать советское правительство и рабоче-крестьянскую красную армию.

По отношению к солдатам было об'явлено, что, как и крестьяне, они имеют право пользоваться национализованной землей, и они призывались организовать солдатские комитеты во всех частях армии.

По отношению к городской бедноте были опубликованы директивы о конфискации зданий и имущества капиталистов в пользу ее, а равно об освобождении ее от ряда налогов и долговых обязательств, об отмене квартирной платы для нее и о муниципализации всех домов Было конфисковано все находящееся в ломбарде имущество и роздано его прежним владельцам.

Не только рабочие, крестьяне и солдаты, но даже большая часть городской мелкой буржуазии, ознакомившись с декретом, выражали сочувствие советскому правительству и открыто выступали в его защиту. «В момент жестокой борьбы красных с белыми рабочие горячо участвовали в ней, но они не совсем умели строить баррикады, и пожарные давали свой обоз для постройки баррикад. Десятки тысяч жителей Кантона надели красные значки и помогали в разного рода работах советской власти. Никто из жителей не выступил в защиту белых» [1]).

На протяжении 57 часов существования советской власти в Кантоне было очевидно, что белый Кантон действительно стал красным.

5. Уроки восстания.

После поражения кантонского восстания, победившая реакция начала неслыханно жестокую расправу с революционными массами. Сама реакционная власть об'явила, что в течение трех дней после подавления восстания было казнено 5.700 кантонских рабочих. Особенно много в этих репрессиях погибло молодых пролетариев и работниц. Надо подчеркнуть необыкновенную активность, храбрость пролетарской молодежи и работниц как в самом восстании, так и после его поражения. «Много молодых пролетариев и работниц участвовало в вооруженной борьбе, а работу по снабжению вели исключительно работницы. Они вели большую работу по связи и наблюдению за передвижением оружия и продовольствия и по политической пропаганде и, наконец, в качестве санитарок и сестер милосердия» [2]). О жестокости расправы реакции можно знать даже из реакционных и буржуазных источников:

«Много коммунисток, завернутых в хлопок и облитых керосином, сожжено... Все стриженые женщины принимаются за «красных» и тотчас же расстреливаются...» [3]).

Были расстреляны реакционерами также вице-консул и несколько сотрудников консульства СССР в Кантоне. Для того, чтобы оправдать этот расстрел, империалистические газеты распространяли слух о том, что эти сотрудники были организаторами восстания, что в консульстве хранилось оружие и т. д., а между тем эти сотрудники не только не принимали участия в восстании, но и не имели возможности сноситься с кантонским советским правительством, так как они находились еще в районе, отрезанном реакционными армиями от центра восстания. Сотрудники консульства СССР умерли под красным знаменем вместе с тысячами трудящихся Кантона.

Китайские трудящиеся никогда не забудут героев кантонского восстания. Но просто помнить их еще недостаточно, нам надо тщательно изучить кантонское восстание. Мы переходим к рассмотрению причин поражения

[1]) Тезисы политбюро ККП.
[2]) Тезисы политбюро ККП.
[3]) Из газеты «Та-Гон-Бао» от 17 декабря 1927 года.

этого восстания. Начнем с причин об'ективных, не зависевших от руководства восстанием.

1. Консолидация сил милитаристов. Слова Маркса: «сила революции сплачивает силу контреволюции», еще раз оправдались в кантонском восстании: после вспышки восстания силы всех милитаристов в Кантоне немедленно об'единились для борьбы с восстанием, ибо в советской власти они почувствовали общего всем смертельного врага.

2. Активная помощь империалистов белой гоминдановской армии. Империалисты во многом оказывали помощь кантонским милитаристам. Они мобилизовали флот против красного Кантона. «Японские корабли в Чан-ди боролись против революционной армии. Поэтому нельзя было ликвидировать находящиеся там реакционные части, на борьбу с которыми были затрачены целые сутки. Это мешало бороться всеми силами на других участках. Большой пожар части Кантона был вызван бомбардировкой японских кораблей» [1]).

На английских военных и торговых кораблях многие милитаристы, капиталисты уезжали в Гонконг и там свободно концентрировали свои реакционные силы. Судно английского флота «Мореон» и американское судно «Сакраменто» также посылали свои десанты в Кантон. Китайские реакционные корабли все находились и выступали под прикрытием английского, американского, японского и французского флота и двинули много реакционных сил на бомбардировку Кантона. Английские матросы окружили китайских революционных моряков и арестовали их. Английский торговый флот открыто перебрасывал белую армию, которая под флагом великобританского империализма выступала против красной армии Кантона. Кантонское восстание убедило нас еще больше в том, что империализм—враг всех трудящихся масс колоний и что трудящиеся массы в колониях в борьбе за свою независимость, должны в первую очередь решительно выступать против империализма.

3. Превосходство военных сил противника над силами восстания. Военные силы милитаристов в несколько раз превышали силы революционной армии. Конечно, и при таком условии революционеры могут победить контрреволюцию. Но все же это играет некоторую роль. Милитаристы сумели после вспышки восстания тотчас же мобилизовать свыше 3 дивизий и наступили с севера, запада и юга на Кантон. Флот с самого начала бомбардировал город. Под прикрытием флота контрреволюционные войска, в том числе и минтуана, переправились через реку.

4. Затруднительность организационного охвата и мобилизации масс. а) Рабочие массы Кантона не имели единства. Не только среди промышленных рабочих был организован «профсоюз механиков», помимо красного профсоюза, но и среди рабочих мастерских и служащих магазинов образовалась т. н. «федерация революционных рабочих левого крыла», помимо гуандунского всеобщего профсоюза и красного профсоюза. Поэтому только около 60 профсоюзов непосредственно находилось под руководством революционного об'единения кантонских рабочих. Хотя у трех желтых профсоюзов не имелось особенно много членов, но все же формально при профсоюзе механиков было 40 — 50 профсоюзов, при гуандунском всеобщем профсоюзе было больше 100 (большинство этих профсоюзов были профсоюзы мастеров), а при федерации революционных рабочих левого крыла было 60—70 профсоюзов, кроме того еще было 40—50 самостоятельных профсоюзов, самый крупный из них был профсоюз винных магазинов. По крайней мере реакционеры могли пользоваться именами этих профсоюзов для того, чтобы препятствовать участию этих

[1]) Отчет Ие Тина.

рабочих в революционном движении, тем самым была ослаблена сила мобилизации масс делегатского об'единения кантонских рабочих.

б) Кантонское рабочее движение с 1925 по 1927 г. все время проходило под руководством стачечников кантон-гонконгской забастовки. В самом Кантоне не особенно много промышленных рабочих, так что кантонское рабочее движение за это время почти исключительно находилось под руководством этих стачечников. Особенно при политической борьбе стачечники являлись авангардом рабочего класса Кантона. Эти стачечники в течение 2 лет не только научились методам всякой борьбы, но и много из них участвовало в работах рабочих пикетов. После роспуска их реакцией Ван Цзинвея около ⅓ стачечников вернулось в деревню, получив пособие от правительства; остались в Кантоне только 10.000 стачечников, из них еще 5.000 стачечников получили патент на мелкую торговлю и 4.000 безработных. Поэтому роспуск стачечников явился большим ударом для мобилизации масс.

в) Большинство организаций кантонских революционных рабочих имело цеховой характер. Немногие организации промышленных рабочих в большинстве находились при профсоюзе механиков. Преобладающее большинство профсоюзов, примыкающих к делегатскому об'единению кантонских рабочих, были цеховыми организациями рабочих мастерских и служащих магазинов. Массы каждого профсоюза были разбросаны по всему Кантону, поэтому их, кроме служащих некоторых универсальных магазинов, было очень трудно собрать вместе. Если нужно было созвать митинг или устроить демонстрацию, то об этом профсоюз имел возможность сообщить только близрасположенным и не мог оповестить находящихся на далеком расстоянии от него и т. д.

г) Большинство активных вождей рабочих при делегатском об'единении кантонских рабочих вступило в красную гвардию. Делегатское об'единение кантонских рабочих не было легальной организацией. Много делегатов, участвовавших в его работе, было беспартийными, они очень энергично боролись за революционное дело. Красная гвардия состояла наполовину из партийцев и наполовину из рабочих делегатского об'единения кантонских рабочих. Следовательно, очень много активных элементов этого профсоюза, в частности, его вождей, сами участвовали в организации красной гвардии. После вспышки восстания им надо было еще более активно руководить боями на баррикадах. Благодаря этому много вождей рабочих не могло участвовать в работе активной мобилизации масс.

5. Отсутствие военного опыта у рабочих и крестьян. На первый взгляд это как-будто относится к вине партийных организаций, к суб'ективным причинам поражения восстания, на самом деле не совсем так. Китай отличается от Европы и Америки тем, что китайские рабочие и крестьяне не проходят всеобщую воинскую повинность, благодаря которой европейцы и американцы умеют пользоваться оружием. Китай не принимал непосредственного участия в мировой войне 1914—1918 годов, в которой каждый, оставшийся в живых европеец превращался в высококвалифицированного солдата. Наемная система армии широко распространена в Китае. Умение пользоваться оружием принадлежит еще крайнему меньшинству народа. Многие рабочие в момент восстания впервые учились владеть винтовкой. За отсутствием военных специалистов не была использована часть пулеметов. Из 25 захваченных пушек были использованы лишь 4—5. Было захвачено в плен 2.000 солдат противника, но за неимением кадров не сумели их реорганизовать и использовать для красной армии. Наконец, у рабочих не было опыта уличной борьбы. Они не знали, как строить баррикады

6. Отсутствие связи между новой властью и внешним миром. В кантонском восстании реакция имела одно большое преимущество над революционными силами. Именно, что она сумела связаться с Гонконгом, а через него с международным империализмом. Революционная же власть, наоборот, не только не могла связаться с пролетариатом других стран, но и была отрезана от трудящихся масс самого Китая. Правда, одновременно с кантонским восстанием произошли забастовка трамвайщиков в Шанхае, аграрная революция в Хунане, захват станции железной дороги в Чанше и т. д., но трудящиеся массы остального Китая не оказали достаточно решительной помощи кантонскому восстанию.

Это есть основные об'ективные причины поражения кантонского восстания. Упускать из виду эти факторы поражения кантонского восстания никоим образом нельзя. Но для революционеров особенно важно раскрыть все свои ошибки и недостатки в этом восстании. Большой опасностью является недооценка своих ошибок.

К сожалению, не все мы понимаем это. Некоторые товарищи, например, тов. Ломинадзе и Нейман, заявляли, что причины поражения кантонского восстания «лежат не в политической, а в военно-технической слабости китайского рабочего класса» [1]).

Это неверно. На наш взгляд причины поражения кантонского восстания лежат не только в военно-технической слабости трудящихся масс, но и в политических ошибках руководителей восстания. Остановимся на суб'ективных причинах поражения кантонского восстания:

1) Слабость мобилизации масс и неправильный подход к рабочим желтых профсоюзов. Мы указали выше, что партия приняла некоторые энергичные меры в деле мобилизации масс. Но надо подчеркнуть, что эта мобилизация масс была слишком слаба. Главнейшая причина поражения восстания заключается именно в том, как говорил Ленин о восстании 1905 года в России, что «восстание зашло недостаточно далеко, что сознание его необходимости было недостаточно широко распространено и твердо усвоено в революционных классах». Активных участников в кантонском восстании насчитывалось всего лишь приблизительно 26.800 человек (20.000 рабочих, 2.000 солдат, 2.000 крестьян, 800 полит. заключенных, 2.000 партийцев и комсомольцев). Между тем одних рабочих, организованных в красных профсоюзах накануне восстания, насчитывалось около 200.000 человек. До восстания не было крупных политических забастовок рабочих, при помощи которых мы смогли бы привлечь широкие массы на сторону революции. Мы имели такие факты: рабочие речных пароходств работали для белой армии, рабочие Кантон-Ханькоуской ж. д. пересылали телеграммы и перевозили армии противника.

Одной из причин слабости мобилизации масс был неправильный подход к рабочим желтых профсоюзов. Партия не вела работы среди рабочих, например, желтого «профсоюза механиков», считая рабочих-механиков за профбюрократов. Товарищи не поняли разницы между верхушкой этого профсоюза, настоящими профбюрократами, послушным орудием реакции, и рядовыми рабочими-механиками, обманутыми своими вождями; они не знали, что механики выступали против красных профсоюзов и коммунистов только потому, что мы не вели среди них пропаганды и революционного воспитания; также они забыли, что эти механики в 1920 году посылали своих представителей на конгресс угнетенных народов Востока, состоявшийся в Баку. Благодаря такому неправильному подходу к ним, мы

---

[1]) Ломинадзе, «Историческое значение кантонского восстания», № 57 «Комм. Интерн.». 1927 г.

имели такие последствия, что «вооруженные рабочие профсоюза механиков вместе с полицией обстреливали революционную армию..., а электромеханики во время существования советской власти в Кантоне потушили все электрические лампы в Кантоне с целью препятствовать действиям красной армии» [1]).

Даже после своего успеха реакция использовывала тысячи вооруженных рабочих профсоюза механиков для расправы с кантонским пролетариатом. Роль профсоюза механиков в кантонском восстании дает нам большой урок в том смысле, что в дальнейшем мы должны всеми силами бороться за завоевание низовых масс желтых профсоюзов на нашу сторону. Это есть одна из центральных задач киткомпартии в настоящее время.

2) Отсутствие крепкой связи с крестьянством. Конечно нельзя упрекать партию в том, что она совсем не вела работы среди крестьян. Но бесспорным является тот факт, что при существовании советской власти, восставший пролетариат почти очутился в тупике, «он не получил крестьянского хора, без которого его соло превращается в лебединую песнь» (Маркс). Хотя во время восстания несколько тысяч крестьян и участвовало в рядах красной армии и боролось за власть советов, но тем не менее во время кантонского восстания партия не могла тотчас же мобилизовать сотни тысяч крестьян, живущих вблизи Кантона, и поднять грандиозное крестьянское восстание. Это об'ясняется отсутствием крепкой связи с деревней.

3) Слабость работы по разложению армии противника. В армии наступающего извне на Кантон противника было очень мало колебаний, переход солдат на сторону революции был исключением. Эта армия решительно боролась против красного Кантона. Из этого видно, что мы были не на высоте в борьбе за разложение армии противника.

4) Неумение решительно наступать на врагов. «Главное правило искусства восстания есть отчаянно-смелое, бесповоротно решительное наступление» (Ленин). Этого как раз не умела практически применять новая советская власть в Кантоне. После захвата Кантона нужно было бы немедленно решительно наступать на врагов за пределы города, как - то: на Хо Нань, Вампу, Жилон—для того, чтобы окончательно уничтожить силы врагов и соединиться с крестьянскими отрядами, находящимися в районе Хай-Луфына (для того, чтобы установить связь между Кантоном и Хай-Луфыном, надо пройти через Жилон). Особенно нужно было решительно наступать на Хо Нань—этот «китайский Версаль», центр военных сил врагов. Благодаря отсутствию и неумению такого решительного наступления на врагов, враги сумели на 2-ой день восстания концентрировать свои силы в Хо Нане и под прикрытием военных кораблей напасть на революционную армию, и таким образом восстание потерпело поражение.

5) Слабость борьбы с империализмом. Хотя Кантон все время был одним из центров борьбы с империализмом и хотя во многочисленных лозунгах, выброшенных нашей парт. организацией и имелся лозунг «Долой империалистов», все же неоспоримым является тот факт, что накануне восстания и в самом восстании эта борьба с империализмом была слабой. Новая власть почти не вела антиимпериалистическую пропаганду среди масс и не приняла мер против империализма даже тогда, когда империализм активно выступил против новой власти. Среди декретов советского правительства мы не видим, например, декрета о национализации крупных предприятий, принадлежащих империалистам. Между тем это есть одна из главнейших задач китайской революции в текущем периоде.

———

[1]) Отчет Ие Тина.

6) Излишнее великодушие пролетариата. Одна из причин поражения Парижской Коммуны в 1871 г. заключалась именно в излишнем великодушии пролетариата. Тогда нужно было беспощадно истребить своих врагов, но парижские коммунары не приняли необходимых мер против них. Эта же ошибка была повторена в кантонском восстании. Хотя советская власть организовала специальную комиссию по борьбе с контрреволюцией, но эта борьба была недостаточной. Например, слишком поздно захватили так называемые «Восточные горы», являющиеся районом кантонской буржуазии, где находились вожди гоминдана и милитаристы. В результате этого не смогли арестовать этих реакционеров. По некоторым данным, на протяжении существования советской власти нами было убито 210 реакционеров. А между тем, как мы указывали, по словам самой реакции, в течение трех дней после подавления восстания было казнено 5.700 рабочих.

7) Слабость военно-технической подготовки к восстанию. Почти все знают эту причину поражения кантонского восстания. Мы сейчас лишь добавим некоторые примеры, показывающие слабость этой подготовки. В отчете Ие Тина мы читаем:

«Была одна рота жандармов при губернаторском учреждении, которая состояла исключительно из коммунистов. Но благодаря тому, что партия не успела заранее сообщить ей о восстании, она была разоружена революционным учебным полком». В другом месте тов. Ие Тин писал: «Работа по разрушению связи реакционеров была очень скверная. Даже полевой военный телефон в Кантоне не был уничтожен, благодаря чему штаб IV армии противника к вечеру 11 декабря еще мог созвониться с своей армией, находящейся в Куен Ин Сене. А морякам вследствие репрессий военных кораблей империалистов также не удалось забастовать. Связь между Кантоном и Гонконгом все время не была прервана».

8) Слабость работы парторганизации и комсомола. Мы указывали, что парторганизация в своей работе имела большие успехи, но это еще не значит, что у нее не было недостатков. Недостатки, несомненно, были и даже очень большие. В частности, они были и в работе комсомола. Как известно, китайский комсомол впервые решительно выступил против оппортунистического руководства партии. Но сам комсомол пережил ряд кризисов, как авангардизм, путчизм и ликвидаторство. Накануне кантонского восстания Гуандунская комсомольская организация в целом попала в плен ликвидаторства. Мелкобуржуазные элементы сидели в руководящем аппарате комсомола. Активное участие молодежи в восстании проходило мимо руководства комсомола. Такое положение комсомола ослабило также мобилизацию масс.

9) Неиспользование денег, хранящихся в банке. Новая, советская власть в Кантоне повторила еще одну ошибку Парижской Коммуны. Именно: она не воспользовалась колоссальными суммами денег, хранящимися в Центральном Банке Кантона (около нескольких миллионов долларов). Если бы она взяла эти деньги и воспользовалась ими для закупки продовольствия, пропаганды и других необходимых мероприятий, то принесла бы большую пользу укреплению новой власти.

6. Заключение.

В связи с кантонским восстанием очень остро возник вопрос о характере китайской революции. Группа товарищей пришла к выводу, что китайская революция уже не носит буржуазно-демократического характера.

Они считали, что началась или начинается непосредственно социалистическая революция. Это, конечно, неверно. Однако, ясно, что буржуазно-демократическая революция XX столетия не только может, но и неизбежно на известном этапе направляется против буржуазии. Именно в кантонском восстании стояла (и сейчас в Китае стоит) задача создания диктатуры рабочих и крестьян, а не диктатуры пролетариата. Нельзя смешивать вопрос о движущих силах революции с вопросом характера революции. Самое главное в определении характера революции есть ее об'ективное экономическое и политическое содержание. Как в кантонском восстании стояли, так и сейчас в Китае стоят задачи аграрной революции и национальной борьбы против империализма. Эти задачи еще не есть задачи социалистические, а национально-демократическое. Хотя в настоящее время национальная буржуазия Китая сблокировалась с империалистами и феодальными силами и взяла власть, но она не разрешила и не может разрешить эти центральные задачи: аграрный переворот и национальная борьба против империализма. И с точки зрения экономики, и с точки зрения национальной борьбы против империализма, и с точки зрения классовой природы власти, никоим образом нельзя утверждать, что кантонское восстание означает завершение этапа буржуазно-демократической революции в Китае, что революция в Китае уже переросла в социалистическую.

Кантонское восстание, несмотря на единую атаку международного империализма и реакционных сил Китая и несмотря на тяжелые ошибки и недостатки наших парторганизаций, все же имеет огромное всемирно-историческое значение. Советская власть возникла впервые в крупном китайском городе и впервые во всей колониальной Азии. Кантонская советская власть на деле показала каждому трудящемуся Китая, что только под знаменами советов и под руководством пролетариата можно добиться своей победы. Кантонское восстание, несомненно, также служит стимулом к дальнейшему революционному движению трудящихся всего мира. Кантонское восстание показало, что трудящиеся массы колоний и полуколоний не только сумели свергнуть старую власть господствующих классов, но и собственными силами создали новую власть.

В кантонском восстании не только рабочие, крестьяне и солдаты, но и часть городской мелкой буржуазии активно выступили за защиту советской власти. Гоминдан окончательно обанкротился перед широкими революционными массами трудящихся. Они на практике, в кровавых боях поняли, что компартия есть единственный вождь и руководитель, могущий защищать их интересы и вести их к победе.

Неверна та оценка, которая считает, что кантонское восстание есть сигнал и начало нового под'ема китайской революции [1]). На самом деле, после кантонского восстания мы не имели и не имеем под'ема революции и непосредственно-революционной ситуации в Китае. VI конгресс Коминтерна и VI с'езд ККП правильно подошли к этому вопросу, считая, что непосредственно-революционную ситуацию в Китае мы сейчас не имеем и что мы сейчас только готовимся к новому под'ему китайской революции. Наши главные задачи в данный период состоят в закреплении и большевизации своей партии и комсомола, в беспощадном разоблачении гоминдановского империалистического режима в Китае, в организации и завоевании

[1]) См. тезисы политбюро ЦК ККП от 3/1—1928 г. и статью Ломинадзе—«Историческое значение кантонского восстания», № 57 «Комм. Интерн.». 1927 г.

широчайших масс трудящихся на свою сторону путем руководства повседневной борьбой их, отвоевание низовых масс от желтых профсоюзов и гоминдановских крестьянских союзов, усиление работы среди солдат, вовлечение лучших и выдержанных трудящихся в комсомол и партию и т. д.

Пусть международный империализм и буржуазно-милитаристическая реакция в Китае пока радуются своей победе, но не в очень далеком будущем, при благоприятных условиях, китайские трудящиеся массы снова поднимут новое грандиозное вооруженное восстание, перед которым слабыми окажутся силы врагов революции и из которого с полной победой возродится Великая Китайская Революция.

К. Попов.

Об исторических условиях перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую.

(Статья вторая) [1]).

III. Буржуазная революция без революционной буржуазии.

В предисловии 1870 г. к «Крестьянской войне в Германии» Фридрих Энгельс говорит:

«Своеобразная особенность буржуазии, по сравнению со всеми остальными, господствовавшими ранее классами состоит в том, что в ее развитии имеется поворотный пункт, после которого всякое дальнейшее увеличение средств ее могущества и в первую очередь ее капиталов приводит лишь к тому, что она становится все более и более неспособной к политическому господству. «За спиной крупной буржуазии стоит пролетариат». В той мере, в которой буржуазия развивает свою промышленность, торговлю и средства снабжения, в той же мере она порождает пролетариат. И в определенный момент, который наступает всюду, не всегда одновременно и не обязательно на одинаковой ступени развития, она начинает замечать, что ее спутник — пролетариат — начинает перерастать ее. С этого момента она теряет способность к исключительному политическому господству; она ищет вокруг себя союзников, с которыми, смотря по обстоятельствам, она или делит свое господство, или уступает его им совершенно». («Библиотека марксиста», Институт Маркса и Энгельса, выпуск 3-й, стр. 17—18).

Это—чрезвычайно важное в теоретическом отношении положение. Оно важно именно для понимания хаарктера и движущих сил буржуазно-демократических революций на различных стадиях развития капитализма. В самом деле, если «поворотный пункт», о котором говорит Энгельс, наступает в такой момент, когда еще не пройден этап буржуазно-демократической революции, то буржуазия уже неспособна будет ни возглавлять этой революции, ни быть ее движущей силой. Если еще в преддверии буржуазно-демократической революции, она «начнет» замечать, что ее спутник—пролетариат—начинает перерастать ее, она будет заинтересована уже не столько в свержении феодального или полуфеодального режима, сколько в союзе с силами этого режима против пролетариата. При этом вовсе не обязательно, чтобы начал перерастать или перерос ее пролетариат собственной страны. Разумеется, если произошло уже это, буржуазия будет тем решительнее сторониться от революции, тем усерднее искать союза с феодалами. Так было у нас, в России, уже во время первой революции. И это В. И. Ленин предвидел еще в первой половине девяностых годов, когда в книге «Что такое друзья народа», он писал, что капитал «у нас в России особенно склонен жертвовать своим демократизмом, вступать в союз с реакционерами для того, чтобы придавить рабочих, чтобы сильнее затормозить появление рабочего движения» (т. I, третье издание, стр. 192). Но вот «в Германии этот поворотный пункт,—говорит Энгельс,—наступил уже в 1848 г. И испугалась тогда немецкая буржуазия... не столько немецкого, сколько французского пролетариата. Парижская июньская бойня 1848 г. показала ей, что ее ожидает; немецкий пролетариат находился в состоянии достаточно сильного возбуждения, чтобы доказать ей, что в Германии также имеются семена, которые могут дать такую же жатву» [1]). Поэтому германская буржуазия с такой же поспешностью бросается в об'ятия феодальной реакции, как русская буржуазия в первой революции. И это несмотря на то, что германский пролетариат 1848—1849 гг. далеко еще не достиг той степени организованности и сознательности, какой достиг русский пролетариат 1905 г.

[1]) См. «Большевик», № 21—22.

Какие выводы общего характера можно сделать из приведенного положения Энгельса и подтверждающих его исторических справок?

Буржуазно-демократическая революция обозначает, что созрели и обострились до того, что требуют своего революционного разрешения, противоречия между умирающими феодально-крепостническими отношениями и созревающим, растущим буржуазным строем. Естественным носителем интересов этого растущего буржуазного строя является буржуазия. Но если наряду с созревшими противоречиями между буржуазными и феодально-крепостническими отношениями в самом буржуазном обществе развились уже его собственные противоречия до такой степени, что вылились уже в классовую борьбу между пролетариатом и буржуазией, буржуазия теряет свою революционность по отношению к феодально-крепостническому режиму. И чем глубже и резче становится этот второй ряд противоречий, тем антиреволюционнее становится буржуазия, тем быстрее перебрасывается она в лагерь контрреволюции, если даже на первых порах противоречие ее интересов с интересами феодально-крепостнического режима толкает ее к революционным шагам. Это первый вывод.

Второй вывод. К тем же результатам приводит и такая международная обстановка буржуазно-демократической революции, при которой развившиеся и обострившиеся противоречия внутри капиталистического общества в окружающих странах привели хотя бы к первым схваткам между буржуазией и пролетариатом в борьбе за власть (таково значение июньского восстания пролетариата во Франции в 1848 г. для германской буржуазной революции), а тем более, если эти страны достигли для пролетарской революции, «для социализма зрелости вообще». Это второй вывод.

Условия, соответствующие обоим этим выводам, были налицо в гораздо большей степени для России начала XX века, чем для Германии середины XIX века, но в той или иной степени они были и там и здесь. В обеих странах они повели к одному и тому же—к отходу буржуазии от буржуазно-демократической революции.

Для России периода первой революции эти условия В. И. Ленин характеризовал такими словами:

...«Демократический переворот, буржуазный по своей общественно-экономической сущности, не может не выражать нужды всего буржуазного общества. Но само это общество, ныне кажущееся единым и цельным в борьбе против самодержавия, расколото бесповоротно пропастью между трудом и капиталом. Народ, восставший против самодержавия, не единый народ. Собственники и наемные рабочие, незначительное число («верхние десять тысяч») богачей—и десятки миллионов неимущих и трудящихся, это поистине «две нации», как сказал один дальновидный англичанин еще в первой половине XIX века. Борьба между пролетариатом и буржуазией стоит

[1]) Цитир. выше предисловие к «Крестьянской войне», та же страница.

на очереди дня во всей Европе. Эта борьба давно перекинулась уже и в Россию. В современной России не две борющиеся силы заполняют содержание революции, а две различных и разнородных социальных войны: одна в недрах современного самодержавно-крепостнического строя, другая в недрах будущего, уже рождающегося на наших глазах буржуазно-демократического строя. Одна—общенародная борьба за свободу (за свободу буржуазного общества), «за демократию, т.-е. за самодержавие народа, другая—классовая борьба пролетариата с буржуазией за социалистическое устройство общества» [1]).

В наличии этих двух рядов взаимно переплетающихся противоречий и двух одновременно развертывающихся «социальных войн» лежит основная причина измены буржуазии буржуазно-демократической революции, этого первого и притом действительно осуществившегося момента, характеризующего одинаково концепцию «непрерывной революции» и у Ленина 1905 г. и у Маркса—Энгельса 1850 г. Энгельс в предисловии к «Борьбе классов во Франции», написанном уже в 1895 г., давая об'яснения своим и Маркса ожиданиям социалистической революции во Франции и перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую в Германии, говорит, что когда разразилась февральская революция во Франции, они—Маркс и Энгельс—склонны были рассматривать ее лишь с точки зрения «прежнего исторического опыта», т.-е. с точки зрения буржуазных революций 1789 и 1830 годов. «А когда—продолжает он,—парижское восстание нашло себе отклик в победоносных восстаниях Вены, Милана, Берлина; когда вся Европа, вплоть до русской границы, была вовлечена в движение, когда затем в июне произошла в Париже первая большая битва за господство между пролетариатом и буржуазией; когда самая победа буржуазного класса настолько поколебала положение буржуазии во всех странах, что она снова бросилась в об'ятия только-что свергнутой монархическо-феодальной реакции,—тогда, принимая во внимание обстоятельства того времени, для нас не могло оставаться места сомнениям на тот счет, что *началась великая решительная борьба, которая составит один длинный и богатый переменами революционный период, но которая завершится лишь окончательной победой пролетариата*».

В этом же направлении Маркс характеризовал события 1848 года следующими словами: «Так называемые революции 1848 г. были лишь мелькими эпизодами, ничтожными щелями и расщелинами в твердой коре буржуазного общества. Но они обнаружили под ней бездну. Под внешне незыблемой поверхностью открылся необ'ятный океан, которому достаточно притти в движение, чтобы разметать вдребезги целые горы. Шумно и сумбурно возвестили события этого года эмансипацию пролетариата, эту тайну XIX столетия и его революций» (Речь на юбилее рабочей газеты. Сборник «К. Маркс—мыслитель, человек и революционер». Изд. «Моск. Раб.», 1923 г. Стр. 64).

Таким образом, и для Маркса—Энгельса 1850 г. налицо были те же «две социальных войны» на почве двух рядов общественных противоречий, какие были налицо для Ленина 1905 г. для России. Это наличие вело за собой по Марксу—Энгельсу и Ленину отход буржуазии от буржуазно-демократической революции. Оно же превращало, по Ленину, эту революцию в *крестьянскую* и делало ее гегемоном пролетариат. Почему это так?

IV. Пролетариат—гегемон буржуазной революции.

Если капиталистическая буржуазия—при известных точно определенных Марксом — Энгельсом и Лениным условиях — уходит от буржуазно-демократической революции, то какой же класс может явиться вместо нее носителем *буржуазного* характера этой революции?

[1]) Том VI, изд. 1922 г., стр. 487 (статья «Социализм и крестьянство»).

Очевидно, тот класс, основой существования которого так же, как у капиталистической буржуазии, является частная собственность на средства производства, но притом такой класс, интересы которого на данной ступени развития товарного хозяйства и капиталистических отношений пришли в гораздо более непримиримое противоречие с феодально - крепостническими отношениями, чем у капиталистической буржуазии. Таким классом, прямо противостоящим классу, носителю интересов феодально-крепостнического порядка, является *крестьянство*. Несмотря на свое расслоение уже на ранних ступенях развития капитализма, оно, *как целое*, как единый класс [1]), противостоит помещику и помещичьему государству.

Но быть классом, вступающим в непримиримые отношения со старым режимом, еще не значит быть способным возглавить буржуазно-демократическую революцию. Опыт всех крестьянских движений еще до революции 1848 г., не говоря уже об опыте, накопившемся к 1905 году, показал, что крестьянство, способное быть крупнейшей революционной силой, в то же время для действительной реализации этой силы, для победы своей крестьянской революции над помещиком нуждается *в вожде* в лице другого класса. В буржуазных революциях «обычного» типа таким вождем крестьянства выступает капиталистическая буржуазия. В революциях другого, необычного типа, в которых эта буржуазия более или менее быстро уходит в лагерь феодальной реакции, буржуазию в качестве вождя крестьянства опять-таки должен заменить какой-то другой класс, такой класс, который тоже противостоит феодальному строю, но в большей мере, чем крестьянство, способен к организованному политическому действию. Наиболее близкой к крестьянству по своим мелкособственническим интересам социальной группой является городская мелкая буржуазия. И если она достаточно сильна в данной стране, если она благодаря предательству революции со стороны капиталистической буржуазии, политически диференцировавшись от нее, сложила свою партию—партию мелкобуржуазной демократии,—она пытается встать во главе крестьянства. И ей это *удается*, если капиталистические отношения еще развиты слабо, если не сложился еще в самостоятельную классовую силу, не развил самостоятельного пролетарского движения рабочий класс. По мере же усиления пролетариата, по мере роста его политической сознательности и организованности, по мере роста пролетарского движения, с одной стороны, и по мере обнаружения перед крестьянскими массами шаткости, половинчатости, предательства, со стороны городской мелкой буржуазии и мелкобуржуазных партий, в какие бы одежды они ни рядились, гегемония по отношению к крестьянству от городской мелкой буржуазии неизбежно должна переходить к пролетариату, как классу единственно способному довести буржуазно-демократическую революцию до полного уничтожения феодально - крепостнических отношений и, стало быть, до полного освобождения крестьянства от помещичьего гнета...

Положение, когда городская мелкая буржуазия и партия буржуазных демократов были сильны, а пролетариат и рабочая партия были еще слабы, было налицо, как мы видели, в Германии 1848—1850 гг. Отсюда в конвенции Маркса—Энгельса 1850 года роль гегемона по отношению к крестьянству в завершении буржуазно-демократической революции принадлежит городской мелкой буржуазии. Иное положение, мы знаем, было в России 1905 г. Несмотря на существование мелкобуржуазной партии эсэров, стремившейся от лица городской мелкой буржуазии взять под свое руководство крестьян-

[1]) См. об этом у Энгельса главу I—«Революции и контрреволюции в Германии». («Историч. работы Маркса и Энгельса», ГИЗ, стр. 243), у Ленина—хотя бы статьи «Рабочая партия и крестьянство» (т. IX, стр. 265) и «Агр. программа русской с.-д.» (т. IX, стр. 275).

ство, русское революционное движение уже к 1905 г. с достаточной ясностью проявило тенденцию поставить крестьянство в борьбе с помещиком под руководство пролетариата. Отсюда по концепции Ленина гегемония в буржуазно-демократической революции принадлежит пролетариату.

Что обозначает эта разница с точки зрения наличия тех *двух* рядов общественных противоречий, и тех *двух* «социальных» войн, о которых говорилось выше?

Она—эта разница, обозначает, что между Германией 1850 г. и Россией 1905 г. было уже значительное различие *в соотношении* между этими двумя рядами противоречий, в соотношении между обеими «социальными войнами». В России 1905 г. противоречия капиталистического общества и социальная война между пролетариатом и буржуазией заняли уже гораздо более видное место, чем в Германии 1850 г. Удельный вес капиталистических противоречий в социально-экономической и политической жизни России 1905 г. был больше, чем в жизни Германии 1850 г. И это повышение их удельного веса отразилось на взаимоотношениях пролетариата, городской мелкой буржуазии и крестьянства в буржуазно-демократической революции. Оно отодвигало на задний план городскую мелкую буржуазию и выдвигало на первое место пролетариат. Оно отбрасывало от руководства буржуазно-демократической революцией не только капиталистическую буржуазию, но и городскую мелкую буржуазию, не только либеральных буржуа, но и мелкобуржуазных демократов и этим самым придавало революции отчетливый характер крестьянской революции, руководимой пролетариатом. Это становилось ясным уже с начала 1905 г., и поэтому «большевики с самого начала революции, весной и летом 1905 г.», выделили «понятие крестьянской революции, как одного из видов буржуазной революции» и определили «ее победу»: «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». (Ленин, IX, стр. 539).

Передвижка во взаимоотношениях городской мелкой буржуазии, крестьянства и пролетариата в сторону пролетарского руководства крестьянством в буржуазно-демократической революции совершается *в силу большой* развитости капиталистических отношений под феодально-монархической оболочкой. И это не только потому, что разгорается в широких размерах социальная война между городским пролетариатом и буржуазией, но и потому, что капиталистические отношения, тенденции капиталистического развития гораздо больше проникают в деревню, там, в самой деревне, переплетаясь с отношениями феодальными. В самой деревне России 1905 г. удельный вес капиталистических отношений и капиталистических тенденций развиты неизмеримо выше, чем в Германии 1850 г. Это обстоятельство имело огромное значение, ибо оно сильнее связывало деревню с городом, крестьянство с пролетариатом, крестьянское движение с пролетарским, связь же эту оно устанавливало через растущий *пролетариат и полупролетариат деревни*. Пролетарии и полупролетарии деревни, уже ко второй половине 90-х годов отхватывавшие по исчислениям В. И. Ленина до 50% крестьянских дворов, постоянно переливались из деревни *в город* и обратно. В городе они *втягивались* в пролетарское движение, в городе они подвергались непосредственному его влиянию; его революционному воспитанию, и это влияние, это воспитание переносили в деревню на крестьянство; недаром крестьянство уже в движении 1901—02 гг. отразило пролетарские, забастовочные методы борьбы против помещика. Этого тоже *еще недоставало* Германии 1850 года для того, чтобы связать в ней городской пролетариат с крестьянскими массами, подчинить их его руководству в борьбе с феодально-крепостническим строем. Такая связь с крестьянством через пролетариев и полупролетариев деревни там была лишь в зародышевом состоянии, еще только едва намечалась. Это обстоя-

тельство на ряду с отсутствием сложившейся самостоятельной классовой политической организации пролетариата было вторым обстоятельством, которое затрудняло гегемонию пролетариата и, наоборот, содействовало сохранению гегемонии городской мелкой буржуазии по отношению к крестьянству, а тем самым делало невозможным завоевание революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Но возможность связи городского пролетариата с пролетариями и полупролетариями деревни все же намечалась и в Германии 1850 г. А это в свою очередь создавало, в глазах Маркса и Энгельса, для пролетариата возможность опереться на деревню *после* завершения буржуазно-демократической революции для борьбы и против буржуазии и против мелкобуржуазной демократии, для «непрерывной революции». Такая возможность, несомненно, обусловливалась тем, что вместе с завершением буржуазно-демократической революции падала феодально-монархическая оболочка, прикрывавшая капиталистические отношения в глазах деревни, и тот «продолжительный путь революционного развития», который ожидался Марксом—Энгельсом для Германии, должен был стать для германской деревни путем страданий от *капиталистического* гнета. А известно, как на основе опыта французского крестьянина смотрели Маркс и Энгельс на результаты этого, очищенного от остатков феодализма капиталистического гнета по отношению к деревне: он, ставя интересы мелкого, а тем более мельчайшего полупролетарского крестьянства в противоречие с интересами буржуазии, должен был толкать это крестьянство к его «естественному союзнику и вождю»—«городскому пролетариату, призванному низвергнуть буржуазный строй» [1]). Без этого допущения Маркс и Энгельс не могли бы допустить мысли о близости пролетарских революций на континенте Европы. А ведь с точки зрения Маркса—Энгельса 1850 год, как мы уже видели по приведенной выше цитате из предисловия Энгельса к «Борьбе классов во Франции», Европа с 48 года вступила в эпоху пролетарских революций. Маркс в III главе «Борьбы классов во Франции», написанной в ту же первую треть 1850 года, что и «Обращение ЦК к союзу», писал о французском пролетариате:

> ...«пролетариат все решительнее группируется вокруг *революционного социализма*, вокруг *коммунизма*, для которого сама буржуазия изобрела имя *Бланки*. Этот социализм, есть *провозглашение непрерывной революции, классовая диктатура революции, классовая диктатура пролетариата как необходимый переходный пункт к уничтожению классовых различий вообще*» [2]).

V. Крестьянство в непрерывной революции.

В четвертой главе той же работы (глава, эта была написана несколькими месяцами позже предыдущих глав), Маркс и Энгельс в свое ожидание нового революционного под'ема и «непрерывной революции» в Европе вносят поправку. Они говорят, что «новая революция возможна только в сопровождении нового кризиса», но тут же добавляют, что «наступление ее так же неизбежно, как и наступление кризиса». И попрежнему они ждут нового взрыва революции на *континенте* (в Германии и Франции). Хотя «причина кризисов заложена в Англии», однако, говорят они, «естественно, что насильственные вспышки происходят раньше в конечностях буржуазного

[1]) См. об этом у Маркса в «Борьбе классов во Франции 1848—50 гг.» (изд. «Кр. Новь» 1923 г., стр. 105—116 или в изд. ГИЗ, Маркс и Энгельс, Историч. работы, стр. 100—109) и в «18 брюмера» (вып. VII «Библиотеки марксиста», стр. 98—105).

[2]) Курсив у Маркса. («Борьба классов во Франции»,—см. Маркс и Энгельс, Историч. работы, ГИЗ, стр. 109).

организма, чем в его сердце, так как здесь (т.-е. в «сердце», в Англии. *К. П.*), урегулирование скорее возможно, чем там» [1]). В этих же «конечностях буржуазного организма» пролетариат не составлял тогда даже значительного меньшинства населения. В них преобладало крестьянство. Поэтому естественно, что, ставя вопрос о возможности прорыва капиталистической цепи в этих странах (сперва во Франции, потом в Германии), Маркс и Энгельс должны были исследовать вопрос о возможности союза пролетариата с мелким и мельчайшим крестьянством. И в этом отношении характерно, что с точки зрения Маркса и Энгельса самая возможность союза мелкого и мельчайшего крестьянства с пролетариатом обусловливается предварительным оголением буржуазного строя, капиталистической эксплоатации деревни от феодально-крепостнической оболочки. По отношению к Франции это ясно само собой. По отношению же к Германии мы уже обращали внимание читателя на то обстоятельство, что в «Обращении» говорится об «об'единении городских рабочих с сельским пролетариатом» (т.-е., как мы знаем, не только с чистым пролетариатом, но и с полупролетариями деревни) против буржуазного строя лишь по отношению к тому периоду, когда уже свергнута феодальная реакция, когда у власти стоят мелкобуржуазные демократы.

Предварительное уничтожение до конца остатков феодально-крепостнических отношений,—вот по Марксу и Энгельсу условие присоединения не только мелкого крестьянства, но и пролетариев и полупролетариев деревни к «непрерывной революции» против капиталистических отношений. Нужно не превышение удельного веса капиталистических отношений над феодально-крепостническими, а исключительное господство капиталистических отношений, чтобы оторвать сельский пролетариат и пролетариат деревни от мелкой буржуазии и присоединить его к классовой борьбе городского пролетариата против буржуазного строя, а без этого невозможна и «непрерывная революция».

Именно эту сторону вопроса о союзе пролетариата с деревенской беднотой подчеркивал В. И. Ленин и задолго до 1905 г., когда говорил о задачах пролетариата в борьбе с самодержавием, и в 1905 г., когда говорил о буржуазно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства и о непрерывной революции.

Еще в 1894 году, в III выпуске своей первой крупной работы «Что такое друзья народа», В. И. Ленин, констатируя, что в России нет «никаких других общественно - экономических отношений, кроме буржуазных и отживающих крепостнических», указывал, что остатки «средневековых, полукрепостнических» отношений и учреждений опутывают собой капиталистическую эксплоатацию трудящегося за пределами фабрики и завода и мешают этому «трудящемуся и его идеологу видеть сущность тех порядков, которые давят на трудящегося, видеть, где и как возможен выход из них» (т. I, изд. 3-е, 1927 г., стр. 199). Эти остатки, говорил В. И.—«гнетущим ярмом лежат на пролетариате и на народе вообще, задерживая рост политической мысли во всех сословиях и классах», и поэтому «нельзя не настаивать на громадной важности для рабочих борьбы против всяких крепостнических учреждений. И мотивируя это «нельзя не настаивать», он писал:

«рабочие должны знать, что без ниспровержения этих столпов реакции им не будет никакой возможности вести успешную борьбу с буржуазией, так как при существовании их русскому сельскому пролетариату, поддержка которого — необходимое

[1]) Там же, стр. 117. Характерное заключение, показывающее, что Маркс и Энгельс считали наиболее возможным первоначальный разрыв капиталистической цепи в менее развитых, а не в наиболее развитой капиталистической стране.

условие для победы рабочего класса, никогда не выйти из положения забитого, загнанного люда, способного только на тупое отчаяние, а не на разумный и стойкий протест и борьбу» [1]).

Необходимость об'единения сил городского пролетариата с сельским пролетариатом, как условие победы рабочего класса над буржуазией в нашей крестьянской стране,—вот что подчеркивал В. И. Ленин еще в 1894 году, мотивируя настоятельную необходимость борьбы с остатками крепостничества. А что тогда разумел В. И. Ленин под сельским пролетариатом, это мы хорошо знаем из «Развития капитализма». Этим именем, как мы уже упоминали, он называет «класс наемных рабочих с наделом» и поясняет: «Сюда входит неимущее крестьянство, в том числе и совершенно безземельное, но типичнейшим представителем русского сельского пролетариата является батрак, поденщик, чернорабочий, строительный или иной рабочий с наделом». Интересы присоединения этой пролетарской и полупролетарской части деревни, сельских пролетариев и деревенской бедноты к городскому пролетариату для успешной борьбы с буржуазией, для обеспечения окончательной победы пролетариата требуют предварительного уничтожения остатков крепостничества. Так говорил Ленин в 1894 году.

В период старой «Искры», когда еще недостаточно точные формулировки книги «Что такое друзья народа» выливаются у Ленина в его брошюре «К деревенской бедноте» в отчетливые лозунги союза пролетариата со всем крестьянством против самодержавия и помещиков для их свержения, и союза с деревенской беднотой против буржуазии—для борьбы за социализм,—Ленин в статье «Рабочая партия и крестьянство» констатировал следующие явления в русской деревне:

1) На деревне лежит двойной гнет: «к помещичьему гнету, сохраненному благодаря великодушию создавших и осуществлявших реформу чиновников, прибавился еще гнет капитала. Власть денег, придавившая даже, например, французского крестьянина, освобожденного от помещичьей власти не жалкой половинчатой реформой, а могучей народной революцией,—эта власть денег всей своей тяжестью обрушилась на нашего полукрепостного мужика». Одним из последствий этой «власти денег» явилось расслоение деревни. 2) Помещичий гнет лежит на всем крестьянстве в целом; гнет капитала обрушивается на мелкое (среднее) и мельчайшее (полупролетарское) крестьянство и сельских пролетариев. 3) Вместе с двойным гнетом в деревне налицо и двойной ряд социально-экономических и классовых противоречий: «в современной русской деревне совмещаются, — говорит В. И. Ленин — двоякого рода классовые противоположности: во-первых, между сельскими рабочими и сельскими предпринимателями, во-вторых, между всем крестьянством и всем помещичьим классом». Соотношение между этими двумя противоположностями такое: «Первая противоположность развивается и растет, вторая постепенно ослабевает. Первая вся еще в будущем, вторая—в значительной мере в прошлом». Но, в то время как первая и вытекающее из нее движение сельских рабочих «общенационального значения»... никак не может получить ни теперь, ни в ближайшем будущем», вторая и вытекающий из нее вопрос о сметении остатков крепостничества о вытравлении из всех порядков русского государства духа сословной неравноправности и принижения десятков миллионов «простонародья»—этот, вопрос уже сейчас имеет общенациональное значение». (Том. IV, 3-е изд., 1927 г., стр. 101—103).

Что это значит с точки зрения соотношения между двумя рядами классовых противоположностей в деревне? Это значит, что удельный вес противоположностей капиталистического порядка еще значительно ниже, чем

[1]) Том I, изд. 3-е, 1926 г., стр. 191—192. Разрядка моя.

тот же вес противоположностей порядка крепостнического. «Наш крестьянин страдает... не только и даже не столько от гнета капитала, сколько от гнета помещиков и от остатков крепостничества»,—говорит Ленин в статье «Раб. партия и крестьянство» (т. IX, изд. 1925 г., стр. 265). «Остатки старого крепостного порядка страшно еще велики в нашей деревне»—отмечает он в другой статье («Аграрная программа р. с.-д.», т. IX, стр. 275). Эти остатки экономически расслоенное капитализмом крестьянство политически противопоставляют помещику, как единый класс, и с этим классом связывают сельский пролетариат. «Наши сельские рабочие еще слишком крепко связаны с крестьянством над ним слишком еще тяготеют общекрестьянские бедствия»,—говорит В. И. (т. IX, стр. 266), разумея под этими бедствиями бедствия именно крепостнического порядка. Если так обстоит дело с сельскими рабочими, то тем менее может политически диференцироваться от остального крестьянства деревенская беднота. То, что говорил Ленин в 1894 г. о роли свержения остатков крепостничества о присоединении к городскому пролетариату сельского пролетариата, разумея под ним как сельских рабочих, так и деревенскую бедноту, остается в силе и в 1901—1902 гг... Остается это в силе и в 1905 году. И тогда остатки старого крепостного порядка продолжают оставаться и страшно еще великими в нашей деревне». И тогда еще «об'ективная логика исторического развития» ставит перед деревенскими пролетариями «задачи совсем не социалистического, а демократического переворота» [1]), т.-е. задачи свержения остатков крепостничества, а не свержения капиталистического строя. Между прочим, поэтому тогда В. И., так энергично возражал против авантюристского лозунга Парвуса—Троцкого: «без царя, а правительство рабочее». Для него, как и в 1894 году, сколько-нибудь прочная победа пролетариата в России мыслима только при условии присоединения к рабочему классу «массы полупролетариев, полухозяйчиков, т.-е. массы мелкобуржуазной городской и сельской бедноты». А эту бедноту пролетариат может,—в силу данного соотношения между противоречиями крепостнического и капиталистического порядка—увлечь пока, «в настоящую минуту» лишь на борьбу за свержение помещиков и помещичьего самодержавия. Масса сельской бедноты может уже своей близостью к пролетариату обеспечить ему политическую гегемонию в деревне в буржуазно-демократической революции, но она не может еще стать его опорой в деревне для социалистического переворота. Но так как под полукрепостнической оболочкой в деревне уже сложились, правда, еще не вполне развитые капиталистические противоречия, разрыв этой оболочки, полное уничтожение остатков крепостничества под ударами революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, даст гигантский толчок росту и обострению этих противоречий в деревне, развяжет в ней классовую борьбу против буржуазии, а эта борьба обеспечит то присоединение к пролетариату «массы полупролетариев деревни», при котором станет возможной прочная диктатура пролетариата. И, разумеется, эта возможность становится тем большей, чем выше удельный вес капиталистических противоречий еще до победы над остатками крепостничества, чем больше они еще под полукрепостнической оболочкой подготовляют полупролетарские и пролетарские массы деревни к борьбе против капитала.

В России 1917 г. эта возможность была неизмеримо большей, чем в России 1905 г. Но и для России 1917 г. сохранило свою верность то положение, что окончательное отделение деревенской бедноты от деревенской буржуазии, окончательное присоединение ее массы к пролетариату в борьбе за социалистический переворот возможно только после окончательного уничтожения остатков крепостничества в деревне. Только после «полного крушения монархии и помещичьего землевладения», только «через год после пролетарской революции в столицах наступила под ее влиянием и при ее помощи пролетарская революция в деревенских захолустьях». Только «завершив буржуазно-демократическую революцию вместе со всем крестьянством, пролетариат перешел окончательно к революции социалистической, когда ему удалось расколоть деревню, присоединить к себе ее пролетариев и полупролетариев, об'единить их против кулаков и буржуазии, в том числе крестьянской буржуазии». Это констатировалось Лениным осенью 1918 года, когда он в своей брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский», анализировал ход пролетарской революции в России [1]).

[1]) Том VI, изд. 1922 г., стр. 133 (ст. «С.-д. и врем. революц. правительство»).

Тогда же Ленин писал [2]), что «пытаться поставить искусственную китайскую стену» между буржуазно-демократической и пролетарской революциями, «отделить их друг от друга чем-либо иным, кроме степени подготовки пролетариата и степени об'единения его с деревенской беднотой, есть величайшее извращение марксизма, опошление его, замена либерализмом». Ленин подчеркнул этими словами все огромнейшее значение присоединения деревенской бедноты для перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую с такой же силой, с какой делал это еще в 1905 г., выступая против авантюристских лозунгов Парвуса—Троцкого. Но условия 1905 г., в смысле удельного веса капиталистических противоречий в деревне и в смысле предшествующей выучки полупролетариев деревни гнетом капитала, были неизмеримо менее благоприятны для союза деревенской бедноты с пролетариатом против буржуазии. Уже поэтому процесс перерастания буржуазной революции в пролетарскую не только в городе, но и в деревне, занявший в 1917—1918 годах с момента свержения самодержавия всего лишь около полутора лет, не мог быть столь быстрым для периода первой русской революции. И тогда, в 1905 году, Ленин отводил для этого процесса ряд лет, даже десятилетия с момента свержения царизма и установления революционно-демократической диктатуры пролетариата [3]).

Так обстояло по концепции Ленина дело с деревенской беднотой, с ее присоединением к пролетариату в «непрерывной революции».

Рядом с огромной массой деревенской бедноты в едином, перед лицом полукрепостника-помещика, крестьянстве стояли тоже достаточно значительные (до 30% крестьянских дворов) массы крестьян-середняков. Ленин отнюдь не рассчитывал в 1905 г., что в процессе перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую и в самой пролетарской революции они составят крестьянский «хор» социальной войны пролетариата против буржуазии. Мало того, он ждал, что этот середняк вместе с кулаком на первых порах после завершения буржуазно-демократической революции образует хор для контрреволюции, которую будет организовывать против этой диктатуры буржуазия. Об этом расхождении пролетариата с мелкобуржуазным крестьянством на другой день после уничтожения остатков крепостничества он не раз говорил в своих статьях 1905 г., ту же мысль он подчеркнул в своем наброске тезисов ненаписанной статьи «Этапы, направление и перспективы революции» (см. тезис пятый, стр. 452, пятого «Ленинского Сборника»). Но в то же время, в том же 1905 г., как это хорошо известно каждому из нас, Ленину уже рисовалась перспектива нейтрализации середняка в результате процесса перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую. Большевистская аграрная программа в первой русской революции, с ее национализацией земли, в случае ее осуще-

[1]) Том XV, стр. 512.
[2]) Там же, стр. 508—509.
[3]) См. ту же, вышецитированную статью «С.-д. и врем. революц. правительство», гл. III (т. VI, изд. 1922 г., стр. 129).

ствления должна была передачей земли в руки рабоче-крестьянской революционной власти поставить судьбы земли в зависимость от сохранения середняком союза с пролетариатом и деревенской беднотой против контрреволюционного наступления буржуазии в союзе с помещиком. И если борьба против контрреволюции, по мысли Ленина, должна была в конечном счете развернуться в борьбу за социалистический переворот (см. тезис шестой той же ненаписанной статьи «Этапы, направление и перспективы революции»), то зависимость судеб земли от исхода этой борьбы должна была в свою очередь парализовать вражду среднего крестьянства к социалистическим стремлениям пролетариата, нейтрализовать это крестьянство. Но для этого нужно было одно предварительное условие: нужно было, чтобы капитализм, к свержению которого идет пролетариат, своим гнетом над деревней помог этой нейтрализации. Совершенно ясно, что, если этот гнет уже имеется налицо еще до свержения царизма и помещиков, его влияние на возможность нейтрализации середняка после уничтожения остатков крепостничества будет тем сильнее, чем более развит этот гнет, чем глубже капиталистические противоречия, в том числе противоречие между мелким хозяйчиком и капиталистом, мелкой и крупной буржуазией проникли в деревню уже под полукрепостнической оболочкой. Имелось ли это противоречие к 1905 г.? Разумеется, да. Выше мы уже видели, как констатировал В. И. Ленин в 1901 г., наличие «власти денег», «гнета капитала» в деревне. Незачем перечислять здесь виды и разновидности этого гнета, ложившиеся своей тяжестью не только на пролетариев и полупролетариев деревни, но и на середняка. От капиталистического гнета «мелкое крестьянство,—говорил тогда Ленин,—может избавиться, только примыкая к рабочему движению, помогая ему в его борьбе за социалистический строй, за превращение земли, как и других средств производства (фабрик, заводов, машин и пр.) в общественную собственность» [1]), и если этой «помощи» этого «мелкого крестьянина (а типичный мелкий крестьянин это—как раз середняк) пролетариату в его борьбе за социалистический строй» В. И. Ленин все-таки не ждал, то это по двум причинам: 1) потому, что «буржуазная эволюция сельскохозяйственных отношений находилась у нас в то время еще только в начале» [2]), и, стало быть, для деревни оставалось в силе положение, высказанное Лениным еще в 1894 г., что у нас еще слабо развит был «антагонизм мелкой и крупной буржуазии» [3]) и 2) потому, что этот слабо развитый антагонизм был для глаз середняка прикрыт еще более плотной пеленой остатков крепостничества, чем для глаз деревенского бедняка. Падение этой пелены в результате до конца завершенной буржуазно-демократической революции для периода 1905 г. само по себе не дало бы еще середняку быстро ощутить противоречие между его интересами мелкого хозяина и интересами крупной буржуазии, капиталистическим строем и отречься от мелкособственнической вражды к социалистическим стремлениям пролетариата. Ведь именно ради мелкособственнических, мелкохозяйских интересов этот середняк шел на борьбу с помещиком. И нужен был длительный период дальнейшего развития буржуазных отношений в деревне, длительный период капиталистического гнета, не прикрытого остатками крепостничества, наконец, длительный период «революционных испытаний» в борьбе с буржуазной контрреволюцией и революционного влияния пролетариата на деревню, чтобы середняк в своей массе стал, если не сочувствующим, то нейтральным по отношению к социалистическому перевороту. Это было второй причиной того обстоятельства, что для Ленина

[1]) Том IX, изд. 1925 г., стр. 265.
[2]) Том IX, стр. 280.
[3]) Том I, изд. 1926 г., стр. 189 («Что такое друзья народа»).

перерастание буржуазно-демократической революции в пролетарскую в период 1905—1906 гг. рисовалось процессом, растянутым на много лет. Иные, чем 1905 года, условия 1917 года дали возможность не только нейтрализовать середняка не в ряд лет, а всего лишь в ряд месяцев, но и уже через год после октября 1917 г., в конце 1918 г. (ноябрь) поставить вопрос о союзе с середняком [1]). То, что относилось по ленинской концепции непрерывной революции 1905 г. к вопросу о присоединении деревенской бедноты, относилось также и к нейтрализации середняка.

VI. Внешние условия „перерастания" и его гарантия.

Таковы внутренние условия перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую по концепциям Маркса—Энгельса 1850 г. и Ленина 1905 г. Выше мы отмечали, что для этого перерастания по тем же концепциям необходимы и определенные внешние, международные условия. Они сводятся к возможности социалистической революции в более развитых капиталистических странах. По Марксу—Энгельсу пролетарская революция во Франции должна была ускорить процесс «непрерывной революции» в Германии. По Ленину социалистический переворот в Западной Европе должен был дать такой же эффект для России. «Европейские рабочие покажут нам, как это делается, и тогда мы вместе с ними делаем социалистический переворот» [2]).

Это значит, что и Маркс—Энгельс в 1850 году и Ленин в 1905 году считали, что противоречия капиталистического строя в странах, более развитых, чем Германия 1850 г. и Россия 1905 г., достаточно созрели и обострились для их революционного разрешения. Марксовая «Борьба классов во Франции» и особенно «18 брюмера» посвящены, по существу говоря, доказательству этого для Франции. При этом из уже цитированного нами места из «Борьбы классов» видно, что революционный взрыв, который ожидался Марксом и Энгельсом во Франции, должен был явиться выражением кризиса капиталистического строя не только во Франции, самой по себе, но и по всей капиталистической Европе и в наиболее развитой капиталистической стране—Англии—в том числе. Маркс и Энгельс считали лишь, что на континенте Европы революционные взрывы должны последовать раньше. Классовая война, вспыхнув в одной из конечностей буржуазного организма—во Франции—не разрешит еще «задачи рабочего». «Она,—говорит Маркс,—разрешается не во Франции, но во Франции возвещается. Она нигде не разрешима в пределах национальных границ; классовая война внутри французского общества превращается в мировую войну, в которой нации выступают друг против друга. Решение начинается лишь с того момента, когда мировая война поставит пролетариат во главу народа, господствующего над мировым рынком, т.-е. Англии [3]). Таким образом, завершение буржуазно-демократической революции в Германии, которое по «Обращению» Маркса должно совпасть с победой рабочего класса во Франции, превращается вместе с этой победой в один из актов мировой социальной войны, которая и приведет в конечном счете к разрешению задач пролетариата его победой уже не только в конечностях буржуазного организма, но и в его сердце—в Англии. Это будет мировая пролетарская революция, и она «не будет кратковре-

[1]) См. статью Ленина «Ценные признания П. Сорокина», т. XV, стр. 564, на которую ссылался тов. Сталин в своей недавней статье «Ленин о союзе с середняком».
[2]) «Лен. Сборник» V, стр. 452 «Этапы, направление и перспективы революции», тезис 6-ой.
[3]) «Борьба классов во Франции», см. Маркс и Энгельс. Историч. работы, ГИЗ, стр. 98.

менной революцией». В этих-то условиях развития мировой пролетарской революции германская буржуазно-демократическая революция перерастает в революцию социалистическую.

Сравните со всем этим следующее место из Ленина. Революционный социал-демократ,—говорит он в статье «Социал-демократия и временное революционное правительство»,—«будет мечтать,—он обязан мечтать, если он не безнадежный филистер,—о том, что после гигантского опыта Европы, после невиданного размаха энергии рабочего класса в России, нам удастся разжечь, как никогда, светильники революционного света перед темной и забитой массой, нам удастся благодаря тому, что мы стоим на плечах целого ряда революционных поколений Европы, осуществить с невиданной еще полнотой все демократические преобразования, всю нашу программу-минимум; нам удастся добиться того, чтобы русская революция была не движением нескольких месяцев, а движением многих лет, чтобы она привела не к одним только мелким уступкам со стороны властей предержащих, а к полному ниспровержению этих властей. А если это удастся,—тогда... тогда революционный пожар зажжет Европу; истомившийся в буржуазной реакции европейский рабочий поднимется в свою очередь и покажет нам, «как это делается», тогда революционный под'ем Европы окажет обратное действие на Россию и из эпохи нескольких революционных лет сделает эпоху нескольких революционных десятилетий» [1]). Читатель знает, что эта «эпоха нескольких революционных десятилетий для Ленина — эпоха пролетарских революций, эпоха, на протяжении которой и русский пролетариат, вместе с пролетариатом Запада делает социалистический переворот». Следовательно, и русская буржуазно-демократическая революция по Ленину 1905 г., как германская по Марксу—Энгельсу 1850 г., превращается в непрерывную, перерастает в пролетарскую в обстановке и при помощи пролетарской революции в других странах.

Возникает вопрос: вот эта обстановка и помощь мировой пролетарской революции является ли с точки зрения концепций Маркса—Энгельса 1850 г. и Ленина 1905 г. абсолютно необходимым условием перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую?

И больше того, не является ли абсолютно необходимым условием этого перерастания предварительная победа пролетариата в одной или нескольких более развитых капиталистических странах?

Маркс и Энгельс в «Обращении» даже не ставят этих вопросов. Для них совершенно несомненно, что уже «первый акт» революционной драмы в Германии совпадает с победой пролетариата во Франции и, следовательно, помощь этого победившего пролетариата Франции германским рабочим обеспечена. Для них в 1850 году также несомненно и то, что ближайший экономический кризис повлечет за собой те «насильственные вспышки в конечностях буржуазного организма», которым суждено вырасти в мировую пролетарскую революцию.

В. И. Ленин, тоже считая, что превращение нашей буржуазно-демократической революции в пролетарскую исторически совпадает с пролетарской революцией на Западе и будет совершаться при ее помощи, в то же время совершенно определенно разрешал оба поставленные выше нами вопроса.

Как известно, на об'единительном с'езде между Лениным и Плехановым возникла полемика о «гарантии от реставрации». При том понимании характера и перспектив русской буржуазно-демократической революции, которого держался В. И. Ленин, вопрос о гарантиях прочной победы этой революции является вместе с тем вопросом о гарантиях ее перерастания в революцию социалистическую. Поэтому полемика между Лениным и Плехановым на

[1]) Т. VI, изд. 1922 г., стр. 129.

Об'единительном с'езде, и последующие выступления Ленина по вопросу о гарантиях имеют к нашей теме непосредственное отношение.

Так как для В. И. победа буржуазно-демократической революции в России мыслилась не как победа буржуазии, а как победа пролетариата и крестьянства, а русская буржуазия мыслилась не иначе, как монархической, то и возможная реставрация «представлялась ему реставрацией буржуазно-монархического характера (типа «реставрации Наполеоном империи или реставрации Бурбонов после Великой французской буржуазной революции», т.-е. реставрацией «на почве капиталистических отношений производства») [1]). И вот на вопрос о гарантии от этой реставрации Ленин отвечал на Об'единительном с'езде так:

«Если говорить о настоящей, вполне действительной экономической гарантии от реставрации, т.-е. такой гарантии, которая бы создавала экономические условия, исключающие реставрацию, то тогда придется сказать: единственная гарантия от реставрации—социалистический переворот на Западе; никакой другой гаратии в настоящем и полном смысле этого слова быть не может».

Развивая и мотивируя это положение, Ленин продолжает:

«Я формулировал бы это положение в таких словах: русская революция может своими собственными силами победить, но она ни в коем случае не может своими собственными руками удержать и закрепить своих завоеваний. Она не может достигнуть этого, если на Западе не будет социалистического переворота; без этого условия реставрация неизбежна и при муниципализации, и при национализации, и при разделе, ибо мелкий хозяйчик при всех и всяческих формах владения и собственности будет опорой реставрации. После полной победы демократической революции мелкий хозяйчик неизбежно повернет против пролетариата и тем скорее, чем скорее будут сброшены все общие враги пролетариата и хозяйчика, как-то: капиталисты, помещики, финансовая буржуазия и т. п. У нашей демократической республики нет никакого резерва, кроме социалистического пролетариата на Западе» [2]).

Это категорическое заявление об отсутствии какой-либо иной полной, абсолютной гарантии от реставрации, кроме социалистической революции на Западе, и иного «резерва», кроме социалистического пролетариата на Западе, В. И. Ленин повторяет затем в своем печатном докладе об Об'единительном с'езде (т. IX, стр. 411—413) и в своей работе «Аграрная программа с.-д. в русской революции 1905—1907 гг.» (т. IX, стр. 518—519). При этом как на самом Об'единительном с'езде, так и в докладе о нем, он подчеркивает, что создание этой гарантии вполне возможно, вполне мыслимо, ибо «Россия XX века, совершающая буржуазную революцию, окружена странами, в которых социалистический пролетариат стоит во всеоружии накануне последней схватки с буржуазией», и чем решительнее будет победа буржуазно-демократической революции в Россси, тем вероятнее «ряд таких политических потрясений в Европе, которые будут сильнейшим толчком к социалистической революции» [3]).

Однако, в докладе об Об'единительном с'езде Ленин значительно подробнее, чем на самом с'езде, развивает свою мысль, что без социалистического переворота на Западе «реставрация на основе мелкого товарного

[1]) Том IX, стр. 410, «Агр. вопрос на «Стокгольмском с'езде».
[2]) Том IX, стр. 399. Заключит. слово по аграрному вопросу на IV Об'единительном с'езде. Разрядка наша.
[3]) Том IX, стр. 339 и 412.

производства, мелкой крестьянской собственности в капиталистическом обществе не только возможна в России, но даже неизбежна» [1]).

И, развивая, он дает этой мысли два таких пояснения. Первое: «мелкий производитель,—говорит В. И.,—колеблется между трудом и капиталом. Вместе с рабочим классом он борется против крепостничества и полицейского самодержавия. Но в то же время он тяготеет к укреплению своей собственнической позиции в буржуазном обществе, и поэтому, если условия развития этого общества складываются сколько-нибудь благоприятно (например, промышленное процветание, расширение внутреннего рынка вследствие аграрного переворота и т. п.), то мелкий товаропроизводитель неизбежно поворачивает против пролетария, борющегося за социализм». Второе: удержать за собой победы она (русская буржуазно-демократическая революция. *К. П.)* не может, ибо в стране с громадным развитием мелкого хозяйства мелкие товаропроизводители (крестьяне в том числе) неизбежно повернут против пролетария, когда он от свободы пойдет к социализму [2]). Из этих двух пояснений, взятых вместе с мыслью о социалистическом перевороте на Западе, как гарантии от реставрации, следует, что, если бы русский пролетариат, без наличия революционного пожара в Европе, и, наборот, при наличии благоприятных условий для развития буржуазного общества в России, вступил на путь непрерывной революции, пошел от революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства к пролетарской диктатуре («от свободы к социализму»), то результатом было бы его поражение и буржуазно-монархическая реставрация. Но, ведь, если завершение буржуазно-демократической революции в России подразумевает возможность ее перерастания в революцию социалистическую, то эта возможность связывается с началом конца «буржуазной реакции в Европе», с началом конца «мирного» капиталистического развития в ней, а стало быть и тех мирных «благоприятных условий» развития буржуазного общества в России, которые вооружают мелкого товаропроизводителя против пролетариата. При таких условиях «неизбежный» поворот мелкого хозяйчика в деревне против пролетария, борющегося за социализм, не может стать сколько-нибудь прочным и длительным.

Из этого следует, что, хотя по концепции Ленина 1905 г. социалистический переворот в России, в результате перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую по времени совпадает или даже следует за социалистическим переворотом на Западе и совершается при его помощи, однако, теоретически для В. И. Ленина это необязательно. Для перерастания русской буржуазной революции в пролетарскую теоретически достаточно уже революционной ситуации в Европе, кладущей начало концу «благоприятных условий развития буржуазного общества». Социалистический же переворот в Европе является безусловной, абсолютной гарантией перерастания революции в России, но не его абсолютно-необходимым условием.

Надо помнить, что, говоря о полной, абсолютной гарантии от реставрации, Ленин в своих перечисленных выше выступлениях говорил и о гарантии «относительной и условной».

«Если же,—говорил он в заключительном слове по аграрному вопросу на Об'единительном с'езде,—поставить вопрос о гарантии от реставрации на иную почву, т.-е. если говорить об относительной и условной гарантии, то тогда придется сказать следующее: условной и относительной гарантией является только то, чтобы революция была осуществлена возможно более решительно, чтобы она была поведена непосредственно революционным классом, при наименьшем участии посредников, соглашателей и всяких примирителей, чтобы эта революция была действительно доведена до конца». Почему? Потому, что действительно доведенная до конца буржуазно-демократическая, крестьянская, но руководимая пролетариатом революция—самым решительным образом, «по-плебейски» «расправится с чиновниками и помещиками», с «остатками крепостничества и полицейскими порядками», оголит этим до конца капиталистические отношения и до конца расчистит путь для классовой борьбы с буржазией в городе и в деревне. В области аграрных отношений, доведенная до конца крестьянская революция будет означать национализацию земли. А «национализация земли при демократической республике,—говорит Ленин,—создает безусловно самое широкое поприще для классовой борьбы—самое широкое, какое только возможно и какое только мыслимо вообще при существовании капитализма». Сама национализация земли обозначает предварительное установление революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, эта же диктатура обеспечивает, закрепляет гегемонию пролетариата в широко развертывающейся классовой борьбе. А мы знаем уже, к чему ведет эта широко развертывающаяся борьба под гегемонией пролетариата: она ведет за собой присоединение к пролетариату деревенской бедноты и нейтрализацию мелкого товаропроизводителя в борьбе за социализм, т.-е. основные внутренние условия как прочности завоеваний буржуазно-демократической революции, так и перехода пролетариата «от свободы к социализму», перерастания крестьянской революции в пролетарскую.

Так доведение до конца «по-плебейски» крестьянской революции под руководством пролетариата создает, с одной стороны, наиболее благоприятные условия для того, чтобы «зажечь Европу», т.-е. наиболее содействует созданию безусловной гарантии перерастания этой революции в социалистическую, а с другой стороны, ведет к созданию наиболее благоприятных внутренних условий, т.-е. наиболее содействует созданию гарантии условной, относительной для того же перерастания. Обе эти гарантии пополняют друг друга. Ни об одной из них ни на минуту не забывает В. И. Ленин. И когда он в свое время бил по Троцкому, по троцкистской теории «перманентной» революции, то его удары обрушивались прежде всего на игнорирование Троцким внутренней гарантии перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую, на игнорирование внутренних условий перехода пролетариата на путь непрерывной революции. Правильное понимание взаимоотношения между этой внутренней—«относительной, условной»—гарантией и гарантией абсолютной—внешней, международной—было также чуждо «историческому» троцкизму, как оно чуждо и троцкизму современному, когда им трактуется вопрос о возможности построения социализма в нашей стране. В этом последнем вопросе наша партия вслед за Лениным так же, как в вопросе о непрерывной революции, видит в победе пролетарской революции в важнейших капиталистических странах абсолютную гарантию, а во внутренних силах нашей страны относительную гарантию построения социализма в ней. И партия без Ленина в этом вопросе также била по игнорированию Троцким этой внутренней, относительной гарантии, как бил по нему Ленин в вопросе о непрерывной революции.

Под углом зрения этих двух—безусловной и условной, абсолютной и относительной—гарантий надо рассматривать и тезис 6-й ненаписанной Лениным статьи «Этапы, направление и перспективы революции», где он говорит, что борьба «за сохранение демократических завоеваний ради социалистического переворота» была бы почти безнадежна для одного российского пролетариата, и его поражение было бы так же неизбежно, как поражение немецкой революционной партии 1849—50 гг. или как

[1]) Том IX, стр. 412.
[2]) Там же.

поражение французского пролетариата в 1871 г., если бы на помощь российскому пролетариату не пришел европейский «социалистический пролетариат» со своим социалистическим переворотом в Европе.

Борьба была бы «почти безнадежна» без социалистического переворота в Европе—это значит, что без него нет абсолютной гарантии победы пролетариата в России на последнем, социалистическом этапе непрерывной революции, но это не значит еще, что нет гарантии условной, относительной во внутренних силах страны, в правильных взаимоотношениях между пролетариатом, деревенской беднотой и середняком.

М. Лифшиц.

Пашня или посев?

Речь идет о том, как для целей обложения сельхозналогом исчислять доходы крестьянства от полеводства: по всей площади пашни в хозяйстве или только по фактически засеваемой площади—по посеву?

Вопрос этот не новый, в течение ряда лет он был предметом широкого обсуждения, особенно в кругу налоговых работников. Вопрос этот сугубо-политический, и именно в такой плоскости он всегда и ставился.

Правда, за последние два года споры по этому вопросу стихли. Уже не вызывало сомнения, что углубление принципа подоходности в системе обложения деревни, правильное разрешение наших задач по отношению к различным социальным группам деревни требуют исчисления облагаемого дохода крестьянства от полеводства по фактическому посеву, а не по площади всей пашни. И поэтому в прошлом году при обсуждении новой системы сельхозналога спор шел уже не о правильности того или иного принципа, а о том, как быстро надо совершить переход к обложению по посеву на всей территории Советского Союза. По соображениям практическим решено было переход этот совершить постепенно, а чтобы упростить завершение этого процесса, решение вопроса было передано исключительно местам. В таком смысле и средактирована соответствующая статья закона:

«Доход от полеводства исчисляется по количеству фактически засеянной земли в хозяйстве (по посеву) или по количеству всей имеющейся в хозяйстве пахотной земли (по пашне). Советы Народных Комиссаров Союзных Республик или по их поручению Советы Народных Комиссаров автономных республик, краевые, областные, губернские и окружные исполнительные комитеты устанавливают, в зависимости от местных условий, в каких местностях доход от полеводства исчисляется по посеву и в каких по пашне».

Вопрос этот теперь опять поднят и поставлен в порядок дня. Госплан в своих контрольных цифрах народного хозяйства на 1928—29 год намечает ряд мероприятий, которые должны обеспечить расширение площади зерновых посевов в предстоящем году. В частности Госплан считает, что: «в целях поощрения расширения посевов было бы целесообразно в тех районах, где применяется обложение сельскохозяйственным налогом по посеву, перейти к практикующемуся в других частях Союза обложению по пашне». (Разрядка подлинника. *М. Л.*). Примерно такую же мысль высказал т. Ларин на последнем пленуме бюджетной комиссии ЦИК Союза при обсуждении сметы по финансированию сельского хозяйства.

Таким образом, как одно из средств, стимулирующих расширение посевов, выдвигается переход к исчислению облагаемого дохода полеводства по пашне.

В чем сущность вопроса?

Чтобы читателю яснее было, о чем идет спор, мы несколько подробнее изложим сущность вопроса.

В громадной части Советского Союза вся пашня поделена по душам. В силу разных причин крестьянское хозяйство засевает не всю числящуюся за ним пахотную землю, а только часть, при чем процент засева, то-есть процент использования пашни под посев весьма различен по различным районам и социальным группам.

Доход крестьянского хозяйства от полеводства для обложения сельхозналогом исчисляется по так называемым нормам доходности. Т.-е. губисполкомы устанавливают нормы доходности десятины пашни или десятины посева для каждой волости, в крайнем случае села, но не отдельного двора. Облагаемым доходом от полеводства отдельного крестьянского двора является сумма от умножения всего количества десятин пашни в хозяйстве на установленную для всего села норму доходности одной десятины.

При установлении норм доходности десятины пашни законодатель, Наркомфин, местные исполкомы исходят из так называемого условно-чистого дохода десятины пашни. На основе статистических данных за ряд лет о среднем % засева пашни, урожае, нормах высева, соотношении культур в поле, ценах и проч. выводится средняя норма доходности десятины пашни по отдельным территориальным единицам, начиная от Союзной Республики и кончая отдельным селом. Такой метод установления норм доходности существует все годы в тех районах, где исчисление дохода полеводства производится по пашне.

В ряде районов Советского Союза, по чисто техническим причинам, о чем ниже будет сказано подробнее, обложение по пашне никогда не производилось. Это районы с большими земельными просторами, где земля в значительной своей части является не освоенной. Поэтому там само понятие «пашня» является в известной мере условным. В этих районах доходность крестьянского хозяйства от полеводства исчислялась по посеву. Нормы доходности устанавливались по тому же принципу, как для пашни, но для десятины фактически засеянной земли.

Если бы все крестьянские хозяйства села засевали (использовали) одинаковый % пашни, то вопрос о методах исчисления облагаемого дохода от полеводства не имел бы никакого принципиального значения. В самом деле, предположим, что все село ведет правильный трехпольный севооборот, иначе говоря все хозяйства в селе засевают ровно ⅔ своей пашни. Норма доходности десятины пашни для данного села исчислена (и установлена), скажем, в 40 рублей. Так как все хозяйства засевают ровно ⅔ своей пашни, то тяжесть обложения, при одинаковой для всего села норме доходности, будет одинаковой. Но на самом деле не все крестьянские хозяйства в этом селе засевают ровно ⅔ своей пашни, и поэтому, облагая их всех из нормы доходности в 40 рублей с десятины, получаем такую картину: все крестьянские хозяйства, которые засевают больше чем ⅔ своей пашни, получают понижение обложения, так как доходность десятины их пашни выше установленной для села средней нормы доходности. Те же крестьянские хозяйства, которые засевают меньше ⅔ своей пашни, налог платят также, исходя из дохода в 40 рублей с десятины, а фактически имеют меньший доход, т.-е. они получают повышение тяжести обложения.

Если же доходность от полеводства исчислять по фактически засеваемой земле, тогда картина изменится: хозяйство будет платить налог с доходов от полеводства в полном соответствии с фактическими размерами посева, т.-е. с действительным размером дохода от этого источника.

Как используется пашня в различных крестьянских хозяйствах?

Для решения вопроса о том, как же правильнее определять доходность полеводства—по пашне или посеву, требуется ответить на следующий вопрос: как пашня используется в разных хозяйствах—в одинаковом проценте или в разном, а если в разном, то как процент этот колеблется по различным группам крестьянских хозяйств? Из сказанного выше совершенно очевидно, что обложение по пашне является более выгодным для тех крестьянских хозяйств, которые используют более полно свою землю, и менее выгодно для тех, которые засевают меньший % своей земли.

Материалы сплошного учета посева почти во всех крестьянских хозяйствах за ряд лет показывают, во-первых, пестроту в проценте засева по различным группам и, во-вторых, закономерный рост использования пашни под посев с ростом группы по мощности (по доходности).

Нам не хотелось бы загромождать статью большим количеством таблиц, но некоторые мы все же вынуждены привести.

% засева пашни по данным налоговых сводок 1927—28 г. по группам:

Группы по размерам облагаемого дохода на хозяйство	Воронежская губ.	Самарская губ.	Степная часть Крымской АССР	АССР Немцев Поволжья	Зауралье (Ирбитский, Ишимский, Курганский, Троицкий, Тюменск., Челябинский и Шадринский округа)
I. До 100 руб. . . .	42,92	16,27	10,34	21,37	15,97
II. Св. 100 до 150 р.	52,35	28,28	18,42	45,82	30,06
III. „ 150 „ 200 „	57,44	34,36	22,48	43,46	38,36
IV. „ 200 „ 250 „	60,50	41,30	27,65	51,88	45,30
V. „ 250 „ 300 „	62,61	43,31	30,57	[illegible]5,99	50,19
VI. „ 300 „ 400 „	63,84	48,39	35,43	61,34	53,42
VII. „ 400 „ 500 „	66,06	51,57	43,11	67,86	56,83
VIII. „ 500 „ 600 „	66,72	54,54	48,63	68,73	57,[illegible]1
IX. „ 600 „ 700 „	68,28	52,47	53,37	74,63	60,20
X. „ 700 „ 800 „	68,17	60,36	58,41	79,87	60,95
XI. „ 800 „ 900 „	67,99	57,42	6[illegible],18	80,34	61,00
XII. „ 900 „ 1000 „	69,76	64,99	63,63	80,49	61,40
XIII. „ 1000 р.	70,31	64,45	79,59	82,07	64,87
Итого . . .	60,01	39,20	47,48	58,65	47,88

В этой таблице приводится ряд районов, где процент засева пашни разгруппирован по группам крестьянских хозяйств в зависимости от размера облагаемого дохода на хозяйство.

Мы видим неуклонный рост использования пашни от низших групп к высшим. Хотя рост этот неодинаков в различных губерниях, тенденция совершенно очевидная: чем хозяйство богаче, тем большую часть своей земли оно использует под посев.

Кому выгодно обложение по пашне?

По данным этой таблицы легко проверить, каковы были бы последствия от обложения вместо пашни по посеву. В самом деле, возьмем для примера Самарскую губ. Средний % засева пашни по губернии составляет 39,20%. Если бы доходность от полеводства в этой губернии исчислялась по пашне, то норму доходности десятины пашни надо было бы установить исходя из этого среднего % засева. В результате и получилось бы, что крестьянские хозяйства Самарской губ., которые засевают не 39%, а меньше, скажем 16,27% (группа с доходом до 100 руб. на хозяйство) или 34% (хозяйства

с доходом свыше 150 до 200 руб.) своей пашни—маломощные хозяйства платили бы налога больше, чем они платят при обложении по посеву. И наоборот, более мощные крестьянские хозяйства, которые засевают 40, 60, 70 и даже больше % своей пашни платили бы меньше налога, чем они платят при обложении по посеву.

Сделанные расчеты показывают, что переход от обложения по посеву к обложению по пашне для хозяйств с доходом до 100 рублей увеличивает облагаемый доход в полтора и даже (в ряде районов) в два раза и более, а для богатых хозяйств сокращает в два и три раза эту облагаемую сумму дохода.

Но, может быть, не повсюду наблюдаются большие колебания в % использования пашни по группам хозяйств? Да, не повсюду. Об'ективности ради и для того, чтобы легче было ориентироваться в этом вопросе, приведем такие губернии. Вот, скажем, губернии Центрально-Черноземной области—Курская, Орловская, Тамбовская [1]).

% засева пашни по данным налоговых сводок 1927—28 г. по группам

Группы по размерам облагаемого дохода на хозяйство	Губернии		
	Курская	Орловская	Тамбовская
I. До 100 руб.	64,22	64,92	62,51
II. Св. 100 до 150 руб.	66,18	65,40	61,53
III. „ 150 „ 200 „	65,63	66,21	62,71
IV. „ 200 „ 250 „	66,57	65,87	63,19
V. „ 250 „ 300 „	65,33	65,66	63,43
VI. „ 300 „ 400 „	65,70	65,96	63,39
VII. „ 400 „ 500 „	64,92	65,60	63,43
VIII. „ 500 „ 600 „	65,12	65,46	63,48
IX. „ 600 „ 700 „	68,67	65,08	61,10
X. „ 700 „ 800 „	67,21	66,79	61,76
XI. „ 800 „ 900 „	65,33	69,00	65,55
XII. „ 900 „ 1.000 „	64,01	66,83	63,79
XIII. Свыше 1.000 руб.	65,06	63,60	67,85
Итого по всем группам	65,72	65,71	62,74

Мы видим ничтожное колебание в % засева пашни по группам (по размерам дохода). Оно и понятно: в районах малоземелья будет меньше колебаний и более высокий % засева.

Однако и эта как будто благополучная картина, показывающая почти одинаковый % использования пашни в ряде районов, в группах по размеру облагаемого дохода,—совершенно меняется при разгруппировке крестьянских хозяйств по % засева внутри доходной группы. Оказывается, что внутри каждой доходной группы имеется значительная диференциация по проценту засева пашни, доходящая до колебаний между 40% и 80% у средних групп крестьянства [2]).

Все сказанное до сих пор, на наш взгляд, с бесспорностью доказывает следующее основное положение: классовый характер нашей политики в деревне, незыблемость принципа обложения деревни по подоходно-прогрессивной системе требует исчисления облагаемого дохода от полеводства только по посеву.

[1]) Все данные в границах до районирования.

[2]) Таковы данные материалов, полученных только месяц назад, при обследовании по поручению ЦК результатов проведения сельхозналога на местах, в частности, по селу Чикаревка, Жердевского района, Борисоглебского округа ЦЧО.

Будет ли обложение по пашне содействовать расширению посевов?

Собственно говоря, это положение, повидимому, никем не оспаривается. Но в защиту перехода к обложению по пашне теперь выдвигается другой довод—довод, так сказать, производственный—расширение посевной площади. В частности Госплан, как это видно из приведенной в начале статьи цитаты, надеется, что обложение по пашне будет стимулировать расширение посевной площади. Таким образом, вопрос теперь переносится в иную плоскость.

Когда мы облагаем по посеву, мы учитываем всю посевную площадь, множим ее на установленную норму доходности для десятины посева и получаем подлежащий обложению сельхозналогом доход крестьянского двора от полеводства. При переходе же к обложению по пашне, крестьянин, по мнению сторонников этого перехода, будет рассуждать примерно так: «норма доходности десятины пашни установлена в 30 р., при среднем использовании пашни (засеве), скажем, 65%. Это значит, что доход с каждой десятины пашни считают у меня 30 рублей и в том случае, когда я засеваю только 40%, и в том случае, когда я засеваю 65% (2/3) и 80% своей пашни. Раз так, то мне выгоднее засевать, использовать наибольшую часть своей пашни, 80% вместо 40% или 65%. Налог с меня будут брать все равно со всей десятины пашни».

Чтобы проверить, в какой степени основательно такое предположение, необходимо ответить на следующие 3 основных вопроса: во-первых, препятствуют ли сельхозналог вообще расширению посевной площади, во-вторых, можно ли говорить, что именно обложение по посеву задерживает этот рост, и, в-третьих, в чем причины недосева в различных группах хозяйств.

Чтобы ответить на первый вопрос и тем самым отчасти на остальные, необходимо было бы знать, сколько налога приходится на десятину пашни или посева. При нашей системе прогрессивного обложения совокупного дохода хозяйства невозможно точно сказать, какая часть налога приходится на тот или иной источник дохода. Все же мы приведем несколько вариантов возможных размеров налога на десятину пашни. Это позволит несколько ориентироваться в этом вопросе.

Норма доходности десятины пашни в 1927—28 г. в среднем по РСФСР фактически применялась в 33,5 руб. [1]). Средний процент из'ятия сельхозналогом всего облагаемого дохода в среднем по РСФСР составлял 6,3. Относя этот процент из'ятия к доходности десятины пашни, получим, что сельхозналог с этой десятины в среднем по РСФСР составил в 1927—28 г. 2 р. 11 к.

Можно ли исходить из этой средней суммы налога с десятины? Нет, потому что этот процент будет резко колебаться по отдельным районам. Поэтому мы дадим пределы этих колебаний: дадим средний размер налога с десятины пашни в губернии РСФСР с самой низкой нормой доходности пашни и процентом из'ятия налога, и в губернии с высокой нормой доходности десятины пашни и процентом из'ятия:

	Норма доходности десятины пашни (в рублях)	Средний % из'ятия всего облаг. дохода в губернии	Сумма налога на десятину пашни (в рублях)
Чувашская АССР	22,5	2,5	0,56
Московская губ.	55,0	6,8	3,74

[1]) В 1928—29 г. эта средняя норма несколько ниже 33,5 руб. Точных данных за 1928—29 г. еще нет.

Но и эти размеры налога с десятины пашни, являясь средними для губернии, тоже могут быть оспариваемы, поскольку они для отдельных хозяйств, несомненно, дают значительные колебания.

Чтобы приблизительно дать возможные размеры этих колебаний, возьмем, скажем, бывш. Орловскую губ., у которой использование пашни под посев дает в среднем 65,7% (по налоговым данным 1927—28 г.). Норма доходности десятины пашни в 1928—29 г. для этой губернии установлена в 27 рублей. Возьмем несколько хозяйств с разной мощностью и посмотрим, какой налог с десятины пашни уплачивает каждое из этих хозяйств. В данном примере мы можем уже воспользоваться таблицей ставок налога 1928—29 г.

Облагаемый доход на хозяйство из 5 едоков	% из'ятия налогом этого дохода	Норма доходности десятины пашни в рублях	Налог на десятину пашни в рублях
150	1,83	27	0,49
400	9,94	27	2,68
600	15,16	27	4,17

Хозяйства по размерам дохода нами взяты соответствующие, примерно, маломощному, середняцкому и более мощному [1]). Каждое хозяйство уплачивает разный налог, исходя из среднего процента из'ятия для каждого из них. Из всех приведенных примеров мы замечаем, что средний размер налога с десятины пашни во всяком случае не может препятствовать расширению посевной площади. Но мы предвидим возражения против исчисления размеров налога с десятины пашни по, так сказать, средним данным. Возражение основательное. Поэтому мы дадим несколько вариантов размера налога с десятины пашни, исходя из особенностей нашей прогрессии обложения.

Прогрессия действующего сельхозналога чрезвычайно крута: самая высокая ставка ее составляет 30 коп. с рубля (30% из'ятия) при доходе свыше 700 р. на хозяйство из пяти едоков. Самый налог исчисляется по так называемой скользящей шкале. Это значит, что высшей ставкой налога облагается не весь доход, а только остаток его сверх определенного предела.

Следовательно, если в хозяйстве, скажем, имеется 800 р. облагаемого дохода, то часть этого дохода—первые 25 рублей облагаются из 4% из'ятия, следующие 75 руб. облагаются из 7% из'ятия и т. д., и, наконец, остаток дохода свыше 700 рублей (в хозяйстве из 5 едоков) облагается из 30% из'ятия. То-есть в нашем примере (хозяйство с доходом в 800 рублей) по 30 коп. налога с каждого рубля дохода будет взыскано только со 100 рублей.

Поэтому нельзя сказать, что та или иная сумма налога приходится именно на десятину земли, да еще на вновь засеваемую, а не на какой-нибудь другой источник дохода, скажем, на корову или лошадь, или на ту десятину земли, которая всегда засевалась. В самом деле, если считать, что доход от земли в хозяйстве, имеющем 700 руб. облагаемого дохода, относится к той части этих 700 рублей, которая облагается по более низким ставкам, то это даст один расчет размеров налога с десятины пашни, если же считать, что доход от земли попадает на ту часть дохода, которая облагается по более высоким ставкам, то это даст уже совсем другой расчет размеров налога. Тем не менее мы все же приведем расчеты размеров налога на десятину пашни, исходя из того, что в данном хозяйстве она облагалась

[1]) По групповой сводке 1927—28 г. по группам по размеру облагаемого дохода на хозяйство, в Орловской губернии хозяйств с доходом до 150 р. на хозяйство имеется, примерно, 32%, с доходом свыше 150 до 400 р.—62% с доходом свыше 400 до 600 р.—5% и хозяйств свыше 600 р. имеется, примерно, только 1%.

бы по разным ставкам. Возьмем для этого хозяйство (из 5 едоков), имеющее, скажем, 800 рублей облагаемого дохода. При норме доходности десятины пашни в 30 рублей, налог с этой десятины пашни составит от 1 р. 20 к. до 9 рублей.

Таким образом, если даже рассчитывать, что доход именно от вновь засеваемой десятины пашни будет облагаться по самой высокой ставке (30 коп. с каждого рубля дохода), то тогда налог с этой десятины достигнет 9 рублей.

Мы умышленно привели большое количество расчетов возможных сумм налога, приходящихся на пашню, для большей об'ективности и для того, чтобы доказать, что налог с десятины пашни, если не прибегать к фантастическим расчетам, для громаднейшего большинства крестьянских хозяйств составляет примерно 2, 3, 4 рубля. Для того, чтобы уяснить себе условность расчета, доводящего сумму налога с десятины пашни до 9 рублей, достаточно сказать, что вообще крестьянских хозяйств в Советском Союзе, имеющих облагаемого дохода выше 700 р. (т.-е. суммы, когда налог исчисляется по высшему проценту из'ятия) имеется не более 2%.

Все расчеты приводились, исходя из обложения пашни. Ну, а какова будет тяжесть обложения десятины посева? Ведь защитники обложения по пашне и выдвигают то соображение, что именно обложение по посеву препятствует расширению посевной площади. Приводить столько же такие же подробные расчеты по посеву и не позволяет место и нужды нет: совершенно очевидно, что результаты получатся, примерно, те же. Для этого достаточно принять во внимание, что норма доходности десятины посева в среднем по части РСФСР, облагаемой по посеву, составляет, примерно, 38 р. По отдельным губерниям норма эта колеблется от 70 р. по Карельской АССР, до 18 руб. по Астраханской губ. и Калмыцкой области. В частности, по отдельным областям и губерниям нормы доходности десятины посева установлены следующие (в руб.):

	Норма доходности дес. посева		Норма доходности дес. посева
Северо-Кавказский край	39	Башкирская АССР . . .	36
Сибирский край	37	Сталинградская губ. . .	23
Уральская область . . .	43	Саратовская губ.	37
Самарская губ.	35	Крымская АССР	39
Вологодская губ.	56	Оренбургская губ. . . .	30
Воронежская губ. . . .	44	Татарская АССР	36
Казакская АССР	36	Тверская губ.	59

Мы привели почти все районы, где обложение производится по посеву. Из сопоставления норм доходности по этим районам с нормами доходности десятины пашни, приведенными в наших примерах исчисления налога с десятины пашни, легко уяснить себе размеры налога с десятины посева. И если отбросить намеренно преувеличенный возможный размер налога с десятины посева в самых богатых хозяйствах (примерно, 2% хозяйств), то в среднем налог с десятины посева составит 3—4—5—6 р. Можно ли полагать, что крестьянин, имея все возможности расширять свой посев, все же не будет расширять посева из-за этих пусть 6-ти рублей налога с десятины посева, дающей дохода 40 рублей? Конечно, нет.

Можно утверждать, что наш сельскохозяйственный налог в громаднейшем большинстве случаев не препятствует дальнейшему развитию тех или иных отраслей сельского хозяйства, в частности, зернового хозяйства. При этом предупреждаю—мы никогда не считаем наш сельскохозяйственный налог легким. Мало того, мы считаем, что в нашем сельскохозяйственном на-

логе тяжелее всего обложено полеводство, зерновое хозяйство. Мы директивы партии, и в частности апрельского пленума, о перераспределении налога в сторону понижения тяжести его для зернового хозяйства выполнили в чрезвычайно ничтожной степени (об этом собираемся сказать в особой статье). Тем не менее мы полагаем, что из всего сказанного выше совершенно отчетливо вытекает, что нынешний сельхозналог все же не может препятствовать дальнейшему расширению посевов, хотя его прогрессивность вносит известный момент ограничения в отношении развития посевной площади у наиболее богатых хозяйств.

Не может препятствовать,—ну, а содействовать он может? Нам кажется, что такая постановка вопроса чрезвычайно условна.

Возможность у налоговой системы содействовать развитию сельского хозяйства ограничивается разрешением задачи не препятствовать. Конечно, если мы совсем не будем брать налога с полеводства, то это будет в гораздо большей степени содействовать расширению посевных площадей, чем когда мы налог берем, даже льготный, но это уже такая упрощенная, вульгаризованная установка, что на ней и останавливаться не следует. Если же мы установим такой налог с полеводства, когда крестьянину, в первую очередь мелкому и среднему, не будет выгодно засевать, это будет означать, что налог препятствует развитию данной отрасли. А в данном случае мы и утверждаем, что наш налог в громаднейшем большинстве случаев не препятствует. Раз так, то причину недостаточно интенсивного расширения посевных площадей надо искать в другом.

Кто и по какой причине недосевает?

Где же причина, во-первых, недосева, и, во-вторых, пестроты его, при несомненном факте большего недосева в маломощных хозяйствах? Именно последнее обстоятельство, т.-е. то, что наибольший недосев имеется в маломощном хозяйстве, дает между прочим ответ на вопрос, является ли налог препятствием к расширению посева.

Именно маломощному хозяйству, имеющему доход до 200 р. в год, (таких хозяйств по союзу примерно 50%), а следовательно, уплачивающему с десятины пашни или посева во много раз меньше налога, чем богатое хозяйство, в силу этого более выгодно расширять посев. Мы же замечаем, что в районах, облагаемых по пашне, более высокий % недосева имеется в маломощных хозяйствах. Между тем, они с налоговой точки зрения имеют все условия, относительно стимулирующие расширение посевов. Расширяя свои посевы, они не платят больше налога, поскольку доход исчисляется по пашне. Они платят ничтожный налог даже и в том случае, если бы обложение производилось по посеву, потому что при нашем прогрессивном налоге им приходится платить мало в виду общего низкого их дохода.

И, наоборот, мы замечаем более высокий % засева в мощном хозяйстве не только в районах, облагаемых по пашне, но и в районах облагаемых по посеву, где хозяйствам приходится платить налог с каждого гектара вновь засеваемой земли, что тяжело, поскольку при прогрессивном налоге этот гектар попадает под наиболее высокие ставки.

Из сказанного вытекает, что % засева пашни, да и вообще размеры посевных площадей зависят главным образом от общей экономической структуры хозяйства, от обеспеченности этого хозяйства средствами производства. Крестьянское хозяйство в 99 случаях из 100 недосевает только потому, что у него для этого нехватает живого и мертвого инвентаря, нехватает посевного материала, нехватает рабочей силы и проч. Ясно, что обложение по пашне вместо обложения по посеву не разрешило

бы вопроса об инвентаре, посевном материале и т. д., но, вместе с тем, усилило бы тяжесть налога для маломощных.

Более мощное крестьянское хозяйство использует наиболее высоко свою пашню потому, что оно отлично учитывает всю экономическую целесообразность расширения посевной площади, и налог этому помехой не служит. Если же и более мощные хозяйства во многих случаях не расширяют посевов, имея к этому все экономические предпосылки и возможности, то это лежит в других причинах.

Мы приведем один факт, могущий дать ответ на поставленный вопрос. В нынешнем году в среднем по Сев. Кавказу мы имели сокращение посевной площади, при росте посевной площади в низших группах. Эти данные приведены в статье тов. Гатовского (№ 20 «Большевика»).

Изменение посевной площади в %% к предшествующему году по данным Госплана:

	В среднем
Без рабочего скота	+ 8,8
С 1 голов.	+ 0,9
„ 2 голов.	— 8,8
„ 3 „	— 12,2
„ 4—7 голов.	— 18,6
В среднем	— 8,4

Имеющиеся налоговые материалы показывают, что при общем сокращении площади посева на Северном Кавказе, по статистическим данным на 5—6% (а по налоговым—1,2%), посев на надельной земле даже несколько расширился, правда, на ничтожный процент (+0,8%). Главное же сокращение идет за счет отказа от арендованной земли, площадь посева на которой в среднем по краю сократилась на 11%.

Что это означает? Это означает, что, поскольку сельхозналог нынешнего года, построенный в соответствии с директивами XV с'езда, проводил наиболее четко выраженную классовую линию по отношению к верхушке деревни,--применялись процентные надбавки к доходу от сельского хозяйства мощных дворов (примерно 10% хозяйств), индивидуальное обложение, при котором одним из признаков для отнесения хозяйства к обложению в индивидуальном порядке было широкое использование аренды с применением постоянной наемной рабочей силы—зажиточное, богатое, кулацкое хозяйство во многих случаях решило, что ему не выгодно пользоваться арендой, при которой оно неизбежно вынуждено прибегать к найму батрака. То-есть общая социальная обстановка в деревне делает для него невыгодным расширение посевов за счет арендованной земли, учитывая при этом, что приходится кроме тяжелого налога платить еще арендную плату.

Таким образом, мы утверждаем, что наша налоговая система не препятствует расширению посевной площади громаднейшего большинства крестьянских хозяйств, что ни в какой степени не препятствует расширению посевов обложение по посеву, что недозасевают в большей степени хозяйства либо маломощные, у которых не хватает средств производства, либо, в некоторых случаях, мощные, кулацкие хозяйства в результате совокупного действия всех наших мероприятий, в том числе и налоговых, по борьбе с кулаком, и что с точки зрения нашей классовой политики недопустимо обложение по пашне.

Можно ли повсюду облагать по посеву?

Для того, чтобы хоть отчасти исчерпать нашу тему, следует коснуться еще двух важнейших моментов.

Сторонники обложения по пашне все годы выдвигали тот довод, что учесть площадь посева очень трудно, а потому при обложении по посеву неизбежна большая утайка посевной площади. Подробно критиковать этот довод теперь, после того, как имеются результаты практического проведения обложения полеводства по посеву по громаднейшей части Союза—нет нужды. Уже теперь в районах, облагаемых по посеву, площадь посева, учитываемая налоговыми органами, выше посевной площади, учитываемой статистическими органами, если, конечно, не считать той экспертной поправки, которую затем статорганы вносят.

Результаты налогового учета показывают, что в тех районах, где перешли к обложению по посеву, посевные площади учитываются лучше, чем там, где обложение производится по пашне. Оно и понятно. В районах, облагаемых по пашне, налоговый аппарат, местный низовой советский аппарат с точки зрения фиска и местного бюджета вовсе не заинтересован в правильном учете посевов и потому не уделяет достаточного внимания делу учета посевной площади в этих районах. Наоборот, в районах, облагаемых по посеву, где более полный учет посевной площади определяет сумму налога, результаты обложения, определяет классовую политику в деревне, там мы имеем лучшие результаты учета посевных площадей.

Мы не касаемся здесь технических трудностей (и даже невозможности по целому ряду районов) перехода от учета посева, как об'екта обложения, к учету пашни. Районы, например, с залежной и целинной, а также и с «поливной» системой полеводства фактически исключают точный учет пашни. Данные показывают систематический из года в год рост района, облагаемого по посеву. При этом важно подчеркнуть, что переход к обложению по посеву вместо пашни происходит без какого бы то ни было законодательного принуждения, а исключительно в порядке инициативы местных органов, которым, как мы уже сказали, предоставлено право решать вопрос о форме обложения—по пашне или по посеву. Характерно то, что за все годы еще не было ни одного случая, когда бы места перешли от обложения по посеву к обложению по пашне.

В настоящее время по посеву облагается часть Советского Союза, охватывающая, примерно, 53% крестьянских хозяйств, 57% всей посевной площади Союза, 62% всего количества голов крупного скота, 52% всего облагаемого дохода и 55% всего налога, т.-е. по посеву облагается большая часть Союза, чем по пашне.

Нам приходилось и приходится за последние годы все время добиваться дальнейшего расширения районов обложения по посеву. Констатируя успехи этой борьбы, мы все же, к сожалению, должны отметить, что они незначительны. По нашему убеждению, переход к обложению по посеву должен быть гораздо быстрее, гораздо интенсивнее, чем это делается до сих пор. Только по соображениям осторожности (с нашей точки зрения преувеличенной) установлен действующий теперь порядок, при котором решение вопроса о методе обложения полеводства по пашне или посеву предоставлено всецело компетенции мест. Но и при этом порядке классовое чутье местных организаций, необходимость разрешать задачи партии в деревне со всей отчетливостью подсказывают, по какому пути надо пойти.

Одни идут по этому пути быстро и решительно, другие медленно. Мы же считаем, что на обложение по посеву надо переходить решительнее, быстрее.

К. Гей.

Современное профдвижение и наша тактика.

В сентябре в Гамбурге (Германия) и в Сванси (Англия) состоялись с'езды реформистских союзов, созванные как бы нарочно для того, чтобы продемонстрировать правильность решений только-что закончившегося VI конгресса Коминтерна. Гвоздем обоих с'ездов был вопрос о сотрудничестве с предпринимателями и государством.

В Гамбурге эта идея, прикрытая для приличия фиговым листком постепенного приближения к социализму, несколько уступала в ясности и последовательности тому прямолинейному практицизму, с которым англичане подошли к разрешению вопроса на своем с'езде. В этом сказалась, конечно, большая напряженность классовой борьбы в современной Германии. Вынырнувший из недр редакции «Франкфуртер Цейтунг» коллега Нафтали, докладчик по вопросу о хозяйственной демократии, был об'явлен наместником Маркса на земле. Сама хозяйственная демократия,—таков был основной тезис этого заместителя Маркса,—есть путь к социализму. По пути же к социализму можно итти лишь постепенно», эта оговорка, конечно, не была позабыта.

Лозунг хозяйственной демократии выдвигался реформистами, как общий лозунг, призванный будить и поддерживать в рабочем классе иллюзии о возможности совместной работы с классом капиталистов. Этот лозунг разогревается сейчас ссылками на Маркса и на социализм, очевидно, для того, чтобы подготовить кое-какие практические шаги более тесного сотрудничества с капиталистами. Несколько яснее говорил об этом в своем приветствии с'езду министр народного хозяйства Курциус. «Местом этой совместной работы (капиталистов и реформистов),—говорил министр,—будет государственный экономический совет». Временный экономический совет существует уже 9 лет; в недалеком будущем германский рейхстаг должен принять новый закон о постоянном государственном экономическом совете, задачей которого будет осуществлять хозяйственную демократию, выражаясь проще: устанавливать общую линию предпринимателей и союзных верхушек в вопросах рационализации, ухудшения жизненного уровня рабочего класса и т. д., и т. п. Этот постоянный совет должен, как говорил г. министр, разрешить вопрос и о построении хозяйственной демократии на низовых ступенях. Путь к социализму коллеги Нафтали ведет, таким образом, в министерские канцелярии.

Тот же процесс и почти в тех же формах происходит и в Англии. В результате переговоров с крупнейшим химическим королем Мельчетом—Мондом в Англии предстоит создание национального промышленного совета, в который должны будут войти по равному числу представителей Генсовета, с одной стороны, и федерации британских промышленников и национальной конфедерации организаций предпринимателей,—с другой стороны. Этот нац. промышленн. совет, правда, не будет являться частью государственного аппарата, как это имеет место в Германии. Тем не менее, этот совет призван

выполнять не только те функции, которые в Германии возлагаются на экономический совет, но частично и те, которые выполняются там институтом государственных арбитражных инстанций. Так, национальный промышленный совет создает сеть об'единенных бюро по улаживанию недоразумений «в соответствии с согласованной резолюцией о предупреждении конфликтов». Конгресс в Сванси подавляющим большинством голосов (3.075.000 против 566.000) одобрил все эти махинации Генсовета.

Таковы важнейшие итоги обоих профс'ездов, немецкого и английского, таковы центральные проблемы, над разрешением которых работают реформистские вожди. Надо ли искать лучшую иллюстрацию к решениям VI конгресса о дальнейшем сращивании реформистской верхушки с капиталистами и государством?

Но этим не исчерпываются труды обоих с'ездов. Логически неизбежным последствием этого сращивания и открытого перехода реформистов к активному строительству капитализма, является усиление репрессий против коммунистов в профдвижении. И оба с'езда приложили к этому свою руку. В Гамбурге просто лишили ряд коммунистов делегатских мандатов, а затем выгнали из зала заседаний конгресса представителей коммунистической прессы, и заодно уж и корреспондента «Труда», органа ВЦСПС. В Сванси приняли резолюцию, гласящую: «С'езд... поручает Генсовету произвести расследование деятельности и методов разрушительных элементов внутри профессионального движения, обнаруживаются ли эти элементы внутри союзов или в самом Генсовете, и представить примыкающим организациям доклад с предложением определенных мероприятий». Не подлежит никакому сомнению, что широко практикуемая в Германии система исключений и репрессий против коммунистов (аннулирование выборов, запрещение занимать ответственные посты и т. д., и т. п.), найдет теперь более широкое применение в Англии. Своеобразные формы этих репрессий намечены уже решением конгресса в Сванси, запретившего профсоветам выбирать членов движения меньшинства на их конференции.

Следует отметить также, что ни один из этих с'ездов крупнейших реформистских союзов не ставил в повестку дня и не обсуждал наиболее актуальных вопросов экономической борьбы рабочего класса. Гамбургский конгресс отказался обсуждать вопросы о борьбе за повышение заработной платы и за сокращение рабочего дня. Спрашивается, что же, кроме сотрудничества с буржуазией и травли коммунистов, интересовало делегатов обоих с'ездов? Гамбургских «коллег», повидимому, ничто не интересовало. В зале заседаний стоял непрерывный шум, от которого потерял голос и не мог кончить своего доклада даже сам Лейпарт. Английские их товарищи обнаружили более широкие интересы вплоть до вопросов... пьянства и картежной игры. «Слишком много времени и слишком много денег растрачивается на карточную игру и пьянство... В нашей стране нужен проповедник в роде отца Матфея, не пустомеля или какой-нибудь мягкотелый Джонсон, но живой человек с огнем и энтузиазмом, способный проповедывать евангелие воздержания среди всех нас, в особенности же среди более состоятельных классов, где пьянство особенно распространено», — таков был заключительный аккорд программной вступительной речи председателя Генсовета Бен-Тернера.

Процесс превращения реформистских союзов в органы делового сотрудничества и промышленного мира закончен. Реформистские вожди, насквозь коррумпированные, собираются только для того, чтобы найти подходящую форму служения капитализму. Им нечего сказать по вопросам борьбы рабочего класса. Пустая бессодержательность их с'ездов обнажает невероятную тупость и лицемерие. И все-таки до сего времени они продолжают возглавлять профессиональные союзы с многомиллионной членской массой. Возникающие

отсюда противоречия находят свое выражение в напряженной борьбе, ведущейся внутри и вне союзов, через все этапы которой красной нитью проходит рост революционных элементов.

* * *

Решающей проблемой для революционного профдвижения является проблема руководства экономической борьбой. Именно здесь проверяет рабочий класс вождей и руководителей профдвижения и только на этом поприще могут коммунистические партии нанести сокрушающий удар позициям реформистов в профдвижении. Обострение классовой борьбы сказывается в первую очередь в том, что кривая экономических конфликтов идет вверх. Так в Германии, по данным официальной статистики, число рабочих, участвовавших в стачках и подвергшихся локаутам, составляло в 1926 г. 96.509, в 1927 г. — 401.298, по другим данным—452.000; цифры 1928 г. покажут безусловное превышение по сравнению с 1927 г., если принять во внимание, что только один локаут металлистов Прирейнской области выбросил в настоящее время на улицу около 230.000 рабочих. В Англии число стачечников за 8 месяцев (102.000) почти достигло числа стачечников за весь 1927 год (117.000). В Америке 6 месяцев 1928 г. дают соответствующую цифру— 239.000 против 349.000 за весь 1927 год. Таковы же тенденции развития экономической борьбы и во Франции. Наконец, 1928 г. показывает и большее обострение самого хода стачечной борьбы. Всеобщие стачки в Греции (июнь) и в Лодзи (октябрь) возникают непосредственно из движения табачников и текстильщиков и приобретают крупнейшее политическое значение. Таким образом, об'ективная обстановка складывается благоприятно для того, чтобы в процессе все обостряющейся классовой борьбы провести резкую разграничительную линию между революционной и реформистской тактикой.

Тактика реформистов в экономической борьбе своей задачей «ставит такое ведение этой борьбы, которое гарантировало бы класс капиталистов от всех и всяческих потрясений» (программа К. И.). Эту общую линию реформисты проводят, однако, в различных конфликтах по-разному, применяясь к обстановке, соразмеряя степень своего влияния и силу назревшего в рабочих массах недовольства. Путая на своих с'ездах Маркса и Нафтали, лепеча несусветную чепуху про отца Матфея, реформисты в области стачечной борьбы оказываются способными маневрировать, используя многолетние навыки своих функционеров. Там, где они в силах это сделать, они душат борьбу в самом зародыше, срывая движение и выдавая рабочих головой капиталистам. Одним из ярких примеров такой, с позволения сказать, стачечной стратегии является конфликт в тяжелой промышленности Рейнско-Вестфальской области в конце прошлого года. Металлургическая промышленность этой области является, как известно, решающим звеном германской промышленности. Остановка доменных печей этого района грозила сорвать с великим трудом налаженное процветание немецкой промышленности, во всяком случае не дала бы капиталистам возможности использовать высокую кон'юнктуру в текущем 1928 г. для выколачивания гигантских сверхприбылей. Между тем с 1 января 1928 г. министром труда было обещано введение 8-часового рабочего дня на металлургических предприятиях области. Предприниматели, решившие 8-часового дня не проводить, об'явили о закрытии предприятий с 1 января. Рабочие были готовы к борьбе. Настроение рабочих, по единодушному свидетельству целого ряда товарищей от фабзавкомщиков до руководящих лиц включительно, выражалось словами: «бастовать будем, но под руководством союза». В этой обстановке играть в радикализм представлялось для реформистов опасным. 18 декабря конференция уполномоченных союза металлистов большинством 75 против 16 голосов постановила принять арбитражное решение, означавшее фактический отказ от проведения 8-часо-

вого рабочего дня под видом введения его в рассрочку. Таков один из вариантов реформистской тактики.

Чаще, однако, особенно в движениях, не угрожающих потрясением всей промышленной ситуации, реформисты действуют иначе. Они, пользуясь формулировками программы К. И., бывают вынуждены «симулировать защиту классовых интересов пролетариата в его экономической борьбе только для того, чтобы, завоевывая на этом доверие части рабочего класса, тем постыднее предавать его длительные интересы, в особенности во время решающих классовых битв». Но и при этой симуляции реформисты, возглавляя стачку, ведут ее вяло, нерешительно, поощряют менее стойкие, колеблющиеся слои и, наконец, берут измором не капиталистов, а бастующих рабочих, обеспечивая им поражение за поражением. Эти поражения скрашиваются жалкими подачками в 2—5 пфеннигов, отстающими от роста дороговизны и не приостанавливающими падения реальной заработной платы.

В особенности ярко сказываются последствия этой тактики в Германии. Экономические конфликты последнего времени все яснее обнаруживают наступательную тенденцию со стороны рабочих. Немецкие промышленники, однако, хорошо усвоили, что лучшим способом защиты является нападение. Они переходят в контр-атаку по всей линии; столкновение приобретает характер встречного боя. И тут-то рабочие получают наглядный урок, к чему ведет реформистское раздробление сил и как их классовый противник осуществляет на деле принципы крепкой организации и об'единения боев. Мы не знаем многого о деятельности предпринимательских организаций, но мы знаем, например, что железные бароны Германии создали специальный фонд путем отчисления по 5 марок на каждого занятого рабочего. Этот фонд предназначается для поддержки в случае стачек только тех предприятий, которые не входят в стальной трест. В настоящее время этот фонд насчитывает уже около 50.000.000 марок. Предприятия, входящие в стальной трест, получают в случае стачки или локаута поддержку из средств треста. Опираясь на свои организации, предприниматели проводят активную, хорошо рассчитанную и не останавливающуюся перед средствами политику. Они не боятся хозяйственных потрясений и приступают к «улаживанию недоразумений» с рабочими только тогда, когда могут настоять на своих требованиях. Стачечная стратегия немецких капиталистов наглядно разоблачает реформистское пораженчество в экономической борьбе. Реформисты хотят проводить маленькую и безобидную симуляцию — капиталисты выбрасывают на улицу сотни и десятки тысяч рабочих. Во время конфликта в саксонской металлопромышленности реформистский союз первоначально об'явил стачку 9.000 рабочих, забастовало 13.000, и затем число бастующих возросло до 98.000. В ответ на это предприниматели пригрозили локаутом 200.000 человек. Стачка текстильщиков в Мюнхен-Гладбах началась по инициативе союза и должна была охватить 5—6.000 рабочих. Предприниматели ответили локаутом 36.000 чел.

В сентябре в Германии союз об'явил стачку 7.500 портных в 45 предприятиях. Предприниматели локаутировали 40.000, заставив прекратить работу в отдельных предприятиях даже против воли хозяев. При активной борьбе реформистов против об'единенных выступлений больших масс рабочих, против массовых кампаний поддержки стачечников успех их стачечного руководства исключен. Все стратегически выгодные позиции находятся в руках предпринимателей.

Эта тактика реформизма в экономической борьбе не случайна. Это только составная часть роли социал-демократии, как основной опоры империализма в рабочем классе. Идеологически эта тактика полностью вытекает из социал-демократической концепции хозяйственной демократии и поддержки рационализации. И, конечно, революционная, коммунистическая так-

тика должна быть с начала до конца построена на других основаниях. Принципиально иное, отличное от социал-демократического, отношение к вопросам промышленного мира, хозяйственной демократии и рационализации составляет необходимую предпосылку для выработки правильной коммунистической тактики обеспечивающей руководящую роль революционных элементов. Как далеко, однако, идут колебания, например, в германской коммунистической партии и насколько близки оказываются некоторые носители правого уклона к социал-демократической идеологии, может свидетельствовать хотя бы такая схема, защищавшаяся еще летом нынешнего года: реформисты-де мыслят себе хозяйственную демократию только сверху. При такой их позиции нам следует выдвинуть вопрос о хозяйственной демократии снизу, на предприятиях. Мы поступаем неправильно, отрицая хозяйственную демократию в целом. Другим примером подобного же перехода на реформистские позиции может служить дискуссия в коммунистической фракции одного из профсоюзных с'ездов, имевшая место летом нынешнего года. Фракция первоначально отклонила проект резолюции, в котором утверждалось, что капиталистическая рационализация принесла выгоды одним предпринимателям. В защиту своей позиции товарищи об'яснили, что профсоюзы, по их мнению, были правы, когда они высказались за рационализацию. Германия-де, ввозя сырье и вывозя фабрикаты, может только посредством рационализации дать работу для населения.

Основная задача коммунистических партий заключается в настоящее время в том, чтобы завоевать руководящую роль в экономической борьбе рабочего класса. Эта задача теснейшим образом связана с задачей разоблачения реформистского руководства, но одной роли разоблачителей и критиков недостаточно. Надо на практике, на собственном опыте рабочих масс показать разницу между реформистским и коммунистическим руководством. Тут-то и возникает ряд трудностей, над преодолением которых работают европейские партии. Для того, чтобы руководить борьбой, надо подготовить соответствующие условия. В прошлогоднем конфликте в Рейнско-Вестфальской области, о котором мы уже упоминали, коммунистическая партия суб'ективно была готова взять на себя руководство предстоящей борьбой. Но, во-первых, она была очень слаба на крупных предприятиях области. Крупнейшие заводы, насчитывающие по десятку тысяч рабочих, имели малочисленные ячейки (20—30 человек), к тому же недостаточно авторитетные. Во-вторых, эти слабые силы не были планомерно двинуты в дело подготовки рабочей массы. Партия упустила первые этапы движения. Все это создало обстановку, в которой отсутствовал необходимый контакт с рабочей массой, обеспечивающий восприятие наших лозунгов и предохраняющий партию от хвостизма и от забегания вперед. С другой стороны, в последних крупных стачках нынешнего года всюду, где коммунисты пришли к действительному руководству борьбой, они имели известный опорный пункт, более или менее крепкую организацию, связанную с рабочей массой. На севере Франции в стачке текстильщиков роль такого опорного пункта сыграл Аллюэн. В гамбургской стачке портовых рабочих мы опирались также на достаточно крепкое ядро, подготовленное предыдущей работой.

Упорная работа на предприятиях, не брезгующая повседневными мелочами рабочей жизни, и своевременная мобилизация всех сил партии с самого возникновения движения — таковы первые уроки стачечной борьбы. Не следует при этом думать, что момент активного выступления мы должны откладывать до тех пор, пока накопим значительные силы. Ход и развитие борьбы не предоставляет нам этих возможностей. Если создаются условия для возникновения движения, если накапливается в рабочей массе горючий материал, партия должна выступать активно, помня, что в процессе борьбы она будет черпать новые силы. Пассивность в экономической борьбе нераз-

рывно связана с надеждами на реформистов, на союзные инстанции, со всей идеологией, так характерно формулированной Иоганном Эффелем, заявившим: «Мы должны пока просто мириться с поражением рабочего класса, вызванным неправильной стратегией реформистских профлидеров, пока профсоюзы еще не завоеваны нами даже идеологически». Мы не найдем слишком много товарищей, которые согласятся сейчас поставить свою подпись под этим или аналогичными заявлениями. Но мы найдем очень и очень много случаев, где наши товарищи обнаруживали неподготовленность, растерянность, упускали важнейшие моменты движения, опаздывали и плелись в хвосте. И это неизменно приводило к упадку нашего влияния и надолго затрудняло работу в данном районе. Пассивность в экономической борьбе — это практика, надежды на идеологическое завоевание реформистских вождей — это теория. И то и другое дало свое наиболее законченное выражение в той тактике, которая задачи наши в экономической борьбе определяла лозунгом: «принуждайте бюрократов»! Решительное осуждение этой тактики — одна из заслуг IV конгресса Профинтерна. Отстутствие необходимой подготовительной работы находит свое выражение не только в пассивности. Иногда оно проявляется в диаметрально противоположных формах, когда партийная организация от бездействия переходит к прыжку в неизвестность, об'являя стачку, подчас всеобщую, призывая рабочих к самым решительным действиям и когда этим призывам следуют всего лишь несколько десятков, пара сотен рабочих. Примеры такого руководства мы встречаем еще в 1927 году во Франции и в Германии. Иногда же оба типа ошибок соединяются в одном движении, примером чему служит опять-таки прошлогодний конфликт в Рейнско-Вестфальской области.

С самых первых шагов движения должна быть взята ясная и решительная линия в отношении реформистского руководства. Дело в том, что именно на первых шагах движения реформисты любят щегольнуть радикальной фразой, встать в позу защитников интересов рабочих. Только позже явятся они с решением арбитражного суда на руках, чтобы об'яснять, что мы-де хотели бороться и сделали для борьбы все, что могли, но теперь призываем к благоразумию. С другой стороны, в процессе выработки экономических требований, что обычно совпадает с первыми этапами движения — требования, выставляемые реформистами, являются, как правило, более скромными, чем защищаемые нами, но эта разница часто бывает несущественна, а иногда этой разницы не бывает и вовсе. В крупнейшем конфликте в Рейнско-Вестфальской области, разыгрывающемся в настоящее время, наше требование повышения зарплаты на 15 пф. в час до решения арбитражного суда выставлялось и в реформистских требованиях. Характерен случай, когда реформисты похитили подготовленные нашими организациями требования и поторопились предложить их рабочим, чтобы сохранить инициативу в своих руках. Таким образом, задача заключается не в том, чтобы перещеголять реформистов особенным радикализмом экономических требований — задача заключается в том, чтобы выработать реально осуществимые требования, взяв в свои руки инициативу их пред'явления и отгораживаясь с первых шагов от фальшиво-радикальных выступлений, вести неустанное разоблачение реформистов на почве последовательной з а щ и т ы требований. Наибольшее, пожалуй, количество ошибок в практической работе наших товарищей-профессионалистов было сделано именно на этих первых этапах движения, когда радикальные реформистские речи будили и в наших рядах иллюзии о возможности совместной деятельности с реформистами.

Экономической борьбой нельзя руководить без организации, охватывающей большие массы рабочих. Смешно думать, что привыкший к организации германский рабочий последует разрозненным, единичным призывам и вступит в борьбу с прекрасно организованным трестовским капиталом, не будучи уверен в том, что соседние предприятия поддержат его. Но профессиональные союзы—организации, созданные для этой борьбы, находятся в большинстве в руках реформистов и для этой цели, следовательно, явно не годятся. В этих условиях особенное значение приобретает лозунг создания с т а ч е ч н ы х к о м и т е т о в. Эту форму организации следует подготовлять с первых шагов движения, обязательно создавая стачечные комитеты, как широкие организации, охватывающие и организованных и неорганизованных рабочих. Стачечный комитет, составленный таким образом, будет меньше зависеть от официальных союзных инстанций и легче сможет противопоставить им свою линию. Опыт нью-бедфордской стачки текстильщиков (Америка), создавших аналогичную организацию, дает пример подобного отстранения союза от руководства стачкой. Призыву союза прекратить забастовку последовало только 3.000 рабочих. Остальные 25.000 продолжали бастовать под руководством стачечного комитета. Мы не знаем еще состава стачечного комитета, руководившего лодзинской стачкой. Но те сведения, которые мы имеем, совершенно ясно рисуют картину борьбы стачечного комитета с пепеэсовским союзом за руководство.

Лодзинская стачка дает нам не только образец организации, стремящейся вырвать руководство из рук союза. Эта стачка дает также прекрасный ответ на спорные вопросы о соотношении экономической и политической борьбы. Концепция правого крыла в германской КП сводится, например, к тому, что только выставление политических требований превращает экономическую борьбу в политическую. Поэтому необходимо выдвинуть лозунг рабочего контроля. Об этом говорил на IV конгрессе Профинтерна т. Брандлер: «Такая борьба (т.-е. политическая. *К. Г.)* превращается в конфликт с буржуазной государственной властью, она уже не может ограничиваться экономическими целями, но должна ставить себе более широкие политические цели, т.-е. она становится политической борьбой. Борьба за рабочий контроль над производством неразрывно связана с революционной борьбой на низвержение государственной власти». Рецепт, таким образом, прост: надо выдвинуть знаменитый лозунг рабочего контроля—и превращение экономической борьбы в политическую обеспечено. Вся обширная дискуссия о лозунге рабочего контроля, решения 2-х конгрессов (Профинтерна и Коминтерна), определенно указывающие, что в современной обстановке лозунг этот может только будить реформистские в конечном счете иллюзии о возможности осуществления контроля над капиталистами в буржуазной германской республике, что своевременным и отвечающим наших целям этот лозунг станет только в момент непосредственно революционной ситуации,—все эти бесспорные истины недоступны пониманию правых. Рабочий контроль представляется им панацеей от всех бед и недочетов нашей борьбы за руководство рабочим классом. К счастью, однако, этот лозунг не выдвигался германской партией ни в одном движении последнего времени. Гораздо интереснее и поучительнее поэтому судьба лозунга национализации крупной промышленности, лозунга, казалось бы, еще более радикального, чем рабочий контроль. Требование национализации было неожиданно выдвинуто реформистами в том конфликте в Рейнско-Вестфальской области в конце 1927 г., на который мы уже неоднократно ссылались. Классическое предательство и срыв движения не случайно сочетались с требованием национализации: не давая конкретного ответа на устремления рабочих, маскируя отказ реформистов от борьбы, этот лозунг ставил в порядок дня такое требование, которое не было опасно для буржуазии. Для борьбы за его осуществление не было необходимых предпосылок. Этот маневр реформистов вызвал замешательство и в рядах коммунистической партии. Лозунг национализации, но безвозмездной; лозунг национализации, но как пропагандистский лозунг; лозунг национализации вместе с лозунгом борьбы за рабоче-крестьянское правительство;

наконец, разоблачение смысла реформистского маневра, раз'яснение того, что центральной точкой приложения сил может и должна быть в настоящее время борьба против правительства буржуазного блока—таковы различные (и неполные) варианты ответов, выдвинутых в противовес реформистскому маневру.

Прекрасный исчерпывающий ответ на эти тактические проблемы дает опыт лодзинского движения и отчасти греческой всеобщей стачки. «Каждая сколько бы то ни было крупная экономическая стачка сталкивает рабочих с трестированными капиталистическими гигантами, сросшимися с государственной властью империалистов. Каждая такая стачка приобретает поэтому политический, т.-е. общеклассовый характер», гласит постановление VI конгресса Коминтерна. Правильность этого положения засвидетельствована всеми крупными движениями последнего времени. В Лодзи, например, борьба текстильщиков, выдвинувших официально исключительно экономические требования, именно потому и получила активную поддержку остальных отрядов рабочего класса, вплоть до самых отсталых, что общеклассовый характер борьбы был ясен для всех. При обострении борьбы, большем ее размахе и вмешательстве всех сил государства стачка не могла не выдвинуть и чисто политических требований. Правда, руководящие стачкой органы не декларировали никакой политической платформы, но в массе стачечников находили широкий отклик и пользовались почти безраздельным признанием лозунги компартии. Эти лозунги были: 1) Долой фашистскую диктатуру Пилсудского, 2) Долой предательство реформистов, 3) против войны с СССР, 4) За рабоче-крестьянское правительство. По тому же типу развивалось движение в Греции: экономическая борьба крупнейшего отряда пролетариата (табачников), поддержанная остальными отрядами рабочего класса, перерастает в борьбу против правительства. Не лозунги рабочего контроля и национализации мобилизуют рабочий класс и подымают экономическую борьбу на высоту напряженной политической борьбы. Выступление крупного отряда рабочего класса, мобилизация вокруг этой борьбы всех или почти всех рабочих других отраслей промышленности непосредственно переходит в борьбу против правительства, в атаку накоротке на узловую позицию противника—государственную власть. Эта схема развития событий в основных чертах, несомненно, повторится и в ближайших крупных столкновениях. Соответственно этому основная задача коммунистических партий заключается в подготовке крупных экономических движений, в расширении фронта борьбы и привлечении других, в первую очередь связанных с движением, отраслей промышленности, наконец, в раз'яснении политического смысла борьбы и популяризации таких политических лозунгов, которые выдвигают на первое место борьбу против правительства, социал-демократии и опасности войны. Таким образом, лозунг расширения фронта борьбы является необходимым звеном коммунистической стачечной стратегии. Однако, к сожалению, он проводится в жизнь неумело и непрактично. Пишутся статьи. Статьи варьируют эту мысль на разные лады. Но очень редки, почти единичны случаи, чтобы какой-либо из крупных компартий удалось провести широкую и успешную кампанию солидарности бастующим даже в своей стране, не говоря уже о солидарности интернациональной. Маленькое, казалось бы, практическое дело организации сборов для поддержки бастующих поставлено из рук вон плохо. Между тем, эти сборы могли бы сыграть громадную роль, создавая ту атмосферу сочувствия и поддержки стачечников, при которой гораздо легче осуществить лозунг расширения фронта борьбы.

Встречаются и прямые отступления об общей тактической линии. Например, ошибкой берлинского движения металлистов (в Берлине в союзе металлистов компартия пользуется преобладающим влиянием в членской массе) было именно то, что движение разбилось на ряд последовательных

разрозненных выступлений отдельных профессий (токарей, формовщиков, инструментальщиков), рассеяв активность и недовольство рабочих.

Сказанное, конечно, представляет собою общую схему. Каждый экономический конфликт настолько своеобразен, что требует самого внимательного учета всех конкретных обстоятельств и всех особенностей положения. Вычитать из статей и книжек, что надо делать в той или другой ситуации, невозможно, хотя этим мы грешим очень и очень часто.

Есть, однако, все основания думать, что ход развертывающейся на наших глазах экономической борьбы многому научит сторонников Профинтерна. Наиболее замечательным в последних конфликтах труда с капиталом было то обстоятельство, что коммунисты уже выступали в качестве руководящей силы. Так было в стачке текстильщиков на севере Франции, в стачке гамбургских портовых рабочих, в лодзинской стачке и др. хотя и не всюду лозунги и директивы партии пользовались безраздельным влиянием на рабочую массу, борьба с реформистами за руководство стачкой шла зачастую с переменным успехом, но всюду мы выступали, как сила, которая не только хочет руководить, но и может эту задачу выполнить. И всюду нам удавалось вырвать из-под влияния реформистов известные слои рабочих, которые примыкали к нам в процессе борьбы. Это т о н о в о е, что принесли движения осени 1928 г. К сожалению, мы еще не в состоянии детально проработать опыт этих движений, которые безусловно выдвинут ряд новых проблем.

Даже в беглом очерке, опуская ряд других вопросов, непосредственно относящихся к тактике экономической борьбы, нельзя пройти мимо государственного арбитража. Этот институт, введенный почти во всех европейских странах, получил особенное развитие в Германии. Здесь он сделался настоящим бичом экономической борьбы. Насколько широко практикуется государственный арбитраж, можно судить хотя бы по тем неполным данным, которые приводят реформистские источники. Так в текстильной промышленности Германии в 1927 г. был 371 случай движения, в целом обнимавшего 3.027.207 рабочих [1]). Из этого числа для 2.239.465 рабочих (74%) конфликты служили предметом разбирательства в государственных арбитражных инстанциях, из них для 1.007.384 рабочих арбитражные решения были об'явлены обязательными. В швейной промышленности конфликты охватывали 347.279 участников; для 230.753 они были закончены при участии государственного арбитража. Тов. Ф. Геккерт в № 37 «Коммунистического Интернационала» считает, что для 80% рабочих основных отраслей производства (горной, металлической, текстильной, химической, строительной, деревообделочной и бумажной) заработная плата в 1927 году была определена в порядке арбитража. Государственный арбитраж не только связывает борьбу рабочих, не только запрещает эту борьбу (обязательные решения!), но и открывает новые возможности для маневрирования реформистов. Последние всюду и везде проводят принцип безусловного подчинения арбитражу, но в то же время не прочь представить дело таким образом, что они «вынуждены» подчиниться. Столь широкое вмешательство государства в экономическую борьбу не могло не вызвать соответствующей реакции в рабочей массе. Это сказалось даже на Гамбургском с'езде профсоюзов, где господа реформисты призадумались над все растущей волной недовольства, грозящей сломить и сорвать арбитражный институт. Пытаясь спасти идею сотрудничества классов, с'езд вынужден был рекомендовать более широкую практику третейского (не государственного) арбитража. Мы с своей точки зрения можем быть довольны этим решением, как симптомом того запутанного положения, в котором все глубже завязают реформисты.

[1]) Здесь учтены не только стачки и локауты, но и другие случаи конфликтов по поводу условий труда.

Выдвинутое в свое время Брандлером и поддержанное некоторыми примиренческими товарищами положение об «использовании» арбитража, конечно, ни в какой степени не может определять нашего отношения к этому институту. Как можем мы использовать арбитраж, который достаточно уже используется против рабочего класса, против нас? Мы используем, правда, некоторые учреждения буржуазной государственности, напр., парламенты. Но используем мы их, как средство мобилизации масс при выборах, как трибуну для популяризации наших лозунгов в промежутках между выборами. Никаких подобных возможностей арбитражные суды и комиссии нам не предоставляют. С другой стороны, была бы неправильна и голая формула саботажа и бойкота арбитражных инстанций. Активная мобилизация рабочих масс для борьбы против системы государственного арбитража, разоблачение и дискредитация этого института и, пожалуй, самое главное—организация стачек вопреки и против арбитражных решений, сколько бы ни об'являл их обязательными социал-демократический господин министр труда—таково должно быть наше отношение к арбитражу.

* * *

Последствия стабилизации капитализма сказались отчасти в том, что упадок численного состава реформистских организаций приостановился. Это относится к Амстердамскому Интернационалу в целом, но особенно ясно проявляется эта тенденция в Германии, где реформистские союзы в течение 1927 года увеличили свой членский состав почти на полмиллиона (482.000). Особенно заметен быстрый рост союза металлистов (20,8% прироста в течение года). Эти факты свидетельствуют, конечно, о дальнейшем оживлении рабочего движения и под'еме активности рабочих, что на первых этапах приводит к некоторому кажущемуся росту сил реформистов. Чрезвычайно интересно проследить, как отражается на внутренней жизни профорганизаций переживаемый нами период под'ема рабочего движения, какое новое соотношение сил создает этот под'ем. Первое, что бросается при этом в глаза—это большая инерция профсоюзной жизни, ее так сказать отставание. Те явления, которые наметились уже совершенно ясно в общеполитической жизни страны, находят свое выражение в жизни профорганизаций значительно позже. Парламентские выборы во Франции и в особенности в Германии свидетельствовали о большом сдвиге в рабочем классе в сторону коммунизма. Кампания против постройки нового броненосца в Германии, к сожалению, недостаточно нами использованная, все-таки показала совершенно ясно отрыв новых слоев рабочих из-под влияния реформистов. В профессиональном движении эти тенденции проявляются впервые лишь осенью нынешнего года в процессе последних стачек и локаутов. Еще летом 1928 года при выборах на с'езд Германского союза металлистов относительный прирост голосов у социал-демократов был больше, чем у коммунистов. Еще до последнего времени мы не могли констатировать определенной тенденции к росту ни французских, ни чехо-словацких революционных союзов. В этом сказываются не только общие условия работы в профорганизациях, конечно, до известной степени об'ясняющие более медленный темп развития наших успехов в профдвижении. Сказывается также и далеко недостаточное внимание, уделяемое профработе европейскими компартиями и отсутствие необходимой системы и планомерности в этой работе. В числе прочих причин, обусловливающих слабость наших позиций в профдвижении капиталистических стран, это обстоятельство играет не последнюю роль. Даже у очень выдержанных, казалось бы, товарищей наша слабость вызывает иногда сомнения в возможности завоевания нами профсоюзных организаций: к чему-де завоевывать союзы, если придет революция и решит все проблемы профдвижения, свергнув вместе с буржуазией и реформизм? Громадное значение приобретают поэтому работы IV конгресса Профинтерна и в особенности VI конгресса Коминтерна, со всей выпуклостью подчеркнувшие важность и первоочередность профработы. Программа Коммунистического Интернационала, выдвигая задачу «овладения профсоюзами, этими действительно массовыми организациями рабочего класса, связанными с повседневной его борьбой», свидетельствует о том, что основная установка нашей работы в профсоюзах не изменяется. Эта общая установка теснейшим образом связана с задачей привлечения на свою сторону большинства рабочего класса, с необходимостью повседневной, преданной и терпеливой работы внутри профсоюзов. В рамках этой общей установки мы обостряем свою борьбу против реформизма социал-демократии.

В области профсоюзной работы обострение борьбы с реформизмом сказывается не только в усилении исключений и репрессий против отдельных коммунистов. Оно приводит к тому, что реформисты пытаются расколоть движение, изолировав те организации, в которых мы уже пользуемся преобладающим влиянием. История Базельской организации, Шотландского союза горняков и раскол профдвижения в Греции служат наглядным тому подтверждением. В Швейцарии реформисты под формальным предлогом исключили из общешвейцарского профоб'единения Базельский картель (Совет профсоюзов). Действительной причиной исключения был тот факт, что в Базеле из 15.000 организованных рабочих только от 3—5.000 находятся под влиянием реформистов. Подавляющее большинство организованных рабочих Базеля идет под руководством компартии. Это стало особенно опасным для профсоюзных бонз в связи с перспективой общего полевения рабочих масс. Реформисты не остановились перед созданием в Базеле нового картеля, к которому примкнули лишь незначительные и маловлиятельные реформистские союзы. Этот новый картель получил, конечно, такой устав, который фактически обеспечивает сохранение руководства в руках реформистов при любом составе входящих союзов.

Еще более откровенно действовали реформисты в Шотландии. Выборы в крупнейших организациях союза горняков—Файфе и Ланаркшире, обеспечили переход руководства общешотландской федерации горняков в руки сторонников движения меньшинства. Реформистские лидеры попросту не созывают общешотландскую конференцию, игнорируя голосование горняков и продолжая выполнять те функции, на которые они никаких полномочий не имеют.

В Греции в мае 1928 года состоялся с'езд профсоюзов. На этот с'езд не было допущено 129 представителей, главным образом крупнейшего в Греции профсоюза табачников, находящегося в руках левых элементов. На самом с'езде реформисты имели 277 голосов против 149. И это после неслыханной по грубости фальсификации громадного числа реформистских мандатов, представляющих сплошь и рядом организации, никогда не существовавшие и буквально купившие за счет предпринимателей право присутствовать на с'езде. Не подлежит никакому сомнению, что подавляющее большинство профессионально-организованных рабочих Греции выбрало на с'езд представителей левого крыла. На 3 день с'езда левое крыло было исключено «как беспорядочный элемент», который «не перестает чинить препятствия нормальному ходу работ с'езда». Реформисты, или точнее социал-фашисты, как зовут их в Греции, побоялись дать политическое обоснование своему раскольническому шагу.

Эти события, разыгравшиеся в конце 1927 г. и начале 1928 года, показывают, что реформисты, раз решив итти на раскол, проводят все свои раскольнические операции очень решительно, не останавливаясь ни перед чем. Особенно характерно полное пренебрежение к голосованиям широких союзных масс. Потеряв влияние в данном районе или союзе, реформисты все свои

усилия направляют на удержание в своих руках союзных инстанций; если же это невозможно, то создают новые организации, как бы незначительны они ни были.

Наиболее благоприятные позиции для ответа на реформистский раскол находились в руках левого крыла в Греции. То влияние, которым пользуется левое крыло в рабочих массах, значительно сильнее влияния реформистов. Исключение революционных элементов со с'езда союзов поэтому не угрожает нам изоляцией от рабочего класса. Эта перспектива угрожает скорее социал-фашистским верхушкам, не имеющим в своих руках крупных организаций. Исключенное со с'езда левое крыло вместе с недопущенными на с'езд делегатами табачников и других союзов собралось немедленно на конференции, которая создала временный руководящий центр исключенных союзов. Создание постоянного, правильно функционирующего об'единения союзов, стоящих на платформе классовой борьбы, представляет собою ближайшую задачу дня, которую греческое профдвижение выполнит безусловно успешно. Тем самым греческое движение, подобно движению других балканских стран, будет развиваться по типу стран с расколотым движением.

Значительно сложнее была задача революционных элементов в Швейцарии и в Англии. И Базель и шотландские горняки представляют собой отдельные, правда, крупные организации, где влияние коммунистической партии значительно сильнее, чем в остальных районах страны. Это, так сказать, передовые позиции, которые реформисты пытаются обойти и отрезать от остальной массы профессионально организованных рабочих. Но и в этих случаях тактика пассивности и капитулянтства не привела бы ни к чему, кроме дезорганизации наших рядов, потери нашего влияния. Правильность этого утверждения может, к сожалению, засвидетельствовать опыт шотландского союза горняков. Вялая и недостаточно активная позиция наших товарищей, до сего времени не перешедших в решительную контратаку против реформистских бюрократов, окопавшихся в правлении Шотландской Федерации, затянула разрешение конфликта. Недостаточное раз'яснение наших общих задач позволило известным, менее сознательным, слоям рабочих рассматривать всю борьбу, как склоку вождей. Все это уже сказалось в упадке членских взносов, в некотором понижении общей активности рабочих. Поправить создавшееся положение может только переход к более решительным действиям, ставящим своей целью сломить саботаж правления, упорно не сдающего своих постов.

Удачнее сопротивлялись реформистским раскольникам базельские товарищи. Требование реформистов о роспуске старого картеля не было выполнено. Попытка разрушить старый картель, предписав отдельным союзным организациям выйти из его состава, не удалась. В первом туре борьбы реформисты, таким образом, потерпели поражение—им не удалось ни разрушить нашей организации, ни исключить базельские союзы. Не последнюю роль сыграла здесь твердость и решительность в защите занятых нами позиций и активная борьба против раскольнической тактики реформистов путем апелляции ко всем рабочим Швейцарии. В дальнейших перипетиях этой не закончившейся еще борьбы решающее значение также будет иметь мобилизация рабочих масс для борьбы против раскола.

Все эти события показывают, что привлечение на свою сторону большинства рабочего класса и даже большинства профессионально - организованных рабочих, являясь основной задачей нашей работы в профсоюзах, не исчерпывает еще полностью проблемы овладения профсоюзами. Остается еще задача организационного оформления нашего влияния, которая не может быть решена без систематической подготовительной работы. При любой из попыток профсоюзных верхушек расколоть движение наши позиции и наша борьба против раскола оказываются тем успешнее, чем большее количество

местных союзных организаций или даже целых союзов (табачники в Греции) находится в руках революционных элементов. Переход низовых организаций под влияние революционного крыла проходит, конечно, тоже не безболезненно. Но здесь на фабрике и заводе реформистам будет труднее удерживать свои позиции таким простым саботажем принятых решений, как это имело место в Шотландии. Бешеное сопротивление реформистов возрастает в прогрессивной пропорции по мере того, как борьба эта сосредоточивается вокруг более важных и значительных центров профдвижения. Неизбежное на дальнейших этапах обострение классовой борьбы сулит реформистам перспективу изменить соотношение сил, конечно, не в их пользу. Отсюда усиление их раскольнической деятельности в профсоюзах.

Наиболее опасным для Коммунистического Интернационала и для дальнейшего развития профработы компартий являются в настоящее время правые и примиренческие тенденции. Взгляд Иоганна Эффеля, признающего возможность идейного завоевания реформистской бюрократии, означает надежду привлечь на свою сторону заведомых агентов буржуазии. Практически эта позиция стирает всякую разницу между коммунизмом и реформизмом, означает переход на позиции «левого» реформиста, фрондирующего против слишком откровенных своих правых коллег, но надеющегося их переубедить и на них повлиять. Отсюда тянется целая гамма переходов вплоть до тех товарищей, которые имеют «только одно» замечание к решениям IV конгресса Профинтерна: нельзя-де так резко обзывать амстердамцев штрейкбрехерами и орудием капиталистов—рабочие не поймут этого, мы ослабим только свое влияние. Не в первый раз при этом ссылаются на мнимое непонимание рабочих те товарищи, которые сами не понимают эволюции реформистов и не понимают своей задачи эту эволюцию раз'яснить и показать на практических примерах штрейкбрехерскую роль амстердамцев и их служение капитализму. В вопросах борьбы с реформистским раскольничеством все эти различные по степени концентрации устремления ведут к тому, что реформистские мероприятия не встречают должного энергичного отпора, главное же не сопровождаются совершенно необходимой борьбой за привлечение рабочих масс к активным выступлениям против исключений, расколов и т. д., и т. п. Обращение к рабочей массе—это единственное реальное оружие в наших руках для борьбы с реформистами против раскола. Не использовать это оружие значит быть разбитыми.

Было бы противоположной крайностью итти с легким сердцем навстречу раскольническим мероприятиям реформистов. Выступая всегда и всюду за единство рабочего класса, мы, естественно, не можем под этим единством понимать единство с реформистскими бюрократами. Но реальный учет наших сил и состояния работы в крупнейших капиталистических странах диктует нам необходимость давать решительный отпор раскольническим попыткам реформистов, изыскивая все возможности продолжать работу в существующих союзах вопреки преследованиям, травле и исключениям. Эта тактика, конечно, будет, видоизменяться в зависимости от соотношения сил в каждой отдельной стране, от конкретной ситуации и т. д.

Задачи нашей работы внутри существующих, главным образом реформистских, союзов теснейшим образом связаны с проблемой организации неорганизованных. Реформистские союзы в Германии, как мы видим, вступили в полосу роста своего членского состава. Но в Англии и в особенности в Америке мы имеем обратный процесс. Наиболее ярко сказывается упадок американских союзов. Даже официальная статистика союзов, дающая заведомо преувеличенные данные о членском составе, со всей ясностью рисует упадок в особенности тех союзов, которые были до сих пор наиболее массовыми, по американским, конечно, понятиям, организациями. Последним крупнейшим фактом такого рода был крах известного Льюисовского союза гор-

няков, который в результате кризиса, связанного главным образом со стачкой в Пенсильвании-Огайо, потерял половину своего членского состава. Американские союзы окончательно выродились в кастовые союзы рабочей аристократии, которые никогда, повидимому, не поставят перед собой задачи собрать в своих рядах крупные массы рабочих. Продажность и делячество лидеров этих союзов общеизвестны. Громадному по численности пролетариату Америки грозит перспектива остаться неорганизованным или попасть в руки таких организаторов как S. W. W., если за дело организации неорганизованных не возьмется молодая коммунистическая партия Америки. Почин этому делу положен осенью нынешнего года организацией нового союза горняков, создавшегося в результате продолжительной, кончившейся поражением стачки в Пенсильвании-Огайо, и образованием нового союза текстильщиков, который сложился в результате деятельности стачечных комитетов во время Нью-Бедфордской стачки текстильщиков. Рано еще говорить об успешности этих первых попыток. Оба союза едва только закончили свои учредительные с'езды. Оба они привлекли к участию в этих с'ездах по несколько десятков тысяч рабочих. Слишком много зависит еще от того, в какой мере организаторы союзов окажутся в состоянии справиться с задачей вовлечения широких масс рабочих и их об'единения в крепкую организацию. Несомненно, однако, что вся об'ективная обстановка как нельзя более благоприятствует осуществлению этой задачи и что коммунистическая партия Америки имеет все возможности занять твердую боевую позицию в рабочем движении. Назревает необходимость обратиться к созданию нового союза и среди моряков Англии. Первый организатор английских моряков Хавелок Вильсон, сохранивший в своих руках почти монополию представительства их интересов, повел свою организацию по пути американизма. Его тесная связь с капиталистами, его штрейкбрехерская роль во всех движениях, в особенности памятная нам по генеральной стачке 1926 года, все это заставило даже конгресс трэд-юнионов в Сванси исключить союз Хав. Вильсона из числа примыкающих к Генсовету. За дело организации моряков берется теперь Бевиновский союз транспортников и чернорабочих, которому Вильсон согласен передать свою организацию. Можно ли сомневаться в том, что секция моряков при союзе Бевина во всех своих существенных чертах будет продолжать славные традиции Вильсоновского союза?

Революционная работа в профсоюзах развивается, преодолевая на своем пути большие трудности. Сплоченным фронтом выступают против революционных элементов и правительства, и капиталисты, и социал-демократия, каждый разыгрывая свою особую роль, облегчая друг другу взаимное маневрирование. Но главные трудности лежат не здесь. Даже в самых тяжелых, невероятных условиях работы, напр., в фашистской Италии, Польше, под господством белого террора в Китае, находят революционные элементы свою дорогу к рабочей массе. Главные трудности заложены в том, чтобы при всех условиях и с учетом всего своеобразия положения в каждой стране в отдельности, через все этапы растущего под'ема рабочего движения суметь вести рабочую массу, ставить ей конкретные цели революционной борьбы, сплачивать в крепкие организации. Решающие корни влияния реформизма и социал-демократии на рабочий класс заложены именно в профдвижении. Без этих позиций социал-демократия, может быть, численно и большая, останется только мещанской партией солидных господ и стареющих дам. Ненужная капиталистам, враждебная рабочим, она перестанет играть роль крупной силы в системе империализма. И величайшим препятствием для усиленной борьбы с социал-демократией являются те правые и примиренческие течения, которые в основе своей все еще рассматривают социал-демократию, как одну из партий рабочего класса.

Вполне понятно, что эти течения находят наибольший отклик среди тех коммунистов, которые работают в профдвижении. Именно им приходится чаще иметь дело не с авангардом, а с массой рабочего класса, сталкиваясь с предрассудками, отсталостью, предубеждением отдельных слоев рабочих. Но никогда еще не считалось коммунистической добродетелью превращать предрассудки отсталых слоев рабочих в коммунистические якобы убеждения. Политически вся позиция правых означает капитуляцию перед опаснейшим врагом—социал-демократией, а позиция примиренцев, как правило, эту капитуляцию прикрывает. С особенной ясностью бросаются в глаза эти тенденции в тех случаях, где мы сталкиваемся с левым крылом социал-демократии, где труднее вскрыть корни обмана, где чаще и сильнее возникают в рабочей массе и у части партийных товарищей иллюзии о возможности совместной работы с этими господами. Ведь, если от'явленных амстердамцев нельзя назвать штрейкбрехерами, как характеризовать тогда какого-нибудь левого радикального крикуна из социал-демократии?

Выборы на с'езд немецкого союза металлистов летом нынешнего года принесли нам наибольшие успехи в тех районах и округах, где социал-демократы выступали наиболее откровенно и грубо. Наиболее скромными были наши успехи в тех районах, где мы, как, напр., в Саксонии, боролись против левых социал-демократов. Мы не гарантированы, однако, ни против возможного усиления и роста влияния их левого крыла. Подготовить компартии к специфическим особенностям борьбы против штрейкбрехеров, щеголяющих радикальными фразами, одна из важнейших задач партийного руководства.

Революционное профдвижение вступает сейчас в новую фазу своего развития. Об'ективная обстановка толкает рабочие массы в нашу сторону, ускоряет разоблачение и подрыв влияния реформистов. От преодоления внутренних слабостей и недочетов движения зависит теперь, в какой степени сумеем мы использовать благоприятную обстановку.

Ев. Космин.

Украинские планы польского фашизма.

Украинский вопрос и подготовка к войне против СССР.

Империалистическая Польша, нетерпеливо подталкиваемая и всемерно поощряемая своими английскими наставниками и покровителями, деятельно готовит силы для нападения на Советский Союз. Поспешность, с какой Польша проводит ряд мероприятий по развитию своей военной промышленности, необычайная активность генерального штаба польской армии в деле установления идейной и технической связи с армиями прибалтийских государств и Румынии, популяризация Пилсудского в этих странах, как будущего вождя их об'единенных армий, участившиеся, наконец, поездки по столицам соседних с нами государств представителей французского генерального штаба—свидетельствуют о наступлении, очевидно, каких-то сроков.

В системе мероприятий по подготовке Польши к войне против СССР, вопросы внутренней ее политики, обеспечения тыла, играют первостепенное значение. Вообще говоря, всякая война польского империализма против СССР, исходя именно из соображений ее внутреннего положения, определяемого наличием обостреннейших социально-классовых и национальных противоречий в Польше, является, в конце-концов, не чем иным, как авантюрой. Это не значит, конечно, что голос разума заставит одуматься руководящие круги польской политики и натолкнет их на путь действительно мирного сожительства с Сов. Союзом. Не входя в обсуждение всей суммы вопросов внутренней политики польского правительства, связанных с подготовкой к войне, имеем целью осветить лишь планы и намерения его в украинском вопросе. Украинская проблема в Польше явится одним из важнейших факторов, определяющих социально-политическую обстановку в подготовляемой войне против Советского Союза. Из государств, включающих в расчеты своих антисоветских комбинаций и планов вопрос об Украине, Польша занимает особое положение. Именно, Польша является основным центром, инициатором и выполнителем целого ряда провокационных выступлений и выпадов против Советской Украины. Причины такого внимания Речи Посполитой к украинскому вопросу кроются прежде всего в национальном составе, населения польского государства. Семь миллионов обезземеленного и национально угнетенного трудящегося украинского люда, стихийно стремящегося к воссоединению со своим социалистическим отечеством, не выкинешь из общего баланса сил, призванных решать борьбу между трудом и капиталом на одном из ее важнейших участков.

Программа пилсудчиков.

Украинскому вопросу в самой Польше придается настолько большое значение, что по этой линии идет размежевание руководящих политических кругов Польши на два лагеря—лагерь пилсудчиков - федералистов, во главе с Пилсудским, и лагерь национал-демократический, об'единяющий все другие националистические реакционные элементы Польши.

Лагерь Пилсудского поставил себе целью воскрешение в том или другом виде старого государства Ягеллонов. По теории пилсудчиков, получившей название «федерализма», Польша только в том случае сохранит свою независимость, если одно из государств, между которыми она находится,—Россия или Германия—подвергнется постоянному процессу разложения. Надежды на разложение Германии, по мнению пилсудчиков, более чем сомнительны, ибо она представляет слишком мощный хозяйственный и национальный организм. Политика Польши в германском вопросе, поэтому, должна быть направлена к созданию франко-польско-германского соглашения, которое даст Польше возможность более активного и широкого участия в международной политике и развяжет Польше руки на востоке. Другое дело Россия.

Врагом Польши, польских традиций, системы государственности и культуры является, по мнению пилсудчиков, не сосед на западе, а сосед на востоке. Большевизм, по их представлению, смотрит на Польшу, как на барьер, поэтому первый удар его будет направлен на нее. Польша, являющаяся, по признанию самих пилсудчиков, в восточном вопросе связующим звеном интересов Англии и Франции, должна будет, таким образом, об'ективно-неизбежно превратиться в форпост этих государств. Проблема большевизма настолько обширна, что требует использования всех реальных факторов, могущих быть полезными Польше в осуществлении ее планов. Кроме того, революция в России, по теории пилсудчиков, вызвала в населяющих ее народах сепаратизм в небывалых еще размерах. Этот сепаратизм нужно использовать, пока еще не поздно, в интересах Польши. Пользуясь революционным хаосом, нужно заставить Россию отказаться от всех прав на земли, принадлежавшие Польше до первого раздела, при чем с помощью Польши на этих землях должны быть образованы «независимые государства», связанные унией или теснейшим союзом с Польшей. Особенно в этом отношении имеет значение «независимая Украина». Естественным врагом будущей «независимой Украины»—утверждают пилсудчики—будет всегда Россия, для которой обладание Украиной—вопрос жизни и смерти. Независимая Украина поэтому принуждена будет искать естественной опоры в Польше. Пилсудский и его лагерь, иначе говоря, выдвигают идею создания ряда буферных государств, осуществление которой отбросит советские республики к границам прежнего московского княжества. (Федералисты имеют в виду и Грузию и вообще народы Кавказа). Соответственно этой основной цели определяется и программа пилсудчиков в отношении нынешнего украинского населения Польши.

Учитывая, что национальные меньшинства составляют до 40% населения польского государства, тяготеющего в основной своей массе к Советскому Союзу, пилсудчики прямо заявляют, что с этим фактом необходимо постоянно считаться. Польское правительство, по их мнению, должно стремиться создать себе прочную опору среди наиболее «лойяльных» слоев, организаций и институтов украинского народа, исторически сложившихся на окраинах государства. В первую очередь таким «лойяльным» институтом будет православная церковь на Украине и Белоруссии, спокойное «соглашение» с которой может, мол, дать значительно больше польской государственности, чем различные уступки украинским и белорусским политикам. Теперешний же курс, взятый министерством исповеданий на Крессах, по мнению пилсудчиков, не отвечает симпатиям населения и является политической ошибкой. Министерство исповеданий не должно содействовать насильственной украинизации и белоруссизации церкви, ибо последняя проводится не по желанию белоруссов и украинцев, а лишь в целях политической игры с украинскими и белорусскими политиками. Для народных же масс более важным-де является сохранение обрядовых навыков в вопросах религии, чем формальная последовательность.

Министерство исповеданий должно поэтому сохранить полный «нейтралитет» во всех церковных вопросах, предоставив лишь католическому духовенству «содействовать» тому или иному течению на Украине или Белоруссии.

Далее, по мнению пилсудчиков, польское правительство должно проводить «благосклонно-нейтральное» отношение к росту белорусского и украинского национального сознания и культуры. Польская администрация на местах, по их мнению, должна допускать «лойяльных» белоруссов и украинцев к государственной службе без тех затруднений, какие ставятся сейчас.

На ряду с этим должны быть приняты всевозможные меры к улучшению администрации на Крессах. В вопросах экономических польское правительство должно главное свое внимание сосредочить «на восстановлении и укреплении среднего и мелкого крестьянского хозяйства». (Читай кулацкого. *Е. К.*). При помощи парцелляционной политики в аграрном вопросе правительство Пилсудского стремится «успокоить» восточные окраины, создать в среде крестьянства слой сельских «пилсудчиков», поддерживающих польский фашизм в его военных авантюрах против СССР.

Пилсудчики считают, что только при последовательном и строгом выполнении указанных мер будет возможна широкая и добросовестная «ассимиляция» украинского и белорусского населения. Без этого же на восточных Крессах государства положение никогда не будет «прочным и уверенным».

Раз'яснению этого курса политики польского правительства посвящены многочисленные статьи в польской прессе. Из них отметим характерную статью в «Пшеглонде Волынскем» от 16 ноября 1928 года под заголовком «Еще раз о том же». Статья показательна тем, что она написана с целью поправить и замазать провокационные выступления Волынского воеводы Юзефского и представить официальную точку зрения польской администрации на окраинах. Статья обращается ко всем тем, кто возражает против необходимости активизировать разрешение украинского вопроса в соответствии с интересами польской государственности. Исходя из весьма остроумной предпосылки, что «украинцев не удастся ни утопить в реке Стрий, ни полонизировать их в массе» автор считает, что интересы Польши требуют, «чтобы волынские земли, которые населяют преимущественно украинцы, остались неот'емлемой частью Речи Посполитой, независимо от тех исторических перемен, которые произойдут у восточного соседа. Концепция о неизбежности образования независимой Украины, абсолютно верная и неизбежная, прекрасно мирится с государственной ассимиляцией украинского народа, живущего в пределах Речи Посполитой... Формулируем наши мысли. Украина будет. Волынь в ее нынешних границах останется основной частью Польши. Украинцы, живущие на нашей территории, могут стать преданными Польше гражданами... Мы не являемся детьми и прекрасно знаем, что эта линия встречает препятствия как с польской (имеется в виду точка зрения национал-демократов, требующая национальной ассимиляции украинцев. *Е. К.*), так и украинской стороны, но просим указать другой путь».

Программа национал-демократов.

Правые польские партии настроены против федералистической программы Пилсудского. Они считают, что экспансия Польши на восток, стремление в той или иной форме захватить Украину будет постоянно служить источником войны. Кроме того, она способствует развязыванию национальной и классовой борьбы в Польше, чего последняя должна бояться больше всего.

Основное стремление Польши должно быть направлено к захвату Балтийского побережья. Реализация такого плана в Прибалтике приведет к быстрой индустриализации Польши, к развитию городов, вообще «к прогрессу западной цивилизации»,—так гласила программа национал-демократии, обоснованная ее идеологом Ст. Грабским.

Иначе говоря, политика национал-демократии шла по линии ослабления Германии. Для выполнения этого плана национал-демократия выдвигала определенную программу и по национальному вопросу. Польша должна быть не государством национальностей (с буферами или без буферов), а национальным государством.

Целью польской политики по взглядам национал-демократии является прежде всего обеспечение целости польского государства, тесное об'единение территорий, населенных национальными меньшинствами с национальной польской территорией. Это полное об'единение может быть достигнуто путем расширения на восток польского земледелия, промышленности и торговли, польского языка и цивилизации, вместе с государственной и культурной ассимиляцией находящегося там украинского и белорусского населения. Национальную политику на Крессах (восточные области), нужно вести так, чтобы через 10 лет в Польше не было ни украинского, ни белорусского вопросов. Польская экспансия на польско-украинские земли является актом не политическим, а социологическим, и это движение польского населения на восток создается самой жизнью. Его необходимо урегулировать таким образом, чтобы оно не шло в разрез с польской ассимиляционной политикой.

Соответственно взглядам и политике национал-демократов складывались и взаимоотношения между польской государственностью и украинским движением до майского переворота. В Восточной Галиции, где наибольшей организованностью и политическим влиянием обладали украинские национал-трудовики, проповедывалась полная непримиримость в отношении Польши. Выборы в сейм в 1922 году прошли при полном бойкоте украинцев. Ни одна украинская партия Восточной Галиции в выборах участия не приняла. Исключение составляла только группа «хлиборобов», организованная польской дефензивой. После 1923 года, когда вопрос о принадлежности Восточной Галиции был разрешен Советом Послов, и после известной стабилизации польского государства в среде украинских мелкобуржуазных партий начали развиваться соглашательские течения. Лидеры украинских партий попрежнему провозглашали непримиримые лозунги, но по существу не прочь были пойти с польским правительством на целый ряд компромиссов. Политика Станислава Грабского не давала, однако, никакой платформы для подобного рода компромиссов, и все лучшие соглашательские чувства мелкобуржуазных украинских партий остались неиспользованными. Однако, в сейме их представители вели чрезвычайно оппортунистическую политику, идущую в разрез с интересами широких трудовых украинских масс. Ведя по существу соглашательский курс, украинские мелкобуржуазные партии под защитой лозунга «опираться на собственные силы» проводили в своей прессе и в своих политических выступлениях достаточно резкую борьбу против советофильских настроений украинского крестьянства.

Положение после майского переворота.

После майского переворота Пилсудского в официальной польской политике в украинском вопросе произошел ряд важных изменений. Широкие внешнеполитические планы Пилсудского, поддерживаемые и извне, требовали примирения или, во всяком случае, сближения Польши с украинской буржуазией и создания новой политики, в противовес опасным харьковским «экспериментам», под которыми имелась и имеется в виду вся политика советской власти в национальном вопросе и вытекающие из нее практические мероприятия по ее действительному осуществлению.

Учитывая улучшение международных позиций Польши и примирительные настроения украинской буржуазии, связанные с частичной стабилизацией, Пилсудский нашел, что наступило время для проведения ряда «реформ» и действительно пошел на некоторые уступки украинцам. Прежде всего сказалось это в области школьной политики. Частные украинские гимназии в Луцке, Ровно и Кременце получили государственные права, а затем был издан циркуляр об обязательном изучении украинского языка и в польских школах в Восточной Галиции. Украинский язык был введен также и в польских гимназиях Волыни. В общем мероприятия польского правительства на Крессах свелись к следующему:

а) Сейчас нигде в официальных правительственных учреждениях в бумагах не употребляется слово «русин», а только «украинец».

б) Вывески во всех народных школах на северо-западных украинских землях пишутся на двух языках—польском и украинском.

в) В польских гимназиях на украинских землях преподавание украинского языка проводится самым решительным образом, несмотря на протесты во многих местах со стороны осадников. Преподавателями являются по большей части украинские эмигранты (Модест Левицкий и др.).

г) Во многих уездных сеймиках много должностей предоставлено украинцам, правда, по выбору старосты, отвечающего за политическую благонадежность выдвигаемых кандидатур.

д) Украинская эмиграция и ее верхушка привлекаются к работе в правительственных учреждениях, им предоставляют часто даже очень видные посты. Это украинское чиновничество начинает агитировать среди украинской интеллигенции за примирение с польской государственностью, доказывая, что в Польше еще можно жить и во всяком случае лучше, чем под большевиками.

е) Просвиты более легко начали получать разрешения на спектакли, собрания и лекции, чего раньше никогда не было. Мелкие придирки к ним прекратились, а в ряде уездов старосты ежемесячно даже ассигнуют по паре десятков злотых на каждую из сельских просвит в уезде.

ж) Православное духовенство было до последних лет самым непримиримым противником польских властей: от них отняли землю и гражданство. Сейчас в отношении духовенства политика польского правительства резко изменилась. Им без шума тихо отдают землю и принимают в польское гражданство. Духовенство утихло, примирилось с польскими властями, а во многих местах пошло к нему на службу.

з) На должность сельских учителей начали за последнее время назначать петлюровцев и давать им польское гражданство. Благодарные, изголодавшиеся за прошлые годы эмигранты из кожи лезут вон, чтобы оправдать доверие.

Особое внимание за последнее время польское правительство и его администрация на местах уделяют вопросам экономического развития на украинских землях. Так, например, некоторым украинским кооперативным банкам по директиве правительства начали выдаваться субсидии и кредит. Размеры этой помощи, конечно, ничтожны, они не превышают нескольких сот злотых на первичное коолеративное об'единение. Но политическое значение этого факта значительно превосходит его экономический эффект. Дело в том, что условием получения субсидии или кредита польское правительство ставит политическую благонадежность данного кооперативного банка, домогающегося помощи. Подтверждением ее могут быть свидетельства о благонадежности, выдаваемые старостатами и воеводствами. Естественно, что большинство украинских банков, руководимых так называемыми угодовцами из народно-демократического об'единения, наперебой стараются доказать свою лояльность к польскому правительству. Учитывая же, что кооперативы на ряду с просвитами являются единственными хозяйственными, культурными, а часто и политическими центрами украинского крестьянства, принимающими активное участие в проведении всех важнейших политических кампаний (выборы в сейм), не трудно уяснить, какие громадные политические выгоды польское правительство надеется извлечь из своих нищенских подачек.

Другим примером того, как под прикрытием мнимой экономической помощи польское правительство стремится накопить политический капитал среди украинского населения, является организованная им в октябре 1923 г. волынская хозяйственная выставка. Выставка эта, по словам вице-воеводы Дзевалтовского, должна была «демонстрировать прочную стабилизацию не только хозяйственной, но и общественно-политической жизни восточных окраин Польши, которые еще недавно были плацдармом военных действий.

Интересную иллюстрацию способов, при помощи которых польская администрация на украинских землях пытается вызвать к себе симпатии украинского населения, дает описание в воеводском органе на Волыни «Пшеглонд Волынски» в № 33 за сентябрь экскурсии сельской молодежи в Варшаву и Познань, организованной польскими учреждениями образования на Волыни. Уже самый национальный состав участников экскурсии, организация ее и руководство раскрывают политическую цель этого акта. Из 43 участников украинцы составляли 34 человека, поляки—8, евреи—1. Во время путешествия украинцам разрешено было «даже» петь свои национальные песни (очевидно, в польской республике национальная песня является таким доказательством свободы, что о нем находят нужным с подчеркиванием писать в правительственной прессе). Описывая далее посещение польских театров в Варшаве, ознакомление экскурсантов с учреждениями познанской польской кулацко-помещичьей колонизационной организации на восточных окраинах «Кулко Рельниче, автор статьи выбалтывает политический смысл экскурсии: «Хлебороб хлеборобу всегда был бы братом, если бы между ними не становился кто-то третий, кто везде сеет семя ненависти».

Польские фашисты на положении „партизан".

На ряду с политикой заигрывания польское правительство пытается обеспечить свои позиции на украинских землях и более реальными мерами. Мероприятия по насаждению на Крессах осадничества (польское казачество), проводятся с неослабной энергией. Деятельную помощь в этом смысле польскому правительству оказывают помещики, владеющие крупными латифундиями на окраинах. Так, например, волынские землевладельцы составили фонд в 1 миллион злотых, который передали в распоряжение штаба организации легионеров, ведающего вербовкой, отбором и посылкой осадников. Такой же фонд создается и помещиками белорусских земель. Несмотря, однако, на все меры поощрения, на материальную помощь, привилегии, высокое звание истинного польского патриота, желающих продать себя польским помещикам приходится искать днем с огнем. Об этом совершенно недвусмысленно заявляют сами руководители «союза легионеров», являющегося, как известно, организацией, проводящей практически осадничество. По их словам, «организация не располагает людьми, согласными итти в осадники». Не более блестяще обстоит дело и с вербовкой на окраинах в союз легионеров и организацию «стржелец», эту опору польского фашизма. Так, последние данные о состоянии организации по отдельным воеводствам, показывают, что союз легионеров и организация «стржелец» охватывают по полесскому воеводству около 0,5% всего населения Полесья, при наличии среди него 24,3% поль-

ской национальности, по Волынскому — 0,62% при 16,8%, по Подольскому — 0,8% при 45%. Главным и основным препятствием для более успешного расширения кадров польского фашизма является отношение к соответствующим организациям самого населения. В этом смысле национальный момент не играет решающей роли. Размежевание идет, несомненно, по классовой линии. Так, беря ряд воеводств с преобладающим польским населением, видим, что в познанском воеводстве соответствующие цифры таковы: легионеров (по отношению ко всему населению)—0,20% при 89,5% польского населения, в лодзинском—легионеров и стрельцов—около 1% при 83,2%, в люблинском—около 2% при 85,4% и т. д. Классовая борьба (Лодзь, Люблин), неразрешенная аграрная проблема (Познань), национальное и классовое угнетение (восточные воеводства) весьма выпукло проглядывают из этих сухих, увы, печальных для польского фашизма цифр. Необычайно яркую картину действительного отношения населения окраин к политике польского правительства рисует заявление одного из помещиков, сделанное на последнем с'езде полсудчиков: «Польские землевладельцы на Крессах не могут открыто придерживаться осадничей политики. За скрытую поддержку помещики расплачиваются поджогами, уничтожением посевов, травлей скота. Польские помещики на Крессах чувствуют себя теперь хуже, чем раньше. Их положение напоминает 1921 год, когда никто не был уверен, что проснется утром в своей кровати... Надо создавать самооборону и кадром этой самообороны должны быть легионеры...». Необходимо, по его мнению, «воздействовать на легионеров из Великой Польши в том смысле, чтобы они охотнее брали земли из осадничего фонда». Такие же вопли о помощи слышим от всех представителей восточных воеводств Польши. На Волыни, например, «мы (легионеры. *Е. К.*) чувствуем себя, как партизаны в тылу у противника. Прилив осадников несколько укрепил нас, но зато озлобил против нас сельское население».

Ту же картину по существу, но другими словами, рисует и польская пресса. В июльском № 1928 г. «Земи Влынской» автор статьи «Нельзя совершать ошибку сотрудничества» бьет тревогу по поводу того, что «просвиты», по его соображениям, являются настоящими большевистскими очагами, работающими на большевистские деньги, и уже не ограничиваются Волынью, а вторгаются в стены «нашей столицы» с пением «Ще не вмерла Украïна». Автор дает весьма характерную картину состояния украинского села. Последнее, по его мнению, «кипит и протестует при одной мысли о мирном сожительстве и сотрудничестве с польской государственностью», хотя,— говорит автор,—«необходимо отметить, что часть украинских граждан, особенно старшего поколения, лойяльна по отношению к Польше и не ведет антигосударственной политики, не давая себя тем самым использовать враждебной агитации».

Нельзя пожаловаться на то, что польские помещики и фашисты недостаточно красочно описывают нежные чувства, питаемые к ним украинским и белорусским крестьянством. Недвусмысленно характеризуют они и собственное свое самочувствие. Для полного колорита недостает лишь движимого зоологической ненавистью вопля русского монархиста и помещика Шульгина: «пулеметов сюда, пулеметов!»

Несмотря, таким образом, на политику заигрывания с националистически настроенной мелкобуржуазной украинской интеллигенцией и беспощадно проводимую политику угнетения широких трудовых масс украинского населения, действительные настроения последнего не сулят ничего утешительного для господствующих классов польского государства. Львовские события лишь слабая иллюстрация проявления этих настроений.

Украинский вопрос на международной арене.

Принципиально украинскому движению, как таковому, правда, в различной степени «симпатизируют» все государства мира. «Симпатии» эти выражают понимание прежде всего того несомненного обстоятельства, что образование независимого и, во всяком случае, враждебного Советскому Союзу украинского государства составляет необходимую предпосылку для политической и экономической стабилизации Европы. Во-вторых, что образование «независимого» украинского государства мыслимо лишь в результате войны на Востоке Европы между Польшей и СССР, финалом которой будет поражение последнего. Государством, наиболее заинтересованным в образовании «независимой» Украины, является Польша, которая имеет наибольшие связи с украинским национальным движением и для которой осуществление идей этого движения является прежде всего прямым интересом собственной безопасности и успеха экономического развития. С международной точки зрения это означает сужение базы большевизма, осуществление первого этапа подрыва его экономической и политической базы и подготовки ликвидации советского строя вообще. Интересы Польши, следовательно, совпадают с интересами Франции, Чехо-Словакии и Румынии, отсюда создается и поддержка со стороны этих стран украинскому движению, которая усиливается тем, что образование «независимого» украинского государства понимается в Лондоне, как положительный фактор для всей вообще политики Великобритании в отношении СССР.

Международное «признание» украинского вопроса нашло свое выражение в факте утверждения генеральным секретариатом Лиги Наций бывшего петлюровского министра Шульгина официальным представителем украинцев в комиссариате по делам эмигрантов б. России. Этот акт Лиги Наций имеет чисто политический характер. Он означает, что Лига Наций взяла на себя задачу покровительства и поддержки украинского белогвардейского движения. Характерно, что приглашение Шульгина произошло по настояниям Англии и Польши.

В последнее время польская политика стремится расширить круг государств, непосредственно заинтересованных украинским вопросом. К их числу относится прежде всего Италия. Летняя поездка 1928 г. в Рим Залесского дала повод газете «Курьер Лудзки» (одна из наиболее старых польских газет) в одном из своих майских номеров неосторожно выболтать намерения Польши и цель предстоящей поездки. Говоря о сближении Италии с Польшей, газета детализирует экономическую роль Черного моря и прямо указывает Италии пути к ее экономической экспансии. Она говорит: «Ведь эти побережья составляют прекрасный доступ к Украине с ее сельскохозяйственными и ископаемыми богатствами. Ведь через эти побережья ведет кратчайший путь к богатствам Кавказа и к закавказским и прикаспийским нефтяным источникам. Если бы Италия добилась выгодных условий для своего экономического проникновения на эти громадные, и весьма богатые территории, то она на долгое время разрешила бы свою проблему перенаселения и промышленной сверхпродукции. Балканско-средиземноморский блок очищает и сокращает Италии путь к этим восточным и северным берегам Черного моря в случае, если какой-нибудь новый, многими долгожданный русский переворот создаст достаточно благоприятные условия».

Как видим, Польша не стесняется в оплате и щедрой рукой раздает богатства Советского Союза всем, соглашающимся участвовать в ее предприятии.

Обособленное положение в украинском вопросе занимает Германия. Обособленность эта определяется не различием отношения к украинскому

вопросу, как таковому (создание независимой и враждебной СССР Украины), а противоречиями в смысле ее использования для целей собственной политики, вытекающими из общих противоречий Германии—Польши, созданными Версальским договором. Одно дело—Украина под «протекторатом» Польши, обеспечивающая ее восточные границы, другое дело—Украина Скоропадского, под покровительством германского империализма.

Особым вниманием Германии пользуются украинские партии в Галиции. Большинство правых украинских партий Галиции связано с Берлином. Украинское движение в Галиции Германия поддерживает с той целью, чтобы в затруднительный для Польши момент потребовать от нее тех или иных уступок, грозя в противном случае нажимом в Галиции.

Позиция украинских политических партий.

УНДО. До сего времени главной слабостью украинского национального движения была его разрозненность. Она лишала украинское движение возможности завоевать то положение за границей, которое является непременным условием для успеха движения, поскольку этот последний зависит от поддержки иностранных держав. Правда, для этого об'единения и централизации сделано еще весьма мало, но, во всяком случае, оно наметилось и обнаруживается. Руководящей группой при этом является группа Левицкого (УНДО), которая имеет за собой наибольшую поддержку наиболее активной в украинском вопросе иностранной державы—Польши. Левицкий пытается придать украинскому движению реальные формы, поэтому уже теперь все оппозиционные ему течения в украинском движении признали, что, во всяком случае, в интересах украинского дела, как такового, мешать работе Левицкого не следует. Это первый шаг на пути дальнейшего соединения разрозненных украинских буржуазных групп и партий. Принимая во внимание, что реальная сила и денежные средства имеются фактически исключительно у этой группы уже по одному тому, что именно она является орудием польской политики, нужно притти к выводу, что рано или поздно все украинские соглашательские партии движения в той или иной степени об'единятся с группой Левицкого и будут действовать по ее директивам.

Однако, группе Левицкого приходится преодолевать большие препятствия, прежде всего внутри своей собственной партии (УНДО). Для того, чтобы характер этих препятствий был ясен, необходимо коротко остановиться на истории возникновения УНДО и течениях, существующих в нем.

УНДО сейчас самая сильная украинская соглашательская партия в Польше. На ее стороне украинская интеллигенция, духовенство, она имеет старые традиции, старые организации. Она захватила просвиты, кооперативы, целый ряд научных учреждений. Но ее вес и значение ограничиваются только Галицией. На Волыни, Холмщине и Полесье УНДО не имеет никакого влияния. Наилучшим показателем влияния УНДО являются муниципальные выборы летом 1927 года: на этих выборах УНДО в Галиции получило 52% всех украинских мандатов.

УНДО организовалось путем об'единения 3-х разрозненных групп трудовой партии летом 1925 г. Инициаторы его хотели создать сильную партию, могущую выступать от имени украинского населения в Польше, партию, с которой считалось бы польское правительство, будет ли борьба или соглашение с ним. Свою политику лидеры УНДО с самого начала строили на необходимости соглашения с польским правительством. Вместе с тем, на этот путь их толкали прежде всего классовые чувства. Лидеры УНДО были напуганы, с одной стороны, ростом революционных повстанческих настроений на Волыни среди украинского крестьянства, а, с другой стороны, украинская интеллигенция изголодалась и затосковала по старым австрийским отношениям и порядкам. Правительство эндеков с УНДО не хотело разговаривать, и последнее было к нему в крайней оппозиции с легким налетом советофильства. Последнее об'ясняется тем, что, во-первых, крестьянские массы Галиции были крайне советофильски настроены, а, во-вторых, тем, что ЦК УНДО считал, что в УССР происходит процесс перерождения: форма остается советской, а содержание будет уэнеровское, и в расчете на это не вели кампанию против советов.

В 1926 году положение резко изменилось. Приход к власти Пилсудского с его «федералистическими» планами окрылил ундовцев. К концу 1926 г. они начинают разуверяться в возможности перерождения УССР, и УНДО начинает менять ориентацию.

В декабре 1926 г. на с'езде УНДО выносятся резолюции против УССР, а советофильская группа Петрушевича на с'езде изолируется и всячески третируется. Правда, с'езд дал отпор и попыткам В. Бачинского повести УНДО на поклон в Варшаву. На это ЦК УНДО не мог открыто итти из-за настроения масс, да и пилсудчики на первых порах не торопились заигрывать с УНДО.

Весь 1927 г. проходит под знаком борьбы внутри самого УНДО двух групп: «угодовой»—стариков-хозяйственников—и «молодых»—твердых националистов. Твердой устойчивости в ЦК нет. «Молодые» националисты против соглашения с польским правительством, но они же и наиболее реальные противники УССР. Они связаны с Коновальцем, с Германией и получают оттуда деньги. Они опираются на союз украинских офицеров и фашистские студенческие организации. Они считают, что УНДО ведет невыдержанную линию, что старики мешают, и они были бы рады, если бы последние вышли из УНДО и сорганизовали свою отдельную партию, тогда УНДО осталось бы выдержанной, непримиримой националистической украинской партией.

«Старики» засели в хозяйственных организациях, в кооперации, банках, в научных учреждениях. Это все старые австрийские политики, они хотят реальной работы, а она возможна только при соглашении с поляками. Они за это соглашение, но боятся громко и решительно об этом сказать. Боятся настроения села и боятся «молодых» в ЦК.

Выборы в сейм шли под знаком пробы сил и предстоящей реальной работы. Выборы для УНДО прошли в общем удачно, они получили только на 3—4 мандата меньше, чем сами предполагали. Их голоса в сейме имеют большой вес, так как в сейме нет устойчивого большинства. Все прочие украинские партии в сейме слабо представлены, и между ними идет постоянная борьба. На этом фоне 24 голоса УНДО в сейме и 11 в сенате приобретают особое значение.

Белоэмигранты. Более сильное противодействие своим стремлениям монополизировать представительство интересов украинского народа в Польше встречает группа Левицкого в белоэмигрантских украинских колониях стран Зап. Европы и Америки. Ей ставят в вину самовольный захват руководства украинским движением после смерти Петлюры. Если Петлюра был диктатором, то это оправдывалось тем, что он был членом Директории, созданной в 1918 г. во время восстания против гетмана. Левицкий же к Директории не принадлежал и при наличии за границей других членов Директории является узурпатором полномочий Петлюры. Особенно большое недовольство среди украинцев вызывает полонофильская политика Левицкого. Известный украинский политик С. Шелухин обратился к своим соплеменникам с воззванием-протестом против деятельности Левицкого. (Шелухин — быв. глава украинской делегации, заключавшей в 1918 г. мир с РСФСР от имени гетманской державы). Шелухин резко нападает на Левицкого за союз по-

следнего с Польшей, называя этот союз предательством украинских интересов. Так как в последнее время среди украинцев усиливаются тенденции в пользу соглашения с русскими белоэмигрантами, полонофильство Левицкого теперь особенно непопулярно. Деятели самых различных политических группировок в украинской среде (от гетманцев до приверженцев директории) находят, что настало время договориться с русскими белоэмигрантскими кругами и определить русско-украинские отношения в виду близящегося падения советской власти. В том же смысле высказываются и эмигранты-галичане, хотя они находят, что договариваться надо, собственно, не с эмигрантами, а с большевиками. По их мнению союз с Польшей будет для Украины гибельным. Если при помощи Польши и Румынии и удастся создать «независимую, самостоятельную» Украину в пределах нынешней УССР, то это будет означать прежде всего, что нужно навсегда отказаться от мысли об'единиться с украинцами, населяющими западную часть украинских земель, т.-е. потерять территорию в 150 т. кв. км с 10 миллионами населения, не говоря уже о Бессарабии.

Более прочно положение Левицкого в Румынии. Здесь ему удалось об'единить украинцев под главенством проф. Мациевича, играющего роль официального представителя украинских интересов перед румынским правительством. Недавно в Румынии состоялся украинский эмигрантский конгресс, который избрал особый комитет, постановил обложить всех украинцев особым налогом и произвести регистрацию их. Те украинцы, которые не пожелают зарегистрироваться, или уплачивать налог, или не подчинятся распоряжениям комитета, будут занесены в особые списки, которые представляются румынскому правительству на предмет высылки незарегистрированных, как нежелательных иностранцев.

Два лица УНДО. Как всякая мелкобуржуазная партия (а УНДО именно является таковой), УНДО не способно вести самостоятельную ясную и последовательную политику. В кулуарах ундовцы ведут переговоры с пилсудчиками, с правительственными чиновниками и находят общий язык, а когда они выходят на сеймовую трибуну, они говорят своим избирателям, значительно левее настроенным, антипольские речи, и все предварительные кулуарные переговоры с пилсудчиками идут на смарку. В кулуарах сейма УНДО ведет переговоры во время прений по бюджету с Дашинским, согласовывает с ним речь Д. Левицкого, а во время голосования бюджета в целом ряде случаев члены УНДО голосуют с коммунистами против всего сейма.

Двойственность ундовской политики весьма резко выявилась в выступлении Левицкого в сейме (май 1928 г.) и последовавших за ним событиях.

В целом выступление Левицкого в сейме надо признать сигналом к оформлению «федералистских» идей Пилсудского и постановкой вопроса о создании «независимого» украинского государства. Этот вопрос приобретает сейчас крупнейшее политическое значение. Эта идея, с которой носится Пилсудский и которая, несомненно, поддерживается Англией и Францией, оформляет сейчас политическую цель войны Польши с СССР.

Речь Д. Левицкого была пробой сотрудничества с пилсудчиками. Но и здесь сказалось два лица УНДО. Д. Левицкий сделал целый ряд выпадов против СССР, но ему пришлось для избирателей сделать целый ряд выпадов против польского правительства. Эта вторая часть речи была конфискована цензурой, и это сильно задело УНДО. Поляки были сначала довольны выступлением Д. Левицкого, но когда, под влиянием нападок советской прессы, «Новый Час» (орган УНДО) начал всячески смазывать первую часть речи Левицкого, заявляя, что УНДО против интервенции, и переносить центр тяжести на вторую часть его речи и когда, вдобавок, на основании речи Левицкого, немецкая националистическая пресса подняла вопрос о ревизии польских границ, то пилсудчики совсем по иному оценили эту речь.

Таким образом, в политике УНДО по отношению к Польше можно отметить две борющихся между собой ориентации—полонофильскую и германофильскую.

Вопрос о войне и позиция лидеров УНДО. Другое лицо являет собой ундовская политика в отношении к Сов. Союзу. В целом она может быть характеризована в настоящий период, как антисоветская. Это особенно заметно проявляется в последнее время, когда польская политика усиливает свои антисоветские акции и свою подготовку к войне против СССР. В связи с этим в руководстве УНДО все чаще обсуждаются вопросы отношения его к войне Польши и СССР.

«Молодые» в УНДО считают, что пора всему миру сказать, что УНДО стоит на стороне цивилизованной Европы в ее борьбе с большевистским варварством. Но итти против СССР, и в частности УССР, вместе с польскими легионами УНДО не может. Не может потому, что настроение крестьянских масс антипольское и советофильское, потому, что основные кадры украинского национального движения выросли и воспитались на активной и постоянной антипольской работе и переориентировку на 180° не всегда возможно сделать. В надвигающихся событиях на востоке УНДО (как говорят его лидеры на заседаниях ЦК УНДО) не должно быть об'ектом, а должно быть суб'ектом. Отсюда проекты организации украинских «легионов», украинской «армии».

«Планы» Левицкого исходят из двух возможностей: если между Польшей и СССР вспыхнет война, то создание «независимой» Украины явится результатом этой войны. Поэтому нужно, с одной стороны, содействовать тому, чтобы эта война возникла, а с другой—нужно быть настолько организованными, чтобы предоставить в распоряжение польского ген. штаба значительные чисто украинские «военные формирования», которые сражались бы совместно с польскими войсками и которые при первых успехах послужат кадром для развертывания украинской армии. Отсюда политика Левицкого в сторону создания тайных соглашений с Польшей, по которым «будущая» Украина явится союзницей Польши, и в сторону формирования украинских «легионов» при помощи и содействии польских властей.

Если же война между Польшей и СССР в ближайшее время невозможна в силу хотя бы общего международного положения и тех тенденций, которые доминируют над этим положением, то нужно подготовить восстание на самой Украине, которое своевременно получило бы помощь из-за границы и достигло бы таких размеров, которые дали бы возможность Польше открыто поддержать это восстание, не опасаясь войны из-за этого с Москвой. Для осуществления этого необходима пересылка руководителей из-за границы на Украину и поставка оружия антисоветским организациям на Сов. Украине. Все это должно сопровождаться сильной пропагандой и прежде всего в украинских частях Красной армии.

Предсказания времени этого выступления должны исходить из учета трех факторов: во-первых, это произойдет еще при Пилсудском, во-вторых, наиболее благоприятным моментом является наличие консервативного правительства в Англии и кабинета Пуанкаре во Франции и, наконец, чем больше напряженность в отношениях между Москвой и западно-европейскими державами и чем большие убытки терпит европейское хозяйство от русской экономической политики. Слабость украинской военной организации не имеет значения, ибо украинцы лишь флаг выступления Польши, а не осуществляющая это выступление сила. Польше, по мнению Левицкого, нужен выход к Черному морю, но это не значит, что Польша хочет расширить свои границы. Польше нужна союзная ей «Украинская республика», настолько связанная

с Польшей, что можно говорить о прямой «федерации» между этими странами.

Но ЦК УНДО знает настроение своих масс, и посему даже «Новый Час» постоянно пишет, что УНДО всегда боролось и будет бороться против интервенции на Советскую Украину, хотя там нет украинского правительства и народ придавлен коммунистической диктатурой. Против интервенции говорят на митингах ундовские послы, но своей повседневной критикой порядков в УССР, своими постоянными нападками на советское правительство, своей клеветой об УССР, ундовская пресса об'ективно подготовляет интервенцию, во всяком случае облегчает ее.

Открытые предатели (УНС). То, что ундовские политики и их пресса стараются скрыть от масс, дабы окончательно не разоблачить своей фашистской контрреволюционной сущности, откровенно и бесцеремонно разбалтывает целиком продавший себя польскому империализму украинский народный союз. По сути дела никакой разницы в программе УНДО и УНС нет. И та и другая партия стремятся к свержению советской власти на Украине и мечтают о восстановлении «УНР». Разница между ними в тактике, при чем своим угодовским флангом УНДО сливается с УНС и по этим вопросам. УНС являет собой чистейший продукт первых попыток польской правящей политики создать массовую украинскую партию, целиком поддерживающую польское правительство. Основные кадры его составляют деятели петлюровщины. Партия находится на содержании польского правительства. Ее пресса («Украинськя Нива») субсидируется союзом легионеров.

В № 62 за 1928 г. «Украинськя Нива» открыла дискуссию на тему «Как жить». Дискуссия эта, несмотря на то, что проводилась в петлюровско-пилсудчиковском органе, представляет большой интерес, ибо она раскрывает действительные чаяния и планы не только откровенных предателей украинского народа, но и более широких слоев украинской мелкобуржуазной интеллигенции, не осмеливающейся пока, из-за боязни потерять остатки своего влияния на массы украинского трудового крестьянства, прямо и открыто перейти в тот же лагерь.

Автор статьи—Волошиновский, депутат сейма от Волыни, пилсудчик. Он поставил открыто и прямо вопрос о том, что «не пора ли как-то договориться между собой полякам и украинцам, перестать ссориться, учитывая, что враг у них в лице Советского Союза общий». На статью откликнулась значительная часть учительства петлюровского и угодовского толка, агрономов, попов и т. д. Наибольший интерес представляет, однако, первая статья самой редакции «Украинськой Нивы». Автор ее исходит из того положения, что «самостоятельность Украины не может быть закреплена без добрососедских отношений с Польшей», ибо «меч московского «хижака» будет висеть над ней». Последнее обстоятельство заставляет автора отстаивать необходимость «союза» между Польшей, Украиной и Белоруссией. Как предпосылку его, автор пропагандирует установление «дружных отношений между обоими народами Польши» «в рамках соответствующих положений польской конституции». Инициативу в этом деле должна на себя, естественно, взять Польша. «Представители ее предложат, как сильнейшая сторона, ту программу-минимум, которая даст возможность другой стороне честно и лойяльно выполнить ее в интересах государства». Собственно, как видит читатель, речь идет не о том, чтобы договориться, как равные стороны. Смелость петлюровских деятелей не идет так далеко. Они откровенно заявляют, что «всякое решение польского правительства по украинскому вопросу» будет принято ими к сведению и неуклонному руководству.

Желая убедить польское правительство в том, что «украинский народ действительно лойялен по отношению к Польше», автор ссылается дальше на рост влияния украинской демократии, благодаря которому, мол, «падает влияние» «демагогов» (читай — компартии), «исчезло повстанчество, нет открытых отказов от взноса налогов или от «присяги» украинских призывников нести верно и честно службу в польской армии. Больше того, «не один украинец пал смертью рыцаря» в мае 1926 г. под стенами Бельведера «во славу маршала Пилсудского». И вот «лучшие чувства и даже жертвы украинского народа оплачиваются лишь тем, что украинец чувствует себя гражданином второго разряда».

О чем же христарадничают предатели? Они просят удовлетворить лишь минимальные культурно-просветительные, кооперативные, церковные потребности и использовать их услуги в административной области. Справедливость этих требований должны признать польские политики, хотя бы потому, что «рядом с Польшей существует СССР». Когда они будут осуществлены, «тогда увидим, что и национальный праздник 3 мая будет понятным для польских граждан украинской национальности. Тогда делегацию к президенту Польши отправит не староста, а само украинское население, которое передаст достойнейшему золотые колосья волынского «Жита».

Изложенное содержание передовицы «Украинськой Нивы» характеризует роль петлюровцев в осуществлении стремлений польского правительства использовать украинскую проблему для укрепления своей польской государственности. Семи миллионам украинского населения безработные министры и сановники мифической «УНР» отказывают в праве на самостоятельное существование, независимое от польского государства, рассматривая их, как инонациональных «польских граждан».

Радикалы. Надежды, какие питала некоторая часть мелкобуржуазного украинского населения Польши, главным образом в лице интеллигенции, на переворот Пилсудского не оправдались. Действительность принесла полное разочарование. К тому же деятельная подготовка польского фашизма к войне против СССР, откровенные планы польского фашизма расширить территорию Польши за счет Советской Украины и тем самым поработить новые миллионы украинского народа, довольно быстро рассеяли ореол Пилсудского, как поборника «украинской независимости», который всемерно поддерживала украинская буржуазия. Все сказанное не замедлило сказаться на общем полевении украинских мелкобуржуазных масс. Последнее отразилось прежде всего на состоянии украинской социалистической радикальной партии. Партия радикалов, выросшая на дрожжах старо-австрийского либерализма, является одной из старых партий украинского населения Галиции. Перед последними выборами в польский сейм радикалы переживали довольно острый кризис, сущность которого сводилась к образованию в их среде левой группы, влияние которой постепенно усиливалось в силу общего полевения примыкающих и сочувствующих радикалам масс. Выборы в сейм принесли радикалам крупную победу. Если раньше партия имела влияние преимущественно в Галиции (Станиславов, Львов), то в последнее время оно распространилось и на Волынь, где из восьми своих мандатов партия получила целых три (Власовский, Жук, Когут). В сейме партия существует, как самостоятельная фракция, составляя клуб украинского социалистического радикального парламентского представительства. Учитывая настроение масс, партия занимает в сейме резко-оппозиционное положение. Характерно в этом отношении последнее выступление в сейме лидера партии—председателя сеймового клуба Бачинского Льва—в связи с обсуждением польского бюджета. Разоблачая УНДО, добивающееся от правительства мелких уступок в роде школ и украинского университета во Львове, Бачинский заявляет: «Для нас университетом являются польские тюрьмы... Казенные университеты воспи-

тывают только украинских чиновников, которые будут притеснять собственный народ». Бачинский далее разоблачает двойственную политику польского правительства, пытающегося под флагом защиты интересов украинского народа подавить всякое стремление его осуществить свои национальные и культурные права на деле. В основном в национальной политике радикалы придерживаются позиции революционного национализма.

До последнего времени партия опиралась преимущественно на свои крестьянские организации. Успех партии на выборах среди некоторой части рабочих мелких промышленных предприятий в Станиславском и Львовском воеводствах окрылил ее руководителей. В настоящее время партия пытается закрепить и расширить свои связи в среде украинских рабочих. В этом ей помогают некоторые группы пепэсовцев-пилсудчиков, пытающихся склонить радикалов на свою сторону. ППС уговорила радикалов к поездке в Брюссель на конгресс II Интернационала. При содействии Недзялковского польское правительство выдало радикалам льготные паспорта на выезд за границу. Первым шагом к укреплению своего влияния среди украинских рабочих является издание радикалами своей новой газеты «Роботнича Справа». 5 ноября с. г. вышел первый номер этой газеты. Газета будет выходить два раза в месяц. Передовая первого номера рекомендует газету, как орган «независимого украинского социалистического движения», как орган, который будет обслуживать украинского рабочего. В том же первом номере новой газеты помещена статья, определяющая ближайшие задачи партии в рабочем движении. Автор статьи, указывая, что партия социалистов-радикалов, добившись значительных успехов среди крестьянства, организовав «об'единение крестьянских союзов», не расширила до сих пор в такой же мере своего влияния среди украинских рабочих. С этой «старой традицией» радикальной партии, обращавшей главное внимание на крестьянство, необходимо покончить. Партия должна теперь добиться самостоятельности и профессионального движения украинских городских рабочих. «Должен быть организован «Союз украинских профессиональных союзов» со своими отделами в промышленных центрах, городах и местечках, где работают украинские рабочие». Необходимость самостоятельного об'единения украинских рабочих автор об'ясняет угнетением национального самосознания, какое испытывают украинские рабочие в польских профсоюзах, которые «не дают возможности удовлетворить наши культурные потребности, которые противопоставляют рабочих-поляков против нас». Судя по первому номеру газеты, можно констатировать, что руководители ее далеки от правильного понимания классовых интересов украинских рабочих. Об'ясняя необходимость об'единения последних исключительно национальными соображениями, газета становится на тот же путь, по которому идут пепеэсовцы, пытающиеся доводами конкуренции посеять национальную рознь между рабочими Польши. Такая платформа газеты еще больше затруднит отстаивание интересов украинских и польских рабочих перед лицом их общего врага—польского капитализма.

Украинская партия Праци. Партия образована недавно. Первый с'езд ее состоялся в мае 1927 г. Ядро партии составляет группа Е. Петрушевича, состоявшая одно время, как самостоятельная, автономная фракция, в УНДО. Первое серьезное расхождение между группой Петрушевича и ЦК УНДО произошло в конце весны 1926 г. после убийства Петлюры. ЦК УНДО, как известно, взял курс на примирение с петлюровцами, которым раньше не мог простить договора 1920 г. между Петлюрой и поляками. Сторонники Петрушевича не только остались на враждебных позициях по отношению к петлюровцам, но, боясь сближения УНДО с петлюровцами, начали последних атаковать. Однако, из этого ничего не вышло. В декабре 1926 г. на с'езде УНДО группа Петрушевича имела всего 7 голосов из 217 (все 7 из Львова).

На этом с'езде УНДО впервые были вынесены враждебные резолюции по отношению к УССР.

УПП имеет влияние преимущественно во Львове, Перемышле и некоторых уездных городах Галиции. Органом партии являются газеты «Рада» и «Праца», выходящие во Львове. Последняя выходит 2 раза в неделю, а также двухнедельник «Украинский Прапор». «Рада» проводит последовательную революционную линию.

Некоторые организации партии ведут полулегальное существование В сейме партия имеет своего представителя (Захидный), не входящего ни в один из сеймовых клубов.

Сельроб. Политика кнута и пряника, проводимая польским фашизмом в украинском вопросе, полный переход на сторону польского фашизма украинской буржуазии отрицательно повлияли на сплочение и организацию трудовых масс украинского населения Польши. Это отразилось прежде всего на состоянии такой партии, как Сельроб (Украинское крестьянско-рабочее социалистическое об'единение).

Образованная в октябре 1926 г. путем об'единения «Сельсоюза» с «Народной Волей», новая партия могла сыграть весьма крупную роль в борьбе трудящихся масс Западной Украины против польского фашизма. Сельроб был единственной партией, которая имела большой вес на всех украинских землях Польши, главным образом среди крестьянства. Газета партии «Воля Народа» (теперь «Сельроб») являлась и является за последние годы самой популярной, самой распространенной украинской газетой в Польше.

Сильным орудием борьбы против польского фашизма делало партию преобладание в об'единенном центральном комитете более революционных и более выдержанных, чем сельсоюзовцы, воленародовцев.

Однако, новая партия под влиянием политики заигрывания польского правительства с украинским национализмом вскоре начала терять свою жизнеспособность. В ее руководстве начали оформляться два течения: одно в лице преимущественно б. сельсоюзников склонялось к той мысли, что переворот Пилсудского создал известный минимум возможностей отстаивания интересов украинских масс в рамках легальной оппозиции к польскому правительству, что поэтому необходимо попытаться притти к соглашению с польской государственностью. Другое—в лице б. воленародовцев—отстаивало необходимость решительной борьбы с польским фашизмом, отвергая путь соглашения. Борьба на этой почве за влияние в центральном комитете привела к тому, что на местах организации не были об'единены в сплоченные крепкие группы. Результатом ее был откол революционной части Сельроба, образовавшей в 1927 г. Сельроб-левицу.

Раздроблению сил революционно настроенных масс украинского движения в Польше в очень большой мере способствовали и явно оппортунистические правые ошибки б. руководящей верхушки КПЗУ в лице группы Васильков — Турянский. Сельроб, как мелкобуржуазная партия, не могла, конечно, вести самостоятельную политику. Вопрос о том, какую ориентацию, какую политику поддержат об'единяемые им и поддерживающие его слои бедняцкого, малоземельного и середняцкого украинского крестьянства, зависит в конце концов от политической и тактической линии КПЗУ. Между тем, влиянию мелкобуржуазного национализма подверглось само руководство КПЗУ в лице указанной группы, превратившейся в конце концов в орудие польского фашизма. Корни оппортунизма группы Васильков—Турянский составляла неизжитая ею теория «безбуржуазности» украинской нации и украинского движения в Польше, принесенная из мелкобуржуазного националистического лагеря, к которому она принадлежала в 1918—20 гг. В тактике эта теория вела к единому национальному фронту и отрицанию классовой борьбы внутри украинской нации. Оправдание и подтверждение

правильности подобной теории и тактики группа Василькова и К° видела в мнимой революционности всех украинских партий по отношению к национальной политике польского правительства до майского переворота. Процесс изживания ее под руководством КИ и КПП, хотя и имел место, но происходил весьма медленно. Переворот Пилсудского, стабилизация польского капитализма, полный, в силу последней, переход украинской буржуазии на сторону польского фашизма, отказ ее от всякой борьбы за национальное самоопределение привели к полной реставрации националистической идеологии васильковской группы. Этому отказу от правильной большевистской линии способствовали выступления Шумского и Хвыльового на Сов. Украине, проповедывавших, как известно, неприкрытый украинский национализм и так называемую теорию «западничества» в вопросах хозяйственного и культурного развития Сов. Украины. Тогдашний ЦК КПП не повел своевременную и решительную борьбу с нарастанием оппортунизма внутри КПЗУ, что, несомненно, осложнило последующую ликвидацию влияния группы Василькова.

Оппортунистическая политика руководящей верхушки КПЗУ укрепила позиции УНДО в ее клеветнической кампании против советской власти на Украине, консолидировала колеблющиеся элементы б. сельсоюзовцев в Сельробе, ослабила и дезорганизовала его революционные элементы.

В настоящее время КПЗУ оправилась уже от удара, нанесенного ей изменой группы Василькова, пытавшегося превратить партию в орудие польского фашизма наподобие всех буржуазных украинских партий. КПЗУ сейчас твердо и решительно стоит на позициях Коминтерна. Ее влияние заметно расширяется как среди рабочих, так и бедняцких и середняцких слоев крестьянства, особенно в Восточной Галиции, где батрачество и беднота преобладают. Общий под'ем революционно-классового движения во всей Польше, усиление на этой почве репрессий польского фашизма против беспокойных восточных окраин, говорят за то, что, неуклонно проводя ленинскую политику, КПЗУ сумеет стать единственной партией западно-украинского пролетариата и деревенской бедноты, ведущей за собой широкие массы обезземеленного украинского крестьянства [1]).

* * *

Подведем краткие итоги. Все усилия польского фашизма направлены на разрешение вопросов подготовки к войне против СССР. Война эта рассматривается польской политикой, как единственное средство достижения великодержавных империалистических целей, долженствующее превратить Польшу в «самое сильное государство на востоке Европы», равное по своему удельному весу в мировой политике влиянию б. царской России. Враждебность всего империалистического мира к СССР, стремление потушить этот очаг мировой революции учитывается польской политикой, как исключительный в истории благоприятный фактор. Но на пути достижения своих целей польская государственность должна доказать общественному мнению капиталистических держав прежде всего свою способность разрешить сложнейшую национальную проблему. В этом польская политика видит одну из своих главных и важнейших задач. Разрешить ее она пытается путем мелких уступок украинской буржуазии и националистическим настроениям части украинской интеллигенции, привлечения на свою сторону ее крупнейших партий, прямого подкупа ее верхушки, с одновременным подавлением

[1]) Более подробно о положении и задачах КПЗУ см. статьи в журнале «Коммунистический Интернационал» №№ 38, 39, 43 за 1927 г., № 31—32 за август 1928 г.

всякого проявления недовольства со стороны широких трудовых масс. Излишне доказывать, что в силу своей классовой природы правительство польской буржуазии не может быть последовательным в соглашательской части своей доктрины до конца, добиться перехода на свою сторону широких масс украинского населения и разрешить тем самым сложнейшую национальную проблему весьма устарелыми методами.

В эпоху социальной революции, когда на штурм твердынь империализма под знаком борьбы за национальное освобождение поднимаются наиболее отсталые массы человечества, разрешить эту задачу иначе, чем разрешает ее программа коммунизма, иначе, чем национальная политика советской власти,— затея абсолютно безнадежная, обреченная историей на полнейший провал. Игнорировать эту предпосылку значит стать на путь сплошной авантюры. Именно по этому пути идет политика польского фашизма. В своем империалистическом ослеплении она не замечает, не видит грозных предостережений, подаваемых ей миллионами украинских и белорусских крестьян. Она не слышит их грозного «memento». Поистине, больше всего глух и нем тот, кто не хочет слышать и видеть. Тем не менее нельзя закрывать глаза на то обстоятельство, что в условиях террора против революционно - классового движения польский фашизм может добиться поддержки своих целей со стороны украинской буржуазии, известной, довольно широкой части мелкобуржуазной украинской интеллигенции, стоящей во главе ряда крупнейших политических и культурно - экономических организаций украинского населения, тормозя тем самым развертывание сил борющихся масс, дезорганизуя их революционный фронт, нанося предательские удары с тыла.

Будучи твердо уверенными в неизбежности крушения хитроумных замыслов польского фашизма, мы должны усилить нашу бдительность.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Кооперативные шатания.

(Н. И. Попов. «Теория кооперации». 1928 г. Изд. Центросоюза).

Под маркой заочных кооперативных курсов Центросоюза в издании 1928 г. вышла «Теория кооперации» Н. И. Попова.

Книга была, очевидно, предназначена сначала главным образом для слушателей курсов. Но издательство усиленно рекомендует книгу и для других категорий потребителей. При недостатке кооперативных учебников книга не плохо расходится, и этим следует об'яснить выход ее вторым изданием (приблизительно в середине текущего года).

Содержание этой книги, однако, таково, что вряд ли можно примириться с фактом ее широкого распространения да еще в качестве учебника. Теоретическая установка автора абсолютно неправильна и грешит ошибками и заблуждениями.

О характере ошибок можно судить по одной из основных глав (если не центральной), трактующей вопрос о «месте кооперации в системе народного хозяйства СССР» (стр. 229—234).

Н. И. Попов исходит из той основной мысли, что кооперацию (речь идет не о колхозах) нельзя отнести не только к натуральному, но и мелкому товарному хозяйству. Он настолько уверен в непогрешимости своей идеи, что безапелляционно начинает ею указанную главу:

«Какое же место занимает кооперация среди тех пяти типов хозяйственных предприятий, о которых мы говорили выше? К натуральному и мелкому товарному хозяйству кооперацию вообще отнести нельзя, мы это уже знаем». (Разрядка моя. *М. К.*).

Затем следует ответ:

«Следовательно, в целом кооперация СССР должна быть отнесена либо к формам государственного капитализма, либо к предприятиям социалистического типа», а за ответом—попытка теоретического обоснования.

Сущность об'яснений сводится к тому, что до нэпа или до развития нэпа мы имели в кооперации вид госкапитализма, а примерно с 1928 г.—социалистическое предприятие. По мнению автора, в истории советской экономики уже пройдены фазы развития от капитализма к социализму:

«Таким образом мы в праве сказать, что кооперация в наших советских условиях переходит от типа госкапиталистических предприятий к типу социалистических в зависимости, во-первых, от роли государственного хозяйства в общем хозяйстве страны, во-вторых, от роли и участия государственного хозяйства в оборотах кооперации и, в-третьих, от степени кооперирования населения и проведения здоровых начал в самом кооперативном хозяйстве».

«Теперь должно быть понятно,—продолжает далее автор,—почему Ленин в 1921 году относил кооперацию мелких товаропроизводителей к видам госкапитализма, а в 1923 г. утверждает, что кооперативные предприятия, при известных условиях, не отличаются от предприятий социалистических».

Принимая свою мысль за мысль Ленина, тов. Попов идет дальше по «столбовой дороге» истории и приходит к выводу, что текущий период, т. е., очевидно, 1927—28 г., окончательно утверждает социалистическую суть кооперации.

«И теперь с еще большим правом, чем в 1923 году, мы вслед за Лениным можем утверждать, что всякое кооперативное предприятие, представляющее «действительную организацию действительных масс», имеющее установку на поголовное кооперирование трудящегося населения своего района, тесно связанное в своей хозяйственной работе с государственным хозяйством и проводящее основные принципы экономической политики пролетариата,—такое кооперативное предприятие есть предприятие социалистическое» (разрядка моя. *М. К.*).

Излишняя торопливость редко приводит к добру. Спеша доказать стопроцентную социалистичность всей нынешней кооперации, автор проглядел или не понял самого существенного в суждениях Ленина о кооперации в условиях нэпа. При большем внимании тов. Попов мог бы найти у Ленина прежде всего ответ на свои сомнения насчет того, к какому укладу кооперация имеет наибольшее отношение:

«Кооперация мелких товаропроизводителей (о ней, а не о рабочей кооперации идет здесь речь, как о преобладающем, о типичном в мелкокрестьянской стране) неизбежно порождает мелкобуржуазные, капиталистические отношения, содействует их развитию, выдвигает на первый план капиталистиков, им дает наибольшую выгоду» (разрядка моя. *М. К.*).

Ленин совершенно ясно говорит о преобладании в нашей стране, о наибольшей типичности для наших условий кооперации мелких товаропроизводителей. К капитализму он ее не относит, утверждая лишь, что она «неизбежно порождает мелкобуржуазные, капиталистические отношения». В толковании Ленина все как нельзя более понятно: кооперация, возникающая в среде мелких товаропроизводителей, отражает экономику мелкого товарного хозяйства и процессы, в нем происходящие. Но одно дело быть почвой, социальной средой для порождения мелкобуржуазных и капиталистических отношений, что как раз и характерно для мелкого товарного хозяйства, и другое дело—капитализм, как сложившийся иной тип хозяйства. Одно дело—эволюция от мелкого товарного хозяйства к капитализму (или к социализму, в зависимости от того или иного экономического и политического строя) и другое дело—эволюция от капитализма.

У Попова государственный капитализм развивается к социализму, в то время как у Ленина эволюцию к социализму совершает мелкое товарное хозяйство, при чем совершает эту эволюцию, минуя стадию капитализма и выделяя капиталистические элементы лишь в той мере, в какой оно еще сохраняется как среда, порождающая «капиталистиков».

Тов. Попов не понял смысла трактовки Лениным идеи государственного капитализма, не понял условности этого термина в условиях пролетарской диктатуры, как не понял и того, в каком «сочетании с госкапитализмом» (по выражению тов. Сталина Ленин брал в свое время кооперацию.

В брошюре о продналоге на протяжении небольшого количества строк Ленин говорит о кооперации, как о «менее отчетливо очерченном, более запутанном» виде госкапитализма, затем, вслед за этим суждением, говорит о «кооперативном» капитализме, ставя его в кавычки, и через несколько строк самым ясным образом, не оставляющим никакой почвы для сомнений и кривотолков, раз'ясняет, в каком смысле берется им сравнение:

«Кооперативный капитализм похож на государственный в том отношении, что облегчает учет, контроль, надзор, договорные отношения (разрядка моя. *М. К.)* между государством (советским в данном случае) и капитализмом».

Итак, сходство заключалось в тот период только в том, что за кооперацией, как и за концессией, пролетарскому государству легче уследить, ее легче проверить. Но на ряду с этими элементами сходства имеется коренное отличие — «организация миллионов населения» под руководством пролетариата.

«Политика концессий, в случае успеха, даст нам небольшое число образцовых,— по сравнению с нашими,— крупных предприятий, стоящих на уровне современного передового капитализма, через несколько десятков лет эти предприятия перейдут к нам. Политика кооперативная, в случае успеха, даст нам под'ем мелкого хозяйства и облегчение его перехода, в неопределенный срок, к крупному производству на началах добровольного об'единения» (все цитаты из брошюры «О продналоге», собр. соч., т. XVIII, ч. 1).

Не поняв Ленина, извратив его учение, Попов не нашел ничего лучшего, как сослаться на... Сталина. Попов приводит следующую цитату, не замечая, что она его кладет навзничь:

«Кооперация есть разновидность государственного капитализма, говорит оппозиция, ссылаясь при этом на «Продналог» Ленина, в виду чего она не верит в возможность использования кооперации, как основной зацепки для социалистического развития. Оппозиция и здесь допускает грубейшую ошибку. Такая трактовка кооперации была достаточна и удовлетворительна в 1921 г., когда был написан «Продналог», когда у нас не было развитой социалистической промышленности, когда Ленин мыслил госкапитализм как возможную основную форму нашего хозяйствования, а кооперацию рассматривал в сочетании (разрядка моя. *М. К.)* с госкапитализмом. Но эта трактовка теперь уже недостаточна и превзойдена историей, ибо с тех пор времена изменились, социалистическая промышленность у нас развилась, госкапитализм не привился в той степени, в какой это было желательно, а кооперация, охватывающая теперь более десятка миллионов членов, стала смыкаться с социалистической индустрией». (Сталин «Вопросы ленинизма». Изд. 1926 г. Стр. 64).

Что же должен был найти Попов у Сталина? Во-первых, признание грубейшей политической ошибкой уподобления теперешней кооперации госкапитализму. Во-вторых, раз'яснение, что госкапитализм у нас не привился и, в-третьих, что кооперация только «стала смыкаться с социалистической индустрией», вопреки утверждению Попова, что кооперация уже стала полностью социалистической.

Мимо внимания Попова прошло одно из самых значительных мест в статье Ленина о кооперации, а именно: определение тех условий которые делают кооперацию социалистической:

«При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частнокапиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т.-е. рабочему классу» (разрядка моя. *М. К.*).

Представляет ли себе Попов, как велик еще путь, отделяющий нашу кооперацию от того момента, когда средства производства будут целиком принадлежать «государству, т.-е. рабочему классу»? Представляет ли он себе всю сложность эволюции через ряд этапов обобществления к уничтожению противоположности между преобладающими формами сельского хозяйства и промышленностью?

Судя по приведенным цитатам, не представляет. Вот условия, которые, по его мнению, делают кооперативное предприятие социалистическим (см. приведенную ранее цитату):

1) установка на поголовное кооперирование;

2) связь в хозяйственной работе с государственным хозяйством;

3) проведение основных принципов экономической политики пролетариата.

Не подлежит сомнению, что много кооперативов и этим условиям не удовлетворяет. Но все же, если провести конкурс на звание социалистического кооператива на основе выставленных Поповым условий, то не одну тысячу можно было бы прямехонько отнести к социализму, хотя, если судить по Ленину, для этого еще нет об'ективных условий в виде принадлежности средств производства рабочему государству.

По теории Попова, весьма легко жить в условиях социализма. Возьми «установку», живи дружно с государством, выполняй законы и «основы»,— и почетное звание «социализм» уже само собою придалось.

В другом определении, также нами цитированном, в котором даются условия перехода «от типа госкапиталистических предприятий к типу социалистических», устанавливается и некоторая экономическая подоплека перехода, а именно:

«зависимость, во-первых, от роли государственного хозяйства в общем хозяйстве страны, во-вторых, от роли и участия государственного хозяйства в оборотах кооперации и, в-третьих, от степени кооперирования населения и проведения здоровых начал в самом кооперативном хозяйстве».

Как будто большая часть условий уже налицо. Государственное хозяйство уже играет доминирующую роль; участие государства в оборотах кооперации кредитом и товарами также вполне достаточное; степень кооперирования понятие относительное; здоровые же начала понятие сугубо относительное.

Так что же, достигнут уже «кооперативный социализм» или еще нет его?

У Попова выходит, что достигнут. Может быть, еще осталось кое-что доделать в смысле повышения процента охвата населения или усиления «здоровых начал», но основное уже есть: не только фундамент, но и значительная часть постройки.

К такому выводу тов. Попов мог притти, только совершенно игнорируя борьбу классов и содержание этой борьбы в наших условиях. В главе о «влиянии рабочего государства на социальную природу кооперации» он не только ничего не говорит о росте капиталистических элементов, но, наоборот, представляет дело так, что

«самый состав кооперируемого населения вступает в кооперацию уже не в качестве тех или иных социально - классовых групп, какими их создало капиталистическое общество, а с теми новыми чертами и видоизменениями, которые обусловлены диктатурой пролетариата, национализацией земли и промышленности и экономической политикой советской власти».

Кооперация, как в этом нас хочет уверить автор, получает уже и в населении готовый социальный фабрикат, качество коего обусловлено первоначальным актом завоевания власти рабочим классом. Теория «самотека», выражение идеи, что нам уже все дано, что при капитализме так, а у нас уже все (а не только ряд крупнейших условий, связанных с фактом господства пролетариата) наоборот,—эта теория представляет Попова в полной своей обнаженности, как продукт игнорирования классов и классовой борьбы.

Правда, в книге есть и глава, специально трактующая классовую проблему, но именно эта глава всего больше подтверждает наш вывод об ошибочной позиции автора. Глава носит претенциозное название «Кооперация—метод борьбы с расслоением». Уже в самом названии заложен порок. Ставить в качестве самостоятельной проблемы борьбу с расслоением все равно, что ставить, например, в условиях капитализма самостоятельную задачу борьбы с конкуренцией. Расслоение выражает факт существования в деревне «мелкобуржуазных, капиталистических отношений». Устранение капиталистических отношений требует, конечно, суровой борьбы. Но бороться нужно за изменение производственных условий и отношений, ставя все остальное в зависимость от этого. У Попова же именно в этой главе нет ни слова о задачах обобществления крестьянского производства, и тема борьбы с расслоением выделена в отдельную главу, как самостоятельная задача.

Выпуская через несколько месяцев после XV с'езда теоретическую работу, посвященную вопросам, имеющим сугубо политическое значение, автор сохранил неправильную трактовку. В указанной главе он ставит перед кооперацией в качестве центральной задачи борьбу с расслоением, понимая под ней снижение темпа кулацкого накопления. Приведя ряд фактов из деятельности сельской кооперации он заключает:

«Темп кулацкого накопления, таким образом, резко снижается».

Окрыленный такими возможностями, Попов указывает, что «и при достигнутом уже уровне государственного хозяйства, расслоение крестьянства может встретить весьма твердый отпор со стороны кооперации». Что же касается дальнейшего, то там он предвидит «возможность полностью парализовать процесс расслоения».

В этой главе, повторяем, нет и намека на коллективизацию крестьянского хозяйства, на обобществление сельского хозяйства, как на основное средство, ведущее к уничтожению классов. Вся уверенность Попова покоится на том, что «процесс расслоения крестьянства в нашей советской стране в значительной мере сглаживается (разрядка моя. *М. К.*) особенности ее политического и экономического строя и общим направлением экономической политики государства».

За словами о «твердом отпоре» скрывается худосочная надежда на «сглаживание» классовых противоречий и снижение темпа кулацкого накопления.

Пожалуй, не вывезет этакая «кривая» к социализму...

В основных теоретических главах обойден вопрос о коллективизации крестьянского хозяйства. Как мы видели из приведенных цитат, основные определения роли советской кооперации взяты в книге только применительно к товарообороту, да к тому же и здесь неправильно. Вопросы коллективизации рассмотрены изолированно, в одной главе, вне всякой связи с боевыми проблемами отставания темпа развития сельского хозяйства, изживания других хозяйственных диспропорций переходного периода. В главе, посвященной обобществлению (3 страницы из трехсот), нарисована идиллическая картина прохождения всей массой крестьянства трех кооперативных этапов на пути к социализму, а пролетарское государство представлено в роли доброго дяденьки, не нарадующегося на дружескую работу единой крестьянской семьи.

Вот и весь комплекс идей, которые мы назвали бы в отдельности наивными, если бы в них не было известной цельной установки. Несмотря на путаницу во вводной теоретической части (также весьма характерную), в основном, в представлении о судьбах советской экономики тов. Попов верен своим установкам.

Вред ложных идей, несомненно, выявляется при соприкосновении с молодыми умами, которые по книге учатся работать. Еще больший вред может воспоследовать потом, когда идеи своеобразного советского фатализма и отхода от классовой борьбы станут так или иначе претворяться в жизнь.

До сих пор мы боролись преимущественно с идеями, выражавшими более или менее открыто неверие в строительство социализма. В кооперативной среде сторонников таких идей было мало, ими могли быть лица чуждые движению. Непосредственный активный работник кооперации отметал с презрением сомнения в социалистическом значении своей работы. Конечно, это нисколько не умаляет опасности троцкистских идей, в частности в кооперации.

Но гораздо легче политически нестойким элементам из среды кооператоров скатиться в другую сторону, к другой идее, позволяющей отдохнуть от треволнений классовой борьбы на приятном сознании предопределенности путей развития и достигнутой социалистической стопроцентности.

Идея троцкистов предстала в конце-концов перед сознанием кооператоров, как противосоветская. Если партия обвинялась троцкистами в термидоре, то кооперацию нужно было отнести, по меньшей мере, к ноябрю—декабрю 1794 г. Для меньшевиков это было бы, как нельзя более кстати, так как к этому времени относится возвращение в Конвент жирондистов, но для советских кооператоров, тем более для коммунистов, работающих в кооперации, обвинение в термидорианстве было худшим видом оскорбления.

Концепция же, предлагаемая Поповым, может кое-кого смутить и из вполне советски-настроенных кооператоров, так как она покрыта густой вуалью признания всех советских добродетелей, взятых в таком количестве, что зритель может чувствовать себя перенесенным без борьбы и хлопот на десятки лет вперед.

Тов. Попов не одинок в своих воззрениях. Он взят нами только «на выдержку». Не только у отдельных авторов, но и в официальных документах кооперации мы можем найти выражение тех же идей с незначительными оттенками.

Подобные отклонения от партийной линии, взятые в целом, представляют подлинную правую опасность. Они отражают процессы химического выделения из кооперации мелкобуржуазной идеологии. «Химический закон», о котором говорил Ленин в марте 1926 г., продолжает свое действие и в новых условиях, но совершенно естественно, что на двенадцатом году революции, в усложненной обстановке действие закона несколько видоизменяется. Вместо проповеди открыто враждебных теорий можно чаще услышать только их отдаленные отзвуки, наметку тенденций, иногда под покровом самых революционных терминов и категорий.

Бывает так, что выразитель мелкобуржуазных настроений не сознает подлинного существа своих взглядов и содержащихся в них тенденций, как говорящий прозой не всегда считает себя прозаиком. В кооперации весьма опасны такого рода бессознательные «прозаики», выражающие тенденции, которые при их развитии могут лишь облегчить «работу» защитникам капиталистической реставрации.

М. Кантор.

ПЕТР МИЛЮКОВ. «История ВКП(б)». Изд. «Московский Рабочий». Серия «В помощь рабочему-активисту», под ред. П. Мостовенко. Стр. 236.

На двенадцатом году революции, когда имеется богатейший опубликованный материал по истории революционного движения партии, когда мы имеем такой большой и значительный рост партийных масс и трудящихся в стране, когда партия пережила ряд серьезнейших дискуссий, поставивших перед ней ряд теоретических проблем первостепенной важности в области теории марксизма и ленинизма,—посмотрите как после всего этого пишутся у нас «боевые задания»—книжки по истории ВКП(б) для широких масс, для рабочего актива. И это не где-нибудь в глухой провинции, а в Москве, да еще через столь известное «солидное» издательство, как «Московский Рабочий».

Плохой пересказ хорошо известных, давно ставших банальными истин, без всякого привлечения нового, свежего, интересного материала, без всякой увязки или разбора тех или иных этапов истории партии под знаком современности, без всякого соблюдения исторической перспективы, без того, чтобы преподнесть читателю «стиль», так сказать, «колорит эпохи». Партия и Коминтерн выдвинули, например, ряд боевых лозунгов в связи с генеральной линией: единый фронт, большевизация, борьба с уклонами под определенным углом зрения. Коминтерн принял недавно программу, первую в мире марксистски - разработанную программу пролетарского движения в мировом масштабе. Во всей этой работе в первую голову использован богатейший опыт ВКП. Например, вопрос о перерастании революции буржуазной в революцию социалистическую, аграрно - крестьянская проблема и пр. Спрашивается: находит ли все это отражение, увязываются ли под знаком всего этого наши популярные книжки по истории ВКП(б)? К сожалению, сплошь и рядом этого нет. Нет этого и в книжке Петра Милюкова.

Возьмите вопрос об истории программы. Сколько в ней сказано у тов. Милюкова? На стран. 44 примечаньице в 2½ строчки, буквально! Вот оно: «Программа партии была составлена Плехановым и Лениным и опубликована в № 21 «Искры», в июне 1902 г.». Спрашивается: как, когда, при каких обстоятельствах писалась и принималась программа, были ли разногласия у составителей ее, имел ли вообще какое - нибудь значение спор вокруг программы для последующих разногласий в партии? Об этом, очевидно, массовик-рабочий должен узнавать... у ветра в поле. Но «справку», подобную той, какую приводит Милюков, можно получить уже, пожалуй, в любом справочном киоске МКХ! Стоит ли для этакого типа «истории» тратить бумагу, это ли называется «популяризацией», «помощью»—и еще там как хотите—для актива?

Возьмите другие вопросы, например, ряд меньшевистских рецидивов, осужденных в партии на XIV с'езде по поводу предложения оппозиции о регулировании социального состава (аксельродовщина, рабоче-с'ездовство и пр., аналогии со стокгольмским с'ездом по поводу правоты большинства и меньшинства),—находит ли себе должное исторически выдержанное и хоть сколько - нибудь научное освещение в этих популярных работах? Конечно, нет, либо преподносится так примитивно, что только сбивает с толку. Вообще примитивизм,—ужасающий примитивизм,—вот отличительная черта этих «трудов».

Пример первый: Милюков об'ясняет рабочему активу, почему меньшевики не хотели принимать на стокгольмском с'езде резолюции по текущему моменту:

> «Пользуясь своим перевесом на с'езде, меньшевики отклонили какое бы то ни было решение по текущему моменту: принять оценку его по - большевистски не было охоты; дать же свою оценку и открыто признать свой отказ от революции — неловко перед массами. Поэтому меньшевики так и оставили партию на распутье: понимай, дескать, переживаемое, как знаешь!»

Другой пример. Милюков хочет об'яснить своему читателю не только сущность, но и развитие разногласий с меньшевиками после II с'езда, и все сводится к склокам и дрязгам. Не правда ли, это «в помощь» партактиву, желающему проследить историческое развитие организационных принципов большевизма?

Вот это об'яснение:

> «Пока - что меньшевики сделали лишь первый уклон в оппортунизм, высказавшись и навязав партии вредное условие широкого вступления в ее ряды. Это была ошибка, но, при желании, легко исправимая.
>
> После с'езда меньшевики, однако, и не подумали работать на основе его решений. Они отказались от сотрудничества в «Искре» (Мартов еще на с'езде заявил, что он не хочет работать редактором). Бойкотируя «Искру», они стали готовиться к полному расколу в партии. Для оправдания такого «шага» они заговорили о том, что большевики создают в партии режим беспрекословных исполнений того, что скажут сверху.
>
> Одним словом, меньшевики создали в партии то, что называется склокой и дрязгами».

Пример третий. Милюков об'ясняет роль Аксельрода, как творца организационных принципов меньшевизма. Вот это об'яснение, которое мы предпочитаем дать без всяких комментариев:

> «Меньшевик Аксельрод пустился в философские рассуждения о том, какая у нас партия. И пришел к выводу, что партии у нас нет, а есть так что - то—«ни рыба, ни мясо». Так буквально и писал Аксельрод. А все, дескать, потому, что одолевши «экономистов», партия будто бы остановилась в своем росте и увлеклась вредными, по его мнению, идеями о дисциплине, централизме и тому подобными, как он говорил, «банальностями», т.-е. обыденными, мелкими, не стоящими внимания делами» (стр. 53).

Как уже отмечалось, в книжке крайне слабо и плохо освещено предшествовавшее социал-демократии революционное движение, хотя бы народничество,—к чему это, дескать, для актива? В беседе второй есть замечаньице на стр. 19:

> «Бесправие и нищета масс превращали Россию в огромную тюрьму, в которой задыхались не только труженики сохи и молота. Задыхались все, кому так или иначе приходилось испытывать на себе тяжесть царского самодержавия.
>
> Неудивительно поэтому, что из интеллигентных слоев населения и передовых рабочих очень давно появляются люди, думающие о революции, жаждущие ее и ищущие путей к ней.
>
> В течение полувека,— говорит В. И. Ленин,— примерно, с 40-х до 90-х годов прошлого века, передовая мысль жадно искала революционной теории».

Но дано все это в разделе, который называется «Поисками революционной теории», и выходит, следовательно, что задыхались все только потому, что не знали науки о революции, только «искали» пути к революционной теории. Но тогда что же представляла собой **практика**,—

героическая борьба эпохи 60-х и 70-х гг.? И почему не могли так долго найти революционной теории, не было ли так-таки до марксизма какой-нибудь другой теории?

На стр. 28 отмечается следующее по поводу народничества:

«Но зачислять народников просто в разряд реакционеров будет неправильно. Их предложения, конечно, несбыточные, но с точки зрения интересов мелкой собственности вполне понятные, все же выражали стремление мелкой буржуазии (в первую очередь — крестьянской) к более демократическому строю.

Народники, таким образом, выявляли двойственную природу мелкой буржуазии: она всегда цепляется за старинку и в тоже время жаждет обновления политического строя, выгодного для себя» (разрядка автора).

И в другом месте, на стр. 21:

«Народники уверяли, что в России капитализм не разовьется, что, следовательно, у нас не будет и большого рабочего движения. Этим они отвлекали передовых рабочих от задач организации сил пролетариата».

Не говоря уж о том, что давать только это даже о народниках-эпигонах явно недостаточно, нельзя же, однако, забывать самого главного, что, ведь, «народники» народникам рознь. А где же отличие революционного «крестьянского» социализма отчасти Герцена, а в особенности Чернышевского, от эпигонов,—за что мы устраиваем юбилейные торжества в память Чернышевского? Спрашивается: что же поймет из всей этой стряпни читатель, который поверит обложке «в помощь активисту» и захочет поставить пред собой вопрос, почему партии в 1926 г. троцкистами было брошено обвинение в народничестве? Ведь в книжке ни одного слова нет о проблеме некапиталистической эволюции России, как эту проблему в свое время ставили революционеры 60-х и 70-х гг. и вслед за ними эпигоны 80-х и 90-х гг.

Совсем, совсем слабо очерчено рабочее движение 80-х гг. Можно сказать, что это движение явно принижено, поскольку не отмечена роль и значение таких стачек, как морозовская. То же, в общем, и для эпохи 90-х гг. Так же примитивно дано об'яснение рабочего с'езда. Совершенно не подчеркнуто различие (см. стр. 114) между принципиальным и практическим подходом в оценке идеи рабочего с'езда. Просто сказано: «V с'езд партии резко осудил эту идею». А между тем мы знаем, что после Октябрьской революции большевикам приходилось проводить ой-ой сколько «рабочих с'ездов». Спрашивается: в чем же разница?

Так же примитивно показана роль 9 января, как начала революции:

«И вот рабочие массы Питера устремились 9 января в мирном шествии к царскому дворцу. Слепая вера в царя-батюшку гнала их с воплями о своих страданиях, с просьбами защиты против эксплоататоров и всевластия чиновников.

Царь и его палачи двинули войска и расстреляли и изуродовали много рабочих, женщин и детей».

Не точно, будто массы шли «с воплями». Этому вовсе не соответствует дух знаменитого обращения.

Далее, поскольку Милюков не отмечает центра тяжести разногласий до революции пятого года, ему трудно показать и дальнейшее историческое развитие их в 1905 году. У него, совершенно не подчеркнут буржуазно-крестьянский характер революции 1905 года, а тем самым и аграрный вопрос, как гвоздь в революции; в связи с этим не даны два пути развития буржуазной революции, знаменитые ленинские «американский» и «прусский» пути. Таким образом, не показано историческое развитие большевизма в одном из важнейших его моментов! Автор поэтому, разбирая теорию перманентной революции, ограничивается простым утверждением о том, что главная ошибка в теории Троцкого есть «недооценка крестьянства».

В отношении 1917 г. совершенно отсутствует анализ особенностей большевистской тактики единого фронта до июля, нет популярного изложения основных идей Ленина, выраженных в статьях «К лозунгам», «О компромиссах» после июля, ничего не дано об особенностях тактики партии в период корниловщины, ни слова о тактике и организации восстания, о партии после Октября, об учредительном собрании, об основных фронтах гражданской войны, об особенностях эпохи военного коммунизма, нет хотя бы кратко о большевизме в международном движении, начиная с 17-го года. Это по поводу такого важного момента, как эпоха Октября.

Вся книжка разбита на 11 бесед, начиная с эпохи «Р. С.-Д. Р. П.» и до нэпа. Правда, последние несколько страничек посвящены нэпу и партии во времена нэпа. Но они уж настолько общи (в этом отношении у т. Милюкова совсем «по триаде», «конечный итог» совпадает «с исходом») и «популярны», что не дают даже того минимума, какой имеется в остальных беседах. Эпоха нэпа смазана так же, как эпоха народничества. В книжке вы не найдете никаких, даже самых коротеньких методических указателей, или хотя бы вопросников. Никаких био-библиографических справок. А ведь в популярной работе такого типа, чем больше различных (толково и к делу, конечно, составленных!) указателей, тем лучше. В среднем на каждую беседу отводится 15—20 страниц. Разбивка произведена так, что определенному этапу в развитии партийной истории как бы предшествует социально-политический очерк, но соблюдается это, однако, не всюду и слишком обще и недостаточно.

Мы далеко не исчерпали всех «перлов» в работе тов. Милюкова, но и этого достаточно,—«примитивизм», «вульгарщина» и прочие прелести, столь характерные для нашей популярщины, более чем достаточно показаны. Спрашивается, кому же нужна подобная стряпня (может быть, еще допустимая 10 лет назад) сейчас, в 1928 г.? Какая же в таком случае получается «популяризация»? В свое время В. И. Ленин боролся с меньшевиками против популярного органа для рабочих, потому что боялся, что там будут «популярные идеи», т.-е. примитивизм, а не настоящая популяризация боевых вопросов марксизма. К сожалению, у нас еще сохранился, очевидно, кое-где взгляд, по которому популяризация идей понимается как «популярные идеи».

Не случайно М. Н. Покровский говорил в речи на юбилее, что сейчас разработка вопросов по истории может быть только коллективной. Это замечание глубоко верно для работы по популяризации идей. Пусть организация — внешняя — такой работы будет дороже, и все же она будет окупаться и тем самым будет много дешевле. Пусть это будет одно, два названия, а не так, как теперь, когда рынок тучами по количеству заполняется. Но такая коллективная работа сумеет, действительно, завоевать читателя, станет действительно серьезным вкладом в дело культурной революции.

Николай Эльвов.

Три голоса о марксизме.

I.

Буржуазный мир не забывает о теории Маркса. Он не любит о ней говорить, старается не делать ей рекламы своей ненавистью, но нет-нет да проговорится, обнаружит свое страстное желание уничтожить или обезвредить теоретическое оружие пролетарской революции.

Восьмидесятилетие Коммунистического Манифеста не осталось незамеченным буржуазной печатью. Мы остановим свое внимание на материале, который дает октябрьская книжка американского журнала «Current History». Нельзя сказать, что этот материал имеет какую-нибудь серьезную научную ценность. Защищая свое классовое бытие, буржуазия вынуждена все дальше уходить от научного исследования общественных отношений. Ход ее мыслей все больше идет по линии голых утверждений, слепой односторонности и диких извращений действительности, доходящих до курьеза. Тем не менее (если не тем более), знакомство с современной идейной самозащитой буржуазии безусловно необходимо. Несерьезность ее может только доставить нам лишнее удовольствие.

Указанный выше журнал не выступает с каким-нибудь единым взглядом. Он дает место статьям трех авторов, указывая в редакционном примечании на различие их точек зрения, и «хорошую подготовку для трактовки предмета, имеющего чрезвычайное значение в настоящее время».

Первой идет статья профессора политэкономии Гарвардского университета Карвера. Этот автор, что называется, берет «быка за рога». Теория Маркса представляется ему глубоко ошибочной. Он отдает должное таланту Маркса, его неопровержимой логике, но не может согласиться с исходным пунктом позиции Маркса. Очень интересно, в чем видит Карвер этот исходный пункт. Не в материалистическом понимании истории, например. Наоборот. По мнению почтенного профессора политэкономии, материалистическое понимание истории (в его рассуждениях оно фигурирует под хорошо известным нам псевдонимом «экономического» понимания) вовсе не является неразрывно связанным с социалистическим мировоззрением. «Индивидуализм» с неменьшим правом, чем социализм, может находить в «экономическом понимании» истории свое оправдание. Красноречивый пример: Бокль и Спенсер. Все зависит от того, как мы оцениваем сущность капитала. Признание капитала «продуктивным» «приводит неизбежно к индивидуализму». И, наоборот, признание капитала «непродуктивным» с такой же неизбежностью приводит к социализму.

Таким образом, становится ясным, что важнейшим, исходным пунктом для Карвера является именно оценка капитала. В признании «непродуктивности» капитала он видит главную ошибку Маркса, повлекшую за собой все остальные ошибки социализма.

Как видим, буржуа в облике профессора политической экономии ставит вопросы прямо. Он находит, что Маркс считает капитал «только средством эксплоатации и насилия и ни в коем случае не средством производства и услуги». Вполне понятно, что буржуа искренно возмущен. С убийственной иронией указывает он на то, что если следовать за Марксом, то придется капитал уподобить разбойнику с большой дороги, который только отнимает и ничего не дает. И Карвер считает своей обязанностью показать, что капитал ничего не отнимает, а дает так много, так много.

Вот его рассуждения. Возьмем к примеру мистера Форда. Он создал себе большие богатства, которые продолжают расти с значительной быстротой. Некоторые чудаки делают из этого вывод, что Форд в конечном счете сосредоточит все национальное богатство в своих руках и ничего не оставит другим. Это неверно. Форд берет себе, но дает и другим. Рост богатства Форда сопровождается ростом богатства его рабочих. Марксов закон концентрации капитализма неверен.

К сожалению, ученый политэконом излагает свои мысли в полубеллетристической форме. Поэтому он ограничивается одними утверждениями, не давая конкретного анализа. Тем более ценно, что он в своей апологии капитализма иногда проговаривается. Рисуя благодетельные последствия развития капитализма на Вест-Индских островах, он добавляет, что достигнутому благоденствию может угрожать наплыв эмигрантов и «половая невоздержность». Если ограничить иммиграцию и держать количество населения в известных границах, то улучшению экономического положения не будет конца.

Это профессорское «если» прямо замечательно. После красочного гимна капиталистическому процветанию и всеобщим благам, которые оно с собой несет, такой резкий, такой прямой поворот к откровенному мальтузианству. Подробная критика карверовской апологии капитализма, однако, не входит в задачи статьи. Идеи Карвера говорят сами за себя, и достаточно их показать, чтобы доставить удовольствие нашему читателю.

Карверовский грубый прием с «продуктивностью» капитала, конечно, имеет своей целью смазывание вопроса об эксплоатации. Это тем более ясно, что Карвер прямо полемизирует с марксовой теорией прибавочной стоимости. Аргументация его в этом вопросе не менее характерна для умственного уровня американской буржуазии, чем все, что показано выше. По Марксу,—говорит один из столпов американской буржуазной науки,—прибавочная стоимость является единственным источником обогащения. Между тем «популярный актер, призовой борец, писатель или кто-нибудь другой, удовлетворяющий народную потребность, становится богатым, не владея ни землей, ни капиталом. Некоторое предприятие, в котором мало рабочих, процветает; некоторое другое, в котором рабочих чрезвычайно много, приходит к обеднению». Обогащение, следовательно, не связано с эксплоатацией рабочей силы пролетариата.

Неправда ли, замечательную оригинальность и силу ума обнаруживает здесь принципиальный защитник капитализма? Трудно, впрочем, решить, насколько это самодовольное тупоумие является естественным. Не исключена возможность, что мы имеем дело с сознательным лицемерием. Выводы остаются неутешительными для идейного вооружения буржуазии в обоих случаях.

Карвер делает и некоторые «уступки» марксизму. Он готов согласиться, что капитализм имеет известные теневые стороны. Но справедливость немедленно восстанавливается тем, что признания таковых теневых сторон Карвер требует и в отношении рабочих. «Капиталисты иногда обманывают и мошенничают. Но так делают и рабочие. В этом отношении между ними нет большой разницы». (Тут ум буржуазии, действительно, поднимается до редкой теоретической высоты). Но это не все. Мы находим еще более поразительный зигзаг мысли». Имея в виду указания социалистов на то, что призводителем всех благ является пролетариат и что, с другой стороны, капитализм является виновником уродливых сторон жизни, Карвер строит следующее «опровержение». «Если труд производит всю водку, а капитал ничего, то пусть труд, а не капитал, несет ответственность за все зло или добро, которое дает водка. Если капитал преимущественно порицают за вред, приносимый водкой, то ему должно быть воздано по заслугам и за добро, если водка таковое приносит». Очевидно, таковы требования буржуазной справедливости. Нам остается только удивляться глубине мыслей ученого противника марксизма.

Выводы Карвера вполне определенны и точны. Капитал хорошая, «продуктивная» вещь. Отдельные его недостатки чисто случайны. Ведь «всякую силу—умственную, физическую или финансовую—можно использовать в худую сторону». Слава богу, существует государство. Оно будет бороться со всяким злом, от кого бы оно ни исходило. Маркс, конечно, целиком неправ. Если бы Маркс исходил из признания «продуктивности» капитализма, он пришел бы к иным выводам, чем те, которые проповедываются социалистами.

Профессор Карвер выступает, как прямой апологет капитализма. В его лице буржуазия имеет не вполне ловкого, но безусловно преданного и упрямого защитника.

II.

Второй автор, известный профессор лондонского университета Ласки, дает совершенно другой тип критики марксизма. Здесь мы не найдем уже грубой прямоты Карвера. Ее замещают ловкость, осторожность и изворотливость. Карвер дает своей статье следующий подзаголовок: «Основное заблуждение марксизма». А Ласки: «Достоинства и недостатки марксистской философии». Установка обоих авторов видна вполне отчетливо уже из этих формулировок.

В противоположность Карверу, Ласки придает большое значение философским основам марксизма. Более или менее грамотно передает он общую марксистскую картину общественного развития, которое через борьбу классов и диктатуру пролетариата приводит человечество к бесклассовому обществу. «Было бы просто сумасшествием отрицать большую степень истинности, которую этот анализ содержит»,—заключает Ласки.

Более того, значительную «степень истинности» Ласки готов признать и за марксовой критикой буржуазной демократии. История Англии, Франции и Германии, по его мнению, доказывает нереальность чистой демократии вследствие «большого неравенства в собственности». Ласки даже правильно уточняет, что это за неравенство. «Нельзя отрицать, что в обществе имеется реальное разделение интересов между собственниками средств производства и теми, кто ничего не имеет для продажи, кроме собственного труда». В соответствии с этим Ласки признает основательность того, что рабочие видят в капитализме новую форму рабства. Он в и д и т противоречия капитализма и в связи с обрисовкой их заключает: «Коротко говоря, капитализм и мир исключают друг друга».

Но все имеет свой предел. Признание «достоинств» марксизма со стороны Ласки вполне подходит под этот закон. После хороших фраз начинается всемирно-известное «н о»... Марксистская философия хороша, но «оставляет слишком мало места значению неэкономических факторов». (Старая, ставшая исключительно пошлой песенка). Нужно поставить на должное место религию, расу, национальность. Иначе, как об'яснить, например, тот факт, что, несмотря на классовый принцип, английский пролетариат чувствует себя более связанным со своей буржуазией, чем с американскими братьями по классу. Здесь Ласки явным образом состязается с Карвером в лицемерной сверхнаивности.

Основная поправка, которую Ласки считает необходимым внести в марксизм, может быть передана очень коротко: н е н а д о р е в о л ю ц и и. Насилие не может привести к хорошему. Это искренний классовый вопль, естественно рвущийся из груди респектабельного профессора. Хорошая буржуазная голова может понять кое - что из марксизма, может согласиться с наиболее общими его положениями, но когда дело подходит к неизбежной развязке, к революции (без которой марксизм не есть марксизм)

классовый инстинкт берет верх. Надо как - нибудь отвертеться от смертельного (для буржуазии и ее идейных слуг) вывода.

Профессор Ласки начинает расписывать трудности революции. Для победы революции необходимо стечение многих благоприятных обстоятельств: требуется наличие революционно - сознательного класса, наличие коммунистической партии, могущей использовать положение, и, наконец, наличие умелых вождей, как это было в России в 1917 г. Требуется также наличие всеобщего кризиса, развала армии и т. п. Такое положение вряд ли может создаться. Если оно и возможно, то только вследствие неудачной войны. И к тому же власть легче взять, чем удержать. Да и удержанная власть может выродиться в беспочвенную диктатуру кучки.

Словом, почтенный профессор, обнаруживший вначале некоторую ясность мысли, попросту начинает мямлить. Конечно, правильно, что революция представляет значительные трудности, но Ласки не в силах доказать, что она не является необходимой и возможной. Он пытается придать некоторую теоретическую силу своим рассуждениям принципиальной постановкой вопроса о насилии. Он отказывается понять, как это г а р м о н и ч н о е, о р г а н и з о в а н н о е бесклассовое общество может быть создано через к о н ф л и к т, через к р о в ь, через н е н а в и с т ь. (Недиалектику это, действительно, трудно понять). В этом пункте он решительно считает Маркса и Ленина неправыми. Но с высокотеоретической платформы Ласки очень скоро скатывается к плоским запутанным рассуждениям, с которых он начал свое доказательство невозможности революции. «Насилие неразумно»; лучше свобода, чем диктатура; благодаря необычайной силе современных разрушительных средств, вооруженная борьба может привести к разрушению цивилизации; оправдывая насилие, мы оправдываем фашизм не меньше, чем коммунизм; Маркс считал мирный переход к социализму возможным; опыт России говорит, что там «одна форма тирании сменилась другой» и т. д., и т. п.

Заниматься опровержением этих «доводов» против революции безусловно не имеет смысла. Отметим только, что в этой части своей статьи Ласки забывает, что он говорил раньше. Признавал же он, что «демократия» фиктивна, что противоречие интересов между собственниками средств производства и продавцами рабочей силы является определяющей чертой современного общества. Отсюда совсем не трудно дойти до понимания того, что такой важный классовый конфликт может найти свое разрешение только будучи доведен до конца. Если профессор Ласки не дошел до этого понимания, то это свидетельствует лишь о приоритете классового интереса над законами логики.

Свои надежды на будущее Ласки связывает с приходом к власти рабочих правительств. Он не может не признать, что под руководством этих правительств переход к бесклассовому обществу будет длительной и трудной задачей. Но ведь и в пролетарской России переход к коммунизму длится что-то очень долго,—защищает себя Ласки.

Хотя буржуазная наука любит заявлять, что она основывается на фактах, но судя по параллели, которую дает Ласки, этого нельзя сказать. «Рабочее правительство» Макдональда существовало, как факт. Не сравнивая н а д е л е этого (позорного) факта с таким фактом, как СССР, нельзя бросать фразы о продолжительности и трудности переходного периода. Ласки этого сравнения не делает. Причина ясна: серьезное сравнение советской страны с макдональдовским раем не может помочь проведению идеи о мирном врастании в социализм под эгидой «рабочих» королевских правительств.

Вполне открыто Ласки разоблачает себя при обнаружении того, к кому он, собственно говоря, обращается. А об этом он яснее ясного говорит в последних абзацах своей статьи. Правители не должны игнорировать теории

Маркса,—такова его основная мысль. «Будущее общество в сильнейшей степени зависит от готовности тех, кто сейчас контролирует орудия производства, сделать бо́льшие уступки пролетариату». Почему это необходимо? Потому, что марксисты настойчивы и воинственны, как солдаты Кромвеля. Нужно практически им доказать, что путь реформ вполне оправдывает себя. «Мы не должны говорить Марксу, что итти по пути насилия ошибочно с точки зрения разума. Наша задача состоит скорее в том, чтобы доказать на деле возможность овладения крепостью другими, более легкими путями».

Особенности ласковского метода защиты буржуазии и отличие его от карверовского вполне очевидны. Ласки не берет капитализма под прямую защиту. Он признает формально неизбежность его падения. С тем большей настойчивостью борется он против самого существенного, самого важного—против революции, надеясь убедить и буржуазию и пролетариат в возможности пути взаимных уступок.

III.

Третьим автором является хорошо известный в истории американского социализма Морис Хилквитт. Его постановка вопроса близка к той, которую дает Ласки. Но Хилквитт менее ловок, более груб и, если хотите, более нагл по отношению к марксизму, чем профессионал-профессор. «Сущность марксизма—эволюционизм», таково заглавие статьи Хилквитта. Это восклицание очень красноречиво. Оно дает ключ к хилквиттовским идеям.

Если Ласки считает признание необходимости революции существеннейшей частью марксизма и доказывает неправоту Маркса в этом вопросе, то Хилквитт становится в другую позу. По его мнению, сам марксизм отказывается от насилия. Идея необходимости революции,—говорит Хилквитт,—была порождена специфическими условиями эпохи 1848 г. Но с тех пор условия коренным образом переменились. Изменилась и марксистская теория. Сейчас «марксизм имеет эволюционную сущность, и марксистская программа предусматривает победу социалистического движения через поддержку его большинством народа».

Аргументация, которую Хилквитт употребляет для доказательства «эволюционного характера» марксизма, довольно курьезна. Идет она по следующей линии. Известное положение о насилии, как «повивальной бабке» нового общества выражало «фаталистическое убеждение» о сопротивлении господствующего класса. Развитие «народного государства» опровергло это убеждение, и Маркс признал преимущества мирной демократии. Но самое забавное впереди: «вера в неизбежность насильственной революции,—говорит Хилквитт,—особенно потрясена событиями последних десяти лет. Большевистские революции в России и Венгрии были совершены без кровопролития. Политические революции, которые преобразовали германскую и австро-венгерскую монархию в республики, управляемые социалистами, точно так же были совершенно мирными. В Великобритании, Швеции, Дании, Норвегии и Финляндии социалистические партии были в разное время допущены к образованию правительств в своих странах без насильственной или какой-нибудь иной оппозиции со стороны буржуазии, даже раньше, чем эти партии получили большинство на выборах в парламент».

Тут мы, действительно, вступаем в область курьезов. Смешать воедино «социалистические» правительства Англии и др. стран с пролетарской диктатурой в России, аргументировать против насилия мирным характером российской революции—на это не всякий способен! Для этого нужно особое состояние умственных способностей. Хилквитт вполне ровня Карверу, который, как мы видели, бесспорно побивает рекорд глупости.

Из того, что Хилквитт считает пролетарскую революцию в России мирной, не следует, однако, что он к ней относится положительно. Наоборот, Хилквитт категорически заявляет: западная социал-демократия отказывается принять большевистскую революцию, как рабочую революцию, и советское правительство, как социалистическое правительство, в марксистском смысле этих слов. Для социалистической революции нужны: высокое развитие капитализма, осуществление господства буржуазии, наличие развитого пролетариата, высшая степень сознательности классовой борьбы. В России не было ни одного из этих условий. «Столкновения между предпринимательским классом и рабочими были спорадическими и малозначительными».

Уровень исторических познаний Хилквитта, как мы видим, вовсе не соответствует представлению о культурности обитателей капиталистического рая. Характеристика борьбы между пролетариатом и буржуазией в России, как «спорадической и малозначительной» не поддается никакой квалификации.

То, что следует дальше, не может послужить основанием для более лестного мнения о лидере американских социалистов. «Социалистический режим в крестьянской стране немыслим». Суть советской конституции—«автократическое правление партии». Социализма в стране нет. Национализация земли существует только на бумаге. Рабочий контроль уничтожен. Нэп является не чем иным, как «подчинением режиму частного капитализма». (В клевете на СССР Хилквитт, однако, не оригинален и не одинок. Некоторые люди, стоявшие гораздо ближе к марксизму, чем Хилквитт, дошли до таких же утверждений).

Достойным увенчанием хилквиттовских откровений служит его указание на изменение социальной базы социалистического движения. Старое марксистское предсказание о превращении мелких производителей в пролетариев не оправдалось,—говорит Хилквитт. Мелкие производители сохранились в большом количестве. На ряду с ними создался новый «средний класс» из служащих. Пролетариат не составляет большинства нации. «Это обстоятельство заставило социалистическое движение повсюду, где оно достигло политической зрелости, искать поддержку в непролетарских рядах среди средних классов и главным образом среди земледельческого населения. Стремление к этой необходимой политической поддержке привело в свою очередь к существенному расширению социалистической программы».

За последнюю откровенность можно только поблагодарить. Наше указание на непролетарский характер современной социал-демократии вполне подтверждается одним из ее лидеров.

IV.

Что же дают нам приведенные выше три голоса о марксизме? К каким выводам могут они нас привести?

Все три статьи достаточно ясно обнаруживают всю ненаучность и даже просто несерьезность буржуазных (в данном случае англо-американских, бьющих рекорд по несерьезности) рассуждений об основных проблемах общественного развития, волнующих в настоящее время все человечество. «Остроумие» Карвера вполне показывает умственный уровень самодовольного, ограниченного американского мещанина. И Ласки, и Хилквитт недалеко уходят от него, особенно последний. Об'ективная истинность революционного марксизма настолько ясна в нашу эпоху, что борьба с ним может вестись только на крайне шаткой идейной позиции, которая в буквальном смысле слова н е с е р ь е з н а. Само собой разумеется, что наше указание на несерьезность буржуазной критики марксизма имеет в виду ее чисто идейную сторону, а не степень ее действительного влияния и действитель-

ного отрицательного значения для революции. В последнем смысле она очень серьезна. Классовый интерес и специфические условия капиталистического процветания могут заставить поверить в какую угодно чепуху.

Что еще обнаруживается из этих статей, и что особенно важно—это тот факт, что чем «ближе» человек к социализму, чем больше хочет он выставить себя защитником рабочих интересов, тем опаснее он для действительно пролетарской революционной политики. Карвер прямо защищает капитализм. Убедить более или менее сознательного рабочего ему трудно. Ласки признает неизбежность гибели капитализма, но он категорически против революции. Ему легче подойти к рабочему, хотя прямое указание на неправильность марксизма продолжает служить значительным препятствием на пути к рабочему сердцу. Хилкуитт уничтожает это препятствие. Свое не менее решительное отвращение к революции он выдает за настоящий «современный» марксизм. Ему уже легче с этим втереться в доверие к рабочему.

Вместе с тем, нужно отметить, что Хилкуитт стоит на гораздо более низком теоретическом уровне, чем Ласки. И в отношении к Советскому Союзу он тоже занимает более гнусную позицию, чем лондонский профессор. Это показывает, что современный «социализм» выполняет свою контрреволюционную миссию вполне серьезно и с большим рвением. Контрреволюционный пыл, предвкушение власти ослепляют вождей социализма и помрачают их теоретический разум.

А из истории известно, что такое ослепление предшествует гибели.

Н. Медведев.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ,

напечатанных в „Большевике" в 1928 году.

ЛЕНИН И ЛЕНИНИЗМ.

ВНУТРИПАРТИЙНЫЕ ВОПРОСЫ.

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ.

Максаковский, П.—К теории цикла и динамике советского хозяйства, № 6, стр. 8, № 7, стр. 9.

Мотылев, В.—Проблема темпа в проектах пятилетнего плана, № 3—4, стр. 7.

Мотылев, В.—К вопросу о пятилетнем плане, № 10, стр. 78.

Мотылев, В.—Прикрытое отступление, № 17—18, стр. 118.

На под'еме (передовая), № 17—18, стр 3.

Орагвелидзе, К.—Переходное хоз-во, как предмет теоретического анализа, № 17—18, стр 46.

Розенталь, К.—Промышленность в 1927—28 г., № 5, стр. 41.

Струмилин, С.—К дискуссии о пятилетке Госплана, № 13—14, стр. 109.

Трошин, К.—О мобилизации крестьянских свободных средств, № 21—22, стр. 111.

Ход хлебозаготовок (передовая), № 23—24, стр. 3.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ДЕРЕВНЕ.

Александров, П.—О работе в деревне, № 1, стр 35.

Анисимов, М.—Классовая политика партии в деревне и машиноснабжение, № 3—4, стр. 32.

Анисимов, А.—Капиталистический и социалистический путь развития крестьянского хозяйства и машинизация, № 15, стр. 30.

Блюменталь, А.—Первый опыт массовой контрактации зерновых культур, № 19, стр. 51.

Бумбер, Я.—Дальнейшие вехи колхозного строительства, № 20, стр. 72, и № 21—22, стр. 28.

Гатовский, Л.—К вопросу о политике цен на с.-х. товары, № 20, стр. 37.

Григорьев, В.—Коллективизация советской деревни, № 7, стр. 38.

Жариков, А.—Машинизация, как метод коллективизации сельского хозяйства, № 16, стр. 56.

Зданович, С.—Сельские советы и земельные общества, № 6, стр. 39.

Зданович, С.—Еще раз о сельсоветах и земельных обществах, № 13—14, стр. 94.

Калманович, М. — Строительство новых крупных зерновых совхозов, № 23—24, стр. 35.

Лифшиц, М.—Пашня или посев, № 23—24, стр. 87.

М. М. — К проекту союзного закона о землепользов. и землеустройстве, № 15, стр. 56.

Никулихин, Я.—Об обобществленном секторе в сельском хозяйстве, № 11, стр. 34.

Никулихин, Я.—О крупном и мелком хозяйстве в земледелии, № 17—18, стр 27.

Попов, Ф.—Система финансирования сельского хозяйства и ее уклоны, № 16, стр. 45.

Рябоконь, В.—Деревенский коммунист, как организатор коллективного хозяйства, № 9, стр. 34.

Сучков, А.—Как не надо рассматривать вопрос о формах землепользования, № 2, стр. 77.

Хлебозаготовки и классы в деревне (передовая), № 3—4, стр 3.

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО.

Васильев, М.—О промкадрах, № 8, стр 61.

Каганович, Л.—Политические задачи кампании перевыборов в советы, № 19, стр. 8.

Ломов, Г.—К вопросу об оживлении рудничных советов РККД, № 9, стр. 83.

Москатов, К.—Заметки о работе с сезонниками, № 6, стр. 63.

М. У.—За упрочение низового органа диктатуры пролетариата—сельсовета, № 17—18, стр 129.

Фейгин, В.—О руководстве советским аппаратом и элементах двоевластия в деревне, № 9, стр. 71.

ВОПРОСЫ ТРУДА И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ.

А. Ф.—О колдоговорной кампании, № 21—22, стр. 100.

Гуревич, Д.—Экономическая работа профсоюзов, № 17—18, стр. 66.

Маркус, Б. — К вопросу о новых коллективных договорах, № 5, стр. 55.

Маркус, Б. — Рабочее время в СССР, № 16, стр. 29.

Маркус, Б. — Из практики осуществления 7-часового раб. дня, № 8, стр. 41.

Спектор, Б.—Профсоюзы и работа в деревне, № 8, стр. 72.

КООПЕРАЦИЯ.

Гринберг, Р.—К вопросу о классовых «искривлениях» в кооперации, № 11, стр. 49.

Новиков, И.—Самокритика, борьба с бюрократизмом и растратами, рационализация потребкооперации, № 13—14, стр. 72.

МЕЖДУНАРОДНОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ (КОМИНТЕРН И ПРОФИНТЕРН).

Беннет.—Уроки 60 конгресса английских трэд-юнионов, № 20, стр. 49.

Беннет.—Борьба против оппортунизма и примиренчества в германской компартии, № 21 — 22, стр. 43.

Варга, Е.—Основные проблемы китайской революции, № 8, стр. 17.

Гей. К.—Современное профдвижение и наша тактика, № 23—24, стр. 97.

Из итогов пленума ИККИ (передовая), № 5, стр. 3.

VI конгресс Коминтерна (передовая). № 15, стр. 3.

Ломинадзе. Б.—Новый этап китайской революции и задачи китайских коммунистов, № 3—4, стр. 86.

Мерфи. Дж.—Об изменении тактики английской компартии, № 3—4, стр. 72.

Миф. П—Спорные вопросы китайской революции, № 3—4, стр. 108.

Миф. П.—Китайская компартия в критические дни, № 5, стр. 64.

Поллит, М.—Борьба английских женщин с войной, № 16, стр. 64.

Попов, К.—Об исторических условиях перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую, № 21—22. стр. 35. и № 23—24, стр. 70.

Программа Коминтерна и реформизм (передовая), № 12, стр. 3.

Сталин, И.—О правой опасности в германской компартии, № 23—24, стр. 40.

Сейгель, Б.—Развитие нац.-рев. движения и борьба за гегемонию в инд. революции, № 13—14, стр. 49.

Шао-Цы-Кан.—Опыт кантонского восстания. № 23—24, стр. 48.

Шацкин, Л.—Замечания к проекту программы Коминтерна, № 13—14, стр. 117.

Шацкин, Л.—К вопросу о характере и движущих силах индийской революции, № 17 — 18, стр. 80, и № 20, стр. 58.

Шубин, П. — Борьба против войны и завоевание масс, № 15, стр. 10.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА.

Айхенвальд, А.—О некоторых устоях и некоторых противоречиях современного мирового хозяйства, № 11, стр. 21, и № 12, стр. 26.

Алисов, П—Страна, которую 10 лет назад украли, № 2, стр. 69.

Б. Б — ин. — Международное экономическое положение, № 1, стр. 7, и № 2, стр. 9.

Боссе, А.—Капиталистическое развитие сельского хозяйства С.-А. С. Ш., № 10, стр. 23.

Варга, Е. Политика британских империалистов в Индии, № 3—4, стр. 53.

Варга, Е.—Обострение империалистических противоречий и репарационный вопрос, № 21—22, стр 56

Виленкин, Я.—Американский империализм и революция в Никарагуа, № 10, стр. 62.

Гольденберг, Э.—Германская проблема, № 5, стр. 27.

Кампания СССР за разоружение и международный пролетариат (передовая), № 7, стр 3.

Китайгородский, П.—Итало-французские противоречия, № 6, стр. 54.

Китайгородский, П. — Египет под пятой английского империализма, № 10, стр. 56.

Космин, Е.—Украинские планы польского фашизма, № 23—24, стр. 112.

Лапинский, П.—Судьбы послевоенного государства, № 7, стр. 20.

Лапинский, П. — Государственно-монополистический капитализм и политика империализма, № 9, стр. 9.

Лапинский, П.—«Соц. государство». Этапы и тенденции развития, № 13—14, стр. 9.

Мерфи, Дж.—Имперская политика Англии и рационализация английской промышленности, № 17—18, стр. 97.

Мотылев, В.—Источники экономического превосходства С.-А. С. Ш., № 12, стр. 35.

Н. Р.—Германский неоимпериализм и колониальная проблема, № 8, стр. 50.

Нотович, Ф.—Комедия разоружения и выступление СССР, № 2, стр. 17.

Нотович, Ф.—Пакт Келлога, империалисты и СССР, № 17—18, стр. 9.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И МЕНЬШЕВИЗМ.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА.

КУЛЬТУРНЫЕ.

ИСТОРИЯ.

РАЗНОЕ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ «БОЛЬШЕВИКА».

Двухнедельный научно-публицистический журнал «РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА», выходящий под редакцией Н. Бухарина, А. Деборина, А. Луначарского, И. Луппола, Е. Пашуканиса, Я. Стэна, Л. Чернявского, ставит своей задачей помогать широкому активу партии и комсомола в работе на культурном фронте. В 1929 году в журнале будет помещен ряд статей, разрабатывающих теоретические вопросы культурной революции, освещающих практику культурного строительства в различных областях и в особенности опыт культурной работы местных организаций.

Журнал «РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА» в предстоящем году уделит большое внимание борьбе против чуждых и враждебных тенденций в различных областях идеологии, широкому развертыванию самокритики в области культурного строительства и борьбе за отчетливую классовую линию в осуществлении культурной революции.

Журнал «РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА» будет систематически освещать текущие проблемы науки и техники, увязывая их с практическими вопросами культуры труда, культуры управления и хозяйствования. Будет значительно расширено освещение вопросов быта и вопросов национальной культуры, а также культурной жизни за рубежом.

Журнал «РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА», стремясь содействовать поднятию теоретического уровня актива партии и комсомола, будет регулярно помещать статьи по наиболее актуальным проблемам марксистско-ленинской теории, а также организует на своих страницах систематическую консультацию по отдельным общетеоретическим вопросам и вопросам культурной революции.

Всякий партиец и комсомолец-активист, работающий на культурном фронте, должен подписаться на журнал «РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1929 год. Подписная цена: 1 мес.— 2 номера 80 к., 3 мес.—6 номеров 2 р. 40 к., 6 мес.—12 номеров 4 р. 80 к., 12 мес.—24 номера 9 р. 60 к. В розничной продаже цена отдельного номера—50 коп.

Подписка принимается: в Главной Конторе Издательства «Правда» и «Беднота» (Москва, 9, Тверская, 48) и во всех провинциальных отделениях и представительствах «Правды».
